

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Ивановский государственный университет»

На правах рукописи

КИЕУ АНЬ ВУ

**ФЕНОМЕН ОРУЖИЕ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА
(НА ФОНЕ ВЬЕТНАМСКОГО ЯЗЫКА)**

Специальность 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Фархутдинова Фения Фарвасовна

Иваново – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ, НЕОБХОДИМЫЕ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ И ОПИСАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА	13
1.1. Общенаучные понятия, определившие методологию исследования..	13
1.1.1. Научная парадигма как способ выражения и интеграции целей исследования	13
1.1.2. О методологических основах исследования в свете существования разных парадигм лингвистического знания	19
1.2. Антропоцентрический взгляд на язык: концепции и понятия.....	21
1.2.1. Язык как источник знаний и представлений о мире.....	21
1.2.2. Культурная информация в семантике лексико-фразеологических единиц	27
1.2.3. Культурные смыслы семантики лексико-фразеологических единиц языка и возможности их интерпретации.....	40
1.3. Об извлечении культурной информации и коннотации при наличии человеческого фактора культурной компетенции.....	53
1.3.1. Культурная коннотация и проблема непередаваемости содержания языкового знака	53
1.3.2. Культурная компетенция при изучении языковых явлений; контекстуальная корреляция как низкоуровневая культурная информация	67
1.3.3. Метод семантического поля в изучении русской языковой картины мира (при наличии культурно-языковой компетенции)	77
ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ I	87
ГЛАВА II. ФЕНОМЕН ОРУЖИЕ В ДИНАМИКЕ ПРОИЗВОДНЫХ ЯВЛЕНИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА (НА ФОНЕ ВЬЕТНАМСКОГО ЯЗЫКА).	89
2.1. Анализ переносных значений и фразеологических употреблений глаголов, связанных с оружием.....	90
2.1.1. Производные значения глагола <i>стрелять</i> и его префиксальных глагольных дериватов.....	93
2.1.2. Производные значения глагола <i>взрывать</i> и его префиксальных глагольных дериватов.....	108
2.1.3. Производные значения глагола <i>колоть</i> и его префиксальных глагольных дериватов.....	119
2.2. Оружейная лексика в тексте.....	127
2.2.1. Феномены <i>ружьё</i> и <i>пуля</i> в русских пословицах и поговорках (на фоне вьетнамского языка).....	128
2.2.2. Оружейная тема в цикле рассказов И. А. Бунина «Тёмные аллеи»	138
ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ II	151
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	154
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	163

1. Словари, справочники, энциклопедии и их использованных сокращения	163
2. Научная литература	165
3. Другие использованные интернет-ресурсы	179
ПРИЛОЖЕНИЯ	182
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Глаголы с корнем <i>-стрел-</i> (лексикографические материалы).....	182
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Глаголы с корнем <i>-рв-</i> (лексикографические материалы).....	189
ПРИЛОЖЕНИЕ 3. Глаголы с корнем <i>-кол-</i> (лексикографические материалы).....	197
ПРИЛОЖЕНИЕ 4. Пословицы и поговорки с компонентом/ компонентами <i>ружьё</i> и/или <i>туля</i>	202

ВВЕДЕНИЕ

Язык часто называют зеркалом, в котором отражается жизнь, духовный и практический опыт людей – его носителей. При этом язык представляет собой большую массу данных, сгенерированных в ходе длительного процесса речевых деятельности между людьми и сохранившихся в виде языковых единиц разных уровней. Сами процессы, генерировавшие такие данные, сегодня могут быть не видны вообще, поскольку они остались в далёком прошлом. Но зачастую их следы сохраняются в словах и устойчивых оборотах. Увиденные глазами живого человека прошлых эпох, такие слова и обороты осознаются как конкретная информация о том, что люди чувствовали во время тех событий, как воспринимали их и какую оценку им давали. При таком подходе язык становится ключом к человеческому опыту и человеческой жизни. *Зеркало, ключ* – это только некоторые метафоры, используемые для характеристики языка как необычайно сложного феномена, в котором сгенерированы колоссальные знания. Именно поэтому невозможно дать краткое и ёмкое определение языка, поскольку что в любом определении на первый план будет выходить лишь какой-то один аспект – семиотический, психологический, социальный и т. д.

Антропоцентрический подход в современных российских лингвистических исследованиях представляет собой уникальное условие для получения синтетического представления о сложном явлении *русский язык*, а также о социальной реальности *Россия*. Изучение взаимосвязей явлений в аспектах «язык – культура» или «язык – мышление» позволяет целостно рассмотреть различные аспекты человеческой деятельности и даёт возможность получить ценное новое знание (языковое знание), которое проливает свет на природу языка и на связанные с ним явления.

Данная работа основана на лингвокультурологическом подходе к изучению и описанию русского языка. Сохраняя этот подход, мы расширяем его за счет привлечения теории коммуникации в человеческом сообществе и учения И.П. Павлова о второй сигнальной системе, что позволит выявить новые виды

культурной информации в языковых единицах русского языка и уточнить (пополнить) описание отдельных фрагментов русской языковой картины мира.

Актуальность настоящей диссертационной работы обусловлена тем, что одной из важных задач современной лингвистики является исследование языкового сознания народа и путей трансляции языкового сознания от одного носителя языка другому. Так же актуален и поиск методологических оснований для объективного изучения отдельных фрагментов языковой картины мира, связанных с особенностями национальной культуры. В этом смысле оружейная лексика и фразеология – это важный сегмент национально-культурного пространства языка и языковой картины мира (ЯКМ). Оружейная лексика – широкий круг слов и устойчивых оборотов, известных каждому носителю русского языка (*меч, копье, ружье, пуля, сабля, пушка, стрела, стрелять, колоть, рубить, держать порох сухим, стрелять из пушки по воробьям* и др.), – прошла длительный путь развития, сохранила множество национально-маркированных образов и понятий, отражающих особенности миропонимания и мировосприятия народа, и часто вызывает определенные ассоциации у большинства носителей языка. Подобная ассоциативность проявляется, например, в названиях современных видов вооружений. Так, совершенно закономерно одна из современных баллистических ракет получила название, связанное с периодом Древней Руси и средневековья, – «Булава». Но это слово было использовано и для названия корабельной антенны радиотехнической разведки по внешнему признаку: антenna похожа «на древнее короткодревковое холодное оружие» [Родина 2019, с. 68]. Ассоциации возникают и в других случаях: «Благодаря длинной заостренной носовой части опытный истребитель С-1 именуется *Стрелой*» [Родина 2019, с. 68]. «Стрела», «Булава», «Кинжал» – слова, которые вошли сейчас в активный словарь. Анализ оружейной лексики, главным образом, глагольных лексем, которые связаны с использованием разных видов древнего и современного оружия (оно *стреляет, рубит, колет, бьет, взрывает* и т. д.), дает возможность выявить древние (архаические) и современные ментальные установки, представления и стереотипы, которые нашли отражение в

русской языковой картине мира. Их изучение напрямую связано с проблемой «Язык – Этнос – Культура», активно разрабатываемой в современной лингвистике.

Актуальность данного исследования объясняется и возросшим интересом современной лингвистики к изучению и анализу языковых фактов антропоцентрической направленности, к каковым и относится оружейная лексика, которая находится в тесном единстве с человеком: он обращается с оружием, он защищает себя и других с помощью оружия, в результате применения оружия он может пострадать или погибнуть. Отношение к оружию, умение им пользоваться национально и культурно маркировано. Это позволяет оружейную лексику и фразеологию (*Пуля – дура, штык – молодец*) изучать в рамках лингвокультурологии и межкультурной коммуникации и через языковые единицы и закрепленные за ними образы глубже понять своеобразие русской культуры.

Объектом исследования выступает лексика русского языка, входящая в состав семантического поля (СП) ОРУЖИЕ в виде тематических групп «слов-названия видов оружия» и «глаголы, называющие действия, производимые оружием». СП ОРУЖИЕ рассматривается как один из фрагментов русской языковой картины мира (ЯКМ). Изучаемая лексика анализируется на фоне соответствующих слов вьетнамского языка, что необходимо для выявления и описания своеобразия русской языковой картины мира, наблюдаемой инофоном, и ментальных универсалий, связанных с представлениями этноса об оружии, с позиций исследователя-инофона.

Предметом исследования является семантика слов-названий видов оружия и глаголов, называющих действия, производимые оружием, а также производное использование языковых знаков, тематически связанных с оружием, для обозначения информации, выходящей за рамки их денотативного содержания.

Цель работы – провести лингвокультурологическое описание фрагмента русского семантического поля ОРУЖИЕ, осуществив анализ глагольных лексем с корнями *стрел-*, *рв-*, *кол-* и их дериватов, а также слов-названий оружия, значимых для русской культуры, на фоне отдельных фактов вьетнамского языка и вьетнамской культуры.

Достижение поставленной цели определяется необходимостью решения ряда конкретных задач:

1. Определить состав лексических и фразеологических единиц, входящих в СП ОРУЖИЕ, в русском языке и выделить сегменты, не получившие своего описания и проанализировать их;
2. Проанализировать понятия *коннотация – культурная коннотация – культурно-языковая компетенция* и описать роль их в коммуникации и нормализации знания и опыта носителя языка и инофона;
3. Провести описание языкового материала в рамках системно-структурного и антропоцентрического подходов;
4. Разработать методику анализа контекстуальных корреляций и применить её для изучения глагольных лексем с корнями *стрел-, рв-, кол-*, находящихся на периферии семантического поля ОРУЖИЕ;
5. Используя метод лингвокультурологического анализа, рассмотреть и описать культурные коннотации слов-названий оружия, атрибутов оружия и глагольных лексем, связанных с оружием, в составе пословиц и поговорок и в художественных текстах.

Методологическую основу исследования составили основополагающие труды зарубежных, а также русских, советских и российских учёных в области – парадигм научного познания (теория научных революций и смены научных парадигм Т. Куна, теория второй сигнальной системы И. П. Павлова, теория антропоцентризма и системоцентризма В. М. Алпатова);

– лингвистической семиотики и знаковой природы языка (знаковая теория Ф. де Соссюра),

– семантики и лексики (учение В. фон Гумбольдта о языке как непрерывном творческом процессе и о «внутренней форме языка», в которой выражается миросозерцание каждого народа),

– языка и культуры (теория лингвистической относительности Э. Сепира, Б. Л. Уорфа, лингвострановедческая теория слова как вместилища знаний Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова, теория языка как орудия создания,

хранения и трансляции культуры В. В. Воробьёва, В. А. Масловой, Ю. С. Степанова, В. Н. Телии и М. Л. Ковшовой, логический анализ культурных концептов Н. Д. Арутюновой и её школы),

– коннотации и культурной коннотации (лингвокультурологическое описание фразеологии В. Н. Телии, М. Л. Ковшовой и др.).

Научная гипотеза работы заключается в том, что в русской языковой картине мира семантическое поле *ОРУЖИЕ* представляет собой национально-маркированную часть словаря не только за счет слов-названий оружия, занимающих ядерную и приядерную зоны СП, но и благодаря глагольным лексемам, называющим действия, связанные с оружием, и находящимся в периферийной части СП.

Материал исследования – это лексические единицы, в значении которых присутствуют семы 'оружие', 'виды оружия', 'действия, производимые с помощью оружия'. Таким образом, в картотеку включались конкретные существительные, обозначающие виды современного или устаревшего оружия (*пушка, ружье, кинжал*), части оружия (*приклад*) или его атрибуты (*пуля*), имена прилагательные (*холодное* оружие), глаголы (*колоть, рубить, стрелять* и др.). В состав картотеки были включены и паремические единицы (*Пуля – дура, где ударит, там и ужалит*), крылатые выражения (*Пуля – дура, штык – молодец*), фразеологические единицы (*как штык*).

Языковой материал извлекался методом сплошной выборки из разнотипных источников: лексикографических изданий (лингвистических и энциклопедических словарей), сборников паремий русского языка, онлайн-корпуса русскоязычных текстов Национальный корпус русского языка, из цикла рассказов И. А. Бунина «Темные аллеи», современных электронных СМИ на русском и вьетнамском языках. Всего было проанализировано более 400 лексических единиц, около 2000 словарных статей, извлеченных из 36 словарей русского и вьетнамского языков (их перечень представлен в разделе Использованная литература и Список сокращений), более двухсот паремий. Картотека насчитывает более 4000 слово- и фразоупотреблений.

При анализе языкового материала были использованы общенаучные **методы** и приёмы (анализ, синтез, сравнение, сопоставление, описательный метод), методы, применяемые при структурно-семантическом анализе (компонентный анализ, метод семантического поля) и антропоцентрическом анализе (лингвокультурологический анализ, контекстуальная корреляция, метод интроспекции).

Научная новизна работы заключается в привлечении к анализу культурного феномена **ОРУЖИЕ**, представленного в периферийных и переходных зонах семантического поля **ОРУЖИЕ**, в разработке методики *контекстуальных корреляций* и её применении для описания лексико-фразеологических единиц семантического поля. Методика даёт объективные результаты для понимания производных употреблений языковых знаков и описания феномена **ОРУЖИЕ** в русской языковой картине мира.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что она углубляет представления о специфике русской языковой картины мира, уточняет методику лингвокультурного описания её фрагментов, выявляет дополнительные возможности изучения фрагментов ЯКМ через «человеческий фактор в языке».

Работа вносит определённый вклад в типологическое исследование лингвокультур и способствует развитию межъязыковых взаимоотношений носителей разных культур (русской и вьетнамской).

Практическая ценность работы определяется возможностью использовать материалы данного исследования в учебных курсах по лексикологии, лингвокультурологии и сопоставительно-типологическому языкознанию, при составлении двуязычных словарей и корпусов данных, в практике перевода и преподавания русского языка как иностранного.

Положения, выносимые на защиту:

1. Системно-структурная и антропоцентрическая парадигмы в лингвистике, являясь соответствующими продуктами разных периодов развития языкоznания, существуют в современной науке и активно генерируют знания о языке-системе и языке в человеке, выявляя через язык физико-психологические и

когнитивные механизмы отдельного носителя языка, социальные механизмы сообщества носителей языка и исторические особенности народа, проявляющиеся в хранении культурной информации и её передаче от поколения к поколению.

2. Оружие как фрагмент языковой картины мира, представленный в феномене семантическое поле, позволяет увидеть этнические особенности мировосприятия и объективно описать ментальность народа-носителя языка.

3. В отличие от слов-названий оружия, занимающих ядерную и приядерную зону семантического поля ОРУЖИЕ, глагольные лексемы, связанные с применением оружия, занимают в нем периферийное положение и включаются в переходную зону СП. Глагольные лексемы являются важной частью СП, поскольку в силу своей многозначности демонстрируют творческие процессы освоения мира социумом и отдельными носителями языка и обнаруживают в своей семантике наличие культурной информации, полученной в результате национально-специфической деятельности, которая осознаётся носителями языка и в целом понимается инофонами.

4. Коннотативная часть семантики слов-названий оружия и глагольных лексем, входящих в СП ОРУЖИЕ, есть результат сложного взаимодействия (а) субъективных ощущений и представлений о мире отдельных носителей языка с (б) объективным миром материальной культуры, который единообразно оценивается субъектами – носителями языка, и (в) социальными коммуникативными взаимодействиями, которые фиксируют индивидуальное речевое творчество в национальном языке.

5. В составе пословиц и поговорок, содержащих слова-названия оружия, и глагольные лексемы, связанные с применением оружия и его атрибутов, лексическое наполнение сохраняется стабильным в течение длительного времени и отражает восприятие мира человеком прежних времен, в том числе, культурные коннотации того времени. Однако изменившиеся технические свойства оружия и орудий труда, с помощью которых оно создается, ведут к изменению семантики этих слов, к составу их денотативных и коннотативных сем. В основе обновления

семного состава лежит человеческий фактор, а также закономерные изменения в словарном составе языка.

6. Слова-названия оружия вводятся в ткань художественного произведения с разными целями, среди которых – описание хронотопа, в котором разворачиваются события, характеристика героя (персонажа), его внешнего вида, его поведения и взаимоотношений в других героями, будущее персонажа. Оружейная лексика – слова-названия оружия (*сабля, шашка, револьвер*), его деталей (*курок*), производимые с помощью оружия действия (*стрелять*) или их отглагольные дериваты (*выстрел*) – позволяет писателю параллельно с основной темой произведения вести оружейную тему, которая дает возможность по-новому увидеть содержание и смысл многих рассказов, понять их структуру и охарактеризовать социокультурную составляющую.

Апробация работы осуществлялась в форме докладов на международных, всероссийских, региональных, городских, меж- и внутривузовских научных конференциях: «Гуманитарные исследования: вызовы XXI века» (Иваново, 2020), «Социальные и культурные трансформации в контексте современного глобализма» (Грозный, 2020), «Научная инициатива иностранных студентов и аспирантов российских вузов» (Томск, 2020), «Научно-исследовательская деятельность в классическом университете» (Иваново, 2020), «Русский язык и культура в международном образовательном пространстве» (Иваново, 2021), «ЛОМОНОСОВ-2021» (Москва, 2021), «Научная инициатива иностранных студентов и аспирантов» (Томск, 2021), «Морозовские чтения (Иваново, 2021)», «Научная инициатива иностранных студентов и аспирантов» (Томск, 2022), «Морозовские чтения (Иваново, 2022)». Основные положения исследования отражены в 13 публикациях.

Структура работы определяется названными выше целями и задачами. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы и четырех приложений. **Объём** диссертационного исследования составляет 203 страницы, библиографический список – 169 наименований.

Содержание работы **соответствует паспорту научной специальности 5.9.5.**

Русский язык. Языки народов России (Филологические науки) и отражает следующие направления исследования:

п. 4 «Лексический строй русского языка, другого языка России (слово как основная единица языка, лексическая семантика, типы лексических единиц и категорий, структура словарного состава, функционирование лексических единиц, развитие и пополнение словарного состава, лексика и фразеология в их связи с внеязыковой действительностью)»,

п. 5 «Словообразовательная система русского языка, другого языка России (классификация словообразовательных единиц и категорий, модели словообразования, словообразовательные ряды)»,

п. 7 «Текст, дискурс, дискурсивные практики в русском языке и других языках России»,

п. 8 «Методы исследования языковых единиц и категорий: структурные, функциональные, корпусные, лингвокогнитивные, коммуникативнопрагматические, психолингвистические и стилистические исследования русского языка, другого языка России; вопросы перевода различных единиц лексического, грамматического, стилистического уровней с одного языка на другой.»,

п. 10 «Исследование уровневой и культурно- (или национально-) обусловленной специфики в репрезентации знаний, в том числе, в разных языковых сообществах представителей русского языка, другого языка России»,

п. 11 «Филологический анализ памятников и текстов на русском языке, на другом языке России».

ГЛАВА I

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ, НЕОБХОДИМЫЕ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ И ОПИСАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

В данной главе рассматриваются отдельные вопросы теоретической лингвистики, которые связаны с изучением значимых единиц языка и с рассмотрением их места в языковой картине мира. В качестве объекта исследования современной российской лингвистики рассматриваются источники культурной информации в языке, эпистемологическая сущность лингвистического знания в рамках системно-структурной и антропоцентрической парадигм изучения русского языка.

1.1. Общенаучные понятия, определившие методологию исследования

1.1.1. Научная парадигма как способ выражения и интеграции целей исследования

По словам В. С. Степина, научное знание как результат познания мира характеризуется своей объективностью, системной организованностью и обоснованностью [Степин 2013, с. 142]. Среди перечисленных характеристик особо выделим системную организованность, или систематичность, которая имеет в виду рассмотрение существующих идей во взаимосвязи с текущим исследовательским процессом, т. к. научное исследование по своей сути является кооперативным в том смысле, что предполагает коммуницирование с последующим обсуждением разрабатываемых идей и полученных результатов. Благодаря этому вводятся в научный оборот, становятся общепринятыми (или отвергаются) и используются в качестве основы для дальнейшего теоретического и практического развития теории и модели, которые Т. Кун как историограф науки называет научной парадигмой [Кун 1977, с. 11].

Вероятно, наиболее заметным противоречием в научной парадигме является несоответствие между статикой и динамикой, если использовать слова

И. А. Бодуэна де Куртенэ, правда, сказанные по другому поводу (о подходах к изучению языка, которые мы обсудим позже) [см., например: Бодуэн де Куртенэ 1963а, с. 349]. Слова И. А. Бодуэна де Куртенэ приведены не случайно: они тесно связаны с описанием Т. Куна в том смысле, что в рамках одной научной парадигмы мировоззрение исследователей в значительной степени одинаково и неизменяемо, но у представителей разных парадигм могут быть радикально различные мировоззрения, различные настолько, что они могут быть взаимоисключающими. Первую ситуацию Т. Кун считает «нормальной наукой» [Кун 1977, с. 22], а переходный процесс во второй ситуации называет «сменой парадигм» [там же, с. 198]. Это означает, что научные парадигмы привязаны к определенным историческим периодам и между ними бывает состояние кризиса, характеризующееся «возрастанием неопределенности и уменьшением пригодности теории» [там же, с. 100]. Вслед за этим следует «период экстраординарной науки», где теоретическая недостаточность постепенно устраняется большим количеством исследователей [там же, с. 117]. Именно так завершается цикл «научной революции», как подсказывает название книги Т. Куна.

Необходимо сделать дополнительное замечание. Модель смены парадигм Т. Куна, по его собственному мнению, представляется наиболее подходящей для описания прогресса в области естественных наук. В статье «Логика открытия или психология исследования?» философ и историк науки подчеркивает, что естественные и общественные науки развиваются по-разному: у представителей естественных наук чаще можно наблюдать согласие друг с другом, у учёных из сферы гуманитарных наук ситуация иная – там обычна «традиция утверждений и контрутверждений, споров вокруг основных принципов» [Кун 1997, с. 26]. По этой причине доминирование одной парадигмы в определённый период развития значительно более характерно для естественных наук. Но модель смены парадигм, безусловно, может быть использована и для характеристики процесса движения в области гуманитарных (социальных наук), а сама характеристика может быть очень гибкой и разнообразной. Это связано с тем, что в отличие от объективной реальности, где естественные науки находят стабильные объекты исследования,

социальная реальность динамична по своей природе и по своей сути: даже за небольшой исторический период один и тот же объект социально-научного исследования может быть исследован под разным углом зрения и представать в виде разных сущностей. Это, например, наблюдается при изучении такого сложного феномена, как язык.

Являясь частью социальной реальности, язык как объект научного исследования в полной мере иллюстрирует динамику языкоznания с точки зрения истории лингвистических подходов. Говоря об этой особенности лингвистики, В. М. Алпатов отмечает то, что, во-первых, объект исследования в языкоznании рассматривается с самых разных сторон и определяется по-разному в зависимости от разных факторов. Во-вторых, научное развитие не линейно, а осуществляется по спирали, поэтому в лингвистической науке есть «вечные» вопросы, к которым она всегда возвращается, в том числе и обсуждая старые идеи [Алпатов 2018; Алпатов 2019, с. 13]. Динамика науки о языке проявляется даже в подходах к выделению парадигм её изучения, поскольку термин *парадигма* в лингвистической литературе может употребляться в качестве синонима к таким терминам, как *направление*, *подход* и т. д. Таким образом, следует обратить внимание на различие между подходами к лингвистическому исследованию в целом (здесь следует говорить о *парадигме*) и подходами к решению конкретного лингвистического вопроса (здесь нужно говорить о *методе*, *способе* или *методике*). Например, в работах В. М. Алпатова используется термин *подход* (словоцентрический / не словоцентрический), когда речь идёт о разграничении частей речи и автор говорит о четырёх подходах к их выделению: «семантическом / морфологическом / синтаксическом / основанном на интуиции») [Алпатов 1986, с. 44]. Когда ученый рассказывает о лингвистике и её развитии, о вкладе известных языковедов в теорию и практику лингвистических учений, то использует термин *парадигма* [Алпатов 2018]. С нашей точки зрения, примечательным критерием категоризации парадигм как таковых в работах В. М. Алпатова является то, что словоцентрический подход связан с интуитивной, врожденной способностью исследователя как носителя родного языка распознавать слово как единицу языковой системы, а

несправедливый подход опирается на логические категории и не учитывает языковую интуицию исследователя. По этой причине эти два подхода к анализу были включены В. М. Алпатовым в более широкие рамки – антропоцентризм и системоцентризм (термины были введены в научный оборот Е. В. Рахилиной, она же дала им определение) [Алпатов 1993, с. 15]. Категоризация лингвистических парадигм, как можно заключить из содержания работы каждого ученого, относится конкретно к расширению границ понимания языка и его сущности, в частности, к использованию или неиспользованию человеческого фактора в процессе исследования (привлечении интуиции носителя родного языка, использование приемов интроспекции и т. д.). Эта точка зрения была развита В. М. Алпатовым и в более поздних работах, где были рассмотрены значимые подходы в истории лингвистики через призму противоречий между произвольной интуицией и строгой логикой [Алпатов 2016; Алпатов 2018].

Вопрос о лингвистических парадигмах рассматривают и другие исследователи, например, Ю. Н. Караулов [Караулов 1987], Р. М. Фрумкина [Фрумкина 1996], В. А. Маслова [Маслова 2001]. С целью обоснования основ лингвокультурологии В. А. Маслова выделяет в истории лингвистики три последовательно сменявших друг друга парадигмы: сравнительно-историческую, системно-структурную и антропоцентрическую [Маслова 2001, с. 5-6]. Эта категоризация является традиционной [там же], соотносится с концепцией научных парадигм Т. Куна. [Маслова 2008, с. 6-8] и широко используется в других работах [см, например, Хомутова 2009, с. 144-145; Таюпова 2016, с. 670; Беляева 2020, с. 8].

Различие подходов к выделению парадигм в лингвистике у В. А. Масловой и В. М. Алпатова заключается в том, что категоризация В. А. Масловой имеет историцистский характер и опирается на утверждение Р. М. Фрумкиной о существовании доминирующих теорий в лингвистике. Концепция лингвистических парадигм В. М. Алпатова является общеисторической и утверждает, что конкурирующие парадигмы существуют на протяжении всей истории науки о языке, но выступают под разными названиями. Как представляется, более справедлив историцистский взгляд В. А. Масловой (и

Т. Куна). Вспомним критические замечания Ф. де Соссюра по поводу ошибок, ставших заметными лишь с осознанием упадка сравнительно-исторического подхода [см., например: Соссюр 1977, с. 42-43], или комментарий Л. В. Сахарного о парадоксе системно-структурной лингвистики, которая изучала человеческий язык, но не брала в расчет человеческий фактор в языке и самого человека в ходе проводимых исследований [Сахарный 1989, с. 6]. Наиболее явным преимуществом историцистского взгляда является ощущение современности, усиленное внимания к новым научным проблемам и привлечение научного сообщества к их решению.

Очевидно, что лингвистика не существует изолированно, она есть часть динамично меняющейся социальной реальности. На развитие языкоznания в каждую эпоху влияют не только сами лингвисты, но и социально-исторические силы. Например, в ранний период советской лингвистики существовало идеологизированное отношение к западному (буржуазному) языкоznанию, хотя академическое уважение к её фактической базе сохранялось [Соссюр 1933, с. 5]. Отметим также, что общество, переживавшее в то время трудности, не могло бы уделять больше времени "чистой" академической деятельности. Даже И. А. Бодуэн де Куртенэ видел необходимость заменить старую аристократическую филологию, которая считала достойным изучения только аристократический язык (в этом контексте язык можно понимать как социолект) [Бодуэн де Куртенэ 1963b, с. 205], демократичной лингвистикой, нацеленной на изучение всех языков (социолекты) [Бодуэн де Куртенэ 1963e, с. 6-7], что соответствовало бы новым социальным потребностям. Интересно в связи со сказанным замечание Ф. де Соссюра о прикладном значении лингвистики: «[...] В чем заключается практическое значение лингвистики? Весьма немногие люди имеют на этот счет ясное представление, и здесь не место о нем распространяться. Во всяком случае, очевидно, что лингвистические вопросы интересны для всех тех, кто, как, например, историки, филологи и др., имеет дело с текстами. Еще очевидно значение лингвистики для общей культуры: в жизни как отдельных людей, так и целого общества речевая деятельность является важнейшим из всех факторов. Поэтому немыслимо, чтобы её изучение оставалось в руках немногих специалистов. Впрочем, в

действительности ею в большей или меньшей степени занимаются все <...>» [Соссюр 1977, с. 45].

Поставленная проблема не подлежит более подробному обсуждению в рамках данной работы. Здесь достаточно сказать, что историзация языкового развития – очень сложная проблема, требующая усилий специалистов из разных областей социальных наук. Историцкая точка зрения по этому вопросу была популяризована и заняла достойное место в российских работах антропоцентрической направленности. Более того, наблюдается сближение точек зрения В. А. Масловой и В. М. Алпатова на категоризацию лингвистических парадигм. В недавней работе В. А. Маслова цитирует точку зрения В. М. Алпатова об антропоцентризме и системоцентризме как двух основных направлениях в долгой истории лингвистики [Маслова 2018, с. 15]. Но именно в этом согласии мы можем увидеть основные отличительные черты точки зрения каждого автора: в то время как В. М. Алпатов рассматривает человеческий фактор (например, роль интуиции в лингвистическом исследовании) с общей целью понимания сущности языка, В. А. Маслова рассматривает человеческий фактор как цель самого антропоцентрического лингвистического исследования.

Необходимо обратить внимание на то, что исследовательская позиция ученого может эволюционировать или меняться революционным путем, если в научном сообществе существуют люди, работающие в рамках разных парадигм научного знания. Так, в российской лингвистике фразеологи, занимавшиеся изначально системно-структурным описанием фразеологизмов, стали активно исследовать устойчивые обороты в антропоцентрическом ключе. Яркий пример такого исследователя – В. Н. Телия, которая вначале изучала свойства фразеологизмов как единиц языка и описывала системные отношения полисемии, синонимии, вариантиности в сфере фразеологии [Телия 1966], а затем перешла к анализу семантики, прагматики и отражению культуры в значении фразеологизма [Телия 1996; БФСРЯ 2006].

Хотелось бы показать и другую ситуацию, когда ученый намеренно объединяет в рамках одного исследования два подхода к описанию объекта своего

изучения. Например, Р. Н. Канафиеv в работе «Структурно-семантический и лингвокультурологический анализ полевой организации лексики: на материале семантического поля ОРУЖИЕ» [Канафиеv 2005] осуществил опыт комплексного анализа лексических единиц СП ОРУЖИЕ: системные отношения единиц поля, структуру поля (анализ в рамках системно-структурной парадигмы), СП как единицу словаря и как часть языковой картины мира (анализ пограничной, или переходной, зоны от системно-структурной парадигмы к антропоцентрической парадигме), возможности описания СП в рамках антропоцентрической парадигмы). Подобного рода исследования обладают несколькими важными чертами: они сохраняют преемственность в научной традиции (учитывают прежние достижения, опираются на них и отталкиваются от них), характеризуются объективностью (используют проверенные временем методы анализа), решают новые задачи (привлекают новый материал, рассматривают его под новым углом зрения, анализируют языковые единицы с помощью нового инструментария и новых методик).

1.1.2. О методологических основах исследования в свете сосуществования разных парадигм лингвистического знания

Категоризация лингвистических парадигм – это способ обозначения теоретической позиции работы по отношению к существующим идеям, теориям и методам. Это важное начало для коммуницирования новых идей не в отрыве от всех других научных разработок, а в интеграции с ними. Собственный подход определяем как антропоцентрический. Он заключается в том, что в работе исследуются аспекты *человек и его язык, интуиция в процессе изучения и описания языка*.

В соответствии с целью нашей работы мы склоняемся к разделению лингвистических парадигм на лингвоцентрические (в центре внимания оказывается язык, слово) и антропоцентрические (в центре внимания находится человек как носитель или исследователь языка). Но и лингвоцентрической работе может использоваться интуитивное знание человека для создания лингвистических

знаний или неявно использоваться интуиция исследователя в ходе логического анализа языковой проблемы, так как лингвист – это прежде всего носитель родного языка и культуры, и значит, этот аспект его личности не может игнорироваться и не должен быть изолирован от процесса лингвистического исследования. С другой стороны, логика (более конкретно – формальная логика), хотя и является универсальным инструментом научного познания и используется как в лингвоцентрических, так и в антропоцентрических исследованиях, не содержит никакой информации, присущей самой себе, и поэтому может рассматриваться только как инструмент исследовательского процесса. Введем термин *лингвоцентризм*. Он используется, как правило, в работах, не связанных с лингвистикой (употребляется в исследованиях по поэтике, этнологии и др. в качестве характеристики методов анализа) [см., например: Буряк 2017; Пономарева 2019], или в лингвистических работах для противопоставления исследованиям антропоцентрического характера [Безуглая 2015; Тариева 2018]. По этой причине можно сделать вывод, что слово *лингвоцентризм* недостаточно терминологизировано в лингвистической литературе, в силу чего становится удобным для практического применения в данной работе (оно известно и не является неологизмом, включено в оппозицию *лингвоцентризм – антропоцентризм*, имеет прозрачную внутреннюю форму, но не имеет жестко ограниченного терминологизированного значения).

Лингвоцентрические знания очень важны и необходимы для процесса антропоцентрических лингвистических исследований (это мы показали в предыдущем параграфе, упоминая работу Р. Н. Канафиеva). Как говорилось выше, антропоцентрические лингвистические знания подчеркивают прямые отношения с человеком и обществом. Хотя лингвоцентризм охватывает множество объектов научного исследования и множество аспектов рассмотрения каждого из них, существует только одна социальная реальность, где все эти объекты взаимосвязаны в непрерывном процессе движения и развития. Знание, полученное в результате изучения таких взаимосвязей, так же важно, как и то, что получено в результате изучения самих объектов. С другой стороны, знание даже о высоко изолированных

и абстрагированных объектах по-прежнему полезно для понимания реальности, как только взаимосвязи этих объектов с реальностью могут быть установлены с помощью реконструкции (проблема реконструкции будет обсуждаться позже).

Отметим, что, рассматривая классификацию лингвистических парадигм, мы учитывали работы ученых с мировым именем в сфере общей лингвистики, но применили их идеи к российской лингвистике. Несмотря на обширный международный обмен лингвистическими взглядами и идеями, маловероятно, что существует или скоро будет достигнут мировой консенсус по лингвистической концепции. Эта идея уже представлена выше, частично замечанием Т. Куна о социальных науках, а частично указанием на различия в социально-историческом фоне разных стран как одной из движущих сил различных направлений лингвистики. По этой причине лингвистические теоретические дискуссии не отходят от цели изучения русского языка до тех пор, пока полученные результаты затем не конкретизируются в практических разработках, касающихся русского языка. И поскольку человеческий фактор в явлениях русского языка является неотъемлемой частью антропоцентрических лингвистических знаний, возникает необходимость представить аспекты антропоцентрического взгляда на язык, включая другие важные концепции и понятия.

1.2. Антропоцентрический взгляд на язык: концепции и понятия

1.2.1. Язык как источник знаний и представлений о мире

Человеческое познание мира осуществляется благодаря разным источникам, таким как повседневная жизнь, наука, литература, культура, телевидение, СМИ и т. д. Но главным средством познания становится знание и опыт, вербализованные в языке. Язык и слово с давних пор привлекают внимание людей. Язык является социальным феноменом, отражающим быт, нравы, обычаи и воззрения народонасителя. Язык является и хранителем познанной информации о мире народа. В ходе общественно-исторического развития отдельного народа и человечества в целом происходит накопление информации о мире, отраженной благодаря слову в

разнообразных текстах – мифах, легендах, преданиях и отдельных словах-образах. Однако информация не может постоянно накапливаться – она еще и теряется, то есть знания о мире, отраженные языком, по-видимому, постоянно меняются – в одних сферах они упрощаются, в других – усложняются. Осмыслить этот процесс изменения знания можно, если изучать словарь (словарный состав языка) в его диахронии и синхронии. Словарь в этом случае можно понимать как часть культуры народа, его «своеобразную историческую память» [Телия 1996, с. 226] и условно представить в виде системы знаний и ценностных ориентиров, которыми должен руководствоваться отдельный человек или общество в целом.

Известно, что на начальном этапе человеческой истории слово и вещь часто отождествлялись, слово наделялось магической силой, которая управляла вещью, самим человеческим поведением и даже его жизнью и смертью. Это происходит и сегодня. Так, в культуре народа мбоши (Республика Конго) в день свадьбы молодоженам дарят циновку. Она символизирует союз мужа и жены, потому что волокна циновки плотно переплетены между собой. Если на циновке (на языках банту она называется *литоко*) появляется повреждение, например, дыра, то это воспринимается людьми мбоши как плохой знак, предвещающий скорое несчастье – распад семьи [Захарьян, Мбуала Беа 2021]. В культуре Вьетнама существует кульп предков. Он, в частности, проявляется в особом уважении к предкам: проведении определенных ритуалов, обращениях к ним за советом или благословением, поддержкой, угощении умерших родственников. Вьетнамцы считают, что души предков обитают рядом с ними, в их доме. Любое дело, которое является важным для семьи, обязательно предполагает обращение к предкам. Это может быть, открытие нового бизнеса или отправка сына или дочери на учебу за границу. Культ предков подкрепляется обязательной традицией иметь в каждом доме алтарь. На алтаре находится *bát hương* – культовый предмет, представляющий собой чашу для сжигания ароматических палочек *hương*. По важному поводу или без него раз в месяц в чаше *bát hương* сжигаются три ароматические палочки *hương*. Вьетнамец (обычно это глава семьи) возжигает три ароматические палочки *hương* и просит предков помочь в новом деле или в решении возникшей перед семьей

проблемы. Такое сжигание благовоний-палочек *huong* позволяет живущим сейчас вьетнамцам показать уважение и любовь (*kinh trong*) к своим предкам и показать непрерывность жизни через связь нескольких поколений: во время возжигания палочек *huong* в помещении, где находится алтарь, собирается вся семья – бабушки и дедушки, родители, дети, внуки. Во вьетнамском языке сочетание *kinh trong* используется только для обозначения любви к тем людям, кого считают особо уважаемыми и почитаемыми, например, к учителям (применительно к обычным людям для обозначения своих чувств используется слово *quý* – «считать дорогим для себя»). После принятия христианства некоторой частью вьетнамского народа сочетание *kinh trong* стало использоваться для обозначения христианской любви к Богу.

В русской культуре *хлеб-соль* являются не только символом гостеприимства, но и уважения к гостям. Известно, что когда встречают уважаемых политиков (президентов других государств, премьер-министров и др.) или молодоженов, то выносят на полотенце круглый хлеб и соль: хлеб символизирует достаток и благополучие, а соль выступает как оберег. «Встретить гостя «хлебом-солью» означало призвать на него божью милость и добавить свои пожелания добра и мира. Впрочем, и гости могли принести в дом хлеб и соль, выражая особое уважение к хозяину и желая ему процветания и достатка» [<https://www.kakprosto.ru/kak-826319-otkuda-poshla-tradiciya-vstrechat-hlebom-s-solyu#ixzz7gdplTeTCM>]. Эти и другие примеры показывают, что разные народы воспринимают слово как орудие воздействия на человеческое поведение и человеческую деятельность и даже судьбу. Например, имя человека воспринимается как успешное или неуспешное для его карьеры. В современном интернете можно встретить информацию о том, что, по данным университета Нью-Йорка, «люди, чьи имена проще произнести, часто занимают более высокие позиции» в обществе, что подростки, у которых необычные имена, часто совершают правонарушения, что люди с короткими именами чаще становятся начальниками [например, <https://ideanomics.ru/articles/4559>; <https://pulse.mail.ru/article/kak-uspeh-zavisit-ot-imeni-13-vazhnyh-nauchnyh-faktov->

2760086433974811284-8246728124074599845/]. Конечно же, подобные утверждения, которые основываются на не совсем понятных исследованиях (не сказано, на каком материале проводилось исследование, каков объем изученного материала, насколько репрезентативной была выборка, каким образом она обрабатывалась), трудно связать с темой «Язык как источник знаний о мире». Но можно уверенно говорить о том, что изучение принципов именования детей в разные исторические периоды, изменения в именниках в тот или иной промежуток времени – это яркий и убедительный материал для изучения языковых знаний о мире (в первую очередь, знаний социолингвистического плана) [Бондалетов, 1976, 12–46].

Достаточно много информации о мире могут дать названия – торговые знаки, связанные с продукцией фирм. Торговые знаки могут принести коммерческий успех, и тогда на эти торговые знаки ориентируются потребители. Напротив, если рекламодатели не смогли нужным образом «раскрутить» товар или торговый знак, то названия продукта не могут считаться информативными. Давно и широко известен шоколад «Аленка». С началом специальной военной операции стал известен мальчик Алеша, который живет в Белгородской области, и прославился он тем, что каждый день появлялся на дороге, чтобы проводить российских воинов, отправлявшихся в зону боевых действий. Имя «Алешка» стало названием шоколадки и вошло в активный оборот. Можно говорить о том, что слово-название «Алёшка» становится хранителем памяти об историческом событии и его героях [<https://olegshnyrev.livejournal.com/296093.html> Дата обращения 27 мая 2022 г.]. Шоколад «Алёнка» и «Алёшка» стали удачно дополнять друг друга: советский шоколад молочный, а российский – темный.

Одной из особенностей оформления упаковки шоколада «Алешка» является изображение мальчика в шлеме танкиста. Этот шлем символизирует защитника Родины. Слово *защитник* является многозначным. Его прямое непроизводное значение – «1. Тот, кто ограждает кого-, что-л. от посягательства, нападения, неприязненных или враждебных действий и т. п. *Девчонок мы презирали. --- Единственным защитником и рыцарем девочек был Валька.* Горбатов, Мое

поколение. Центр, то есть дорогу к Дону, защищали части Ворошиловской армии ---. Среди защитников Царинына это были наиболее крепкие, объединенные силы. Вс. Иванов, Пархоменко. [<https://kartaslov.ru/значение-слова/защитник>]. Это значение слова имеет прозрачную внутреннюю форму, связанную со словом *щит* – защитник – тот, кто находясь за *щитом*, ограждает людей от враждебных действий. Как показывает сайт kartaslov.ru, типичными ассоциатами к слову *защитник*, выступают слова *защита, мужчина, защищать, солдат, армия, воин, родина, щит отечества, война* (другие значения имеют свои ассоциаты). Поэтому изображение мальчика Алёши в шлеме танкиста может интерпретироваться как символ поддержки российской армии народом страны.

Примером удачного товарного бренда, который связан с хранением информации о прошлом и включением этой информации в современный контекст, может служить вьетнамское название «*Phở gánh*» (фо гань) – «мобильная лапша». *Phở gánh* – традиционное для Вьетнама блюдо, которое продается разносчиком еды. Это как бы передвижной ларек, который торговец несёт на плече с помощью длинной бамбуковой палки. Фирма «Introduce the word» использовала словосочетание *Phở gánh* и старинный образ торговца-разносчика, чтобы напомнить современным вьетнамцам о далеком прошлом, когда данное блюдо готовили прямо на улице и продавали на ходу, пока продавец передвигался по улицам, чтобы найти потенциальных покупателей. Однако необходимо важное уточнение. *Phở gánh* имеет множество разных вкусов, которые зависят от конкретного повара-изготовителя (разная мука для лапши, разные приправы и добавки). Поэтому одни виды *Phở gánh* воспринимаются как демократичные (такие, какими они были в прежние времена), тогда как другие ассоциируются с деликатесами и оцениваются как престижные. В современном Вьетнаме различные предприятия, включая производителей фасованной лапши быстрого приготовления и обычные стационарные рестораны, также используют слово *phở gánh* в качестве рекламного фактора. Некоторые рестораны даже воспроизводят внешний вид передвижного ларька на бамбуковом шесте; хотя они не передвижные: так они воссоздают ностальгическую атмосферу приема пищи не за

столом, а около горячей плиты. Именно в этом процессе, представленном современной торговой рекламой, мы видим, как старые словоформы, включаясь в новый социально-исторический контекст, сохраняют культурную информацию и при этом трансформируют свои культурные смыслы через изменение оттенков в семантике. Вероятно, оттенок значения в скрытом виде мог существовать и раньше (потенциальная сема), а при определенных условиях эта сема активизируется и становится доминирующей. Так получилось и с названием лапши: она была обозначением блюда «быстрая лапша от разносчика», а теперь она стала обозначаться как «мобильная лапша»: сохранилось главное – лапша готова к употреблению, её доставляют быстро (например, на мотоцикле), в оформлении сохраняются атрибуты прежних времен (бамбуковый шест, посуда), есть её можно прямо на улице. Таким образом, изменения в реальной жизни объединяются (комбинируются) с историческим прошлым, а слова-названия сохраняют культурную информацию о мировоззрении и менталитете народа-носителя языка, оказавшегося на пересечении динамичных социальных отношений.

На определенном этапе развития человеческого сообщества возникает проблема адекватного восприятия не только чужой, но и собственной культуры – восприятия, осуществляемого в основном через процессы интерпретации. Понимание культуры достигается благодаря освоению этнических знаний, системы оценок социальных явлений и т. п., свойственных конкретному этносу. Весь спектр знаний о мире, отражающий специфическое в восприятии действительности и явленный в языковых единицах, представляет интерес для исследований лингвокультурологического характера. Лингвокультурология сегодня оперирует такими операциональными единицами, как *лингвокультурэма*, *культурная коннотация*, *культурная информация*, *культурные смыслы*, *концепт*, а также использует терминологию ментальных категорий, разработанную когнитивными науками: *архетипы*, *представления*, *культурные установки*, *идеологемы*, *научные понятия*, *обыденные понятия*, *стереотипы* [Телия 1999; Токарев 2009]. Для нашего исследования важную роль будут играть такие понятия,

как *культурная информация* и *культурные смыслы*, к рассмотрению которых обратимся в следующих параграфах.

1.2.2. Культурная информация в семантике лексико-фразеологических единиц

Во многих научных исследованиях, выполненных в рамках проблемы «Язык и культура», можно встретить терминологические словосочетания *культурный слой*, *культурный смысл*, *(национально-)культурная информация*, *культурная коннотация* и т. д. Эти термины рассматриваются в нашей статье «О проявлениях культурной информации в слове и фразеологизме» [Киев 2023]; исследование представлено как неотъемлемая часть теоретической основы данной работы.

Особенностью представленных выше терминов на этапе их становления является постепенное развитие и конкретизация их определения и содержания. Зачастую подобные словосочетания вводятся в текст научной статьи и даже монографии сначала без соответствующего комментария и без объяснения причин выбора именно данного термина из ряда существующих, а также без толкования самого термина. Обратимся к материалам Национального корпуса русского языка (rus.corpora.ru) [Национальный корпус русского языка] и рассмотрим словосочетание *культурные смыслы*. Там содержатся 8 документов (9 примеров) употребления данного словосочетания. Представленный на данной платформе график даёт следующую информацию. Впервые словосочетание *культурные смыслы* было зафиксировано в 2001-м году, а его актуализация и началась в 10-ые годы XXI века. Сферой функционирования словосочетания стали учебно-научные тексты (2 вхождения), художественные произведения (одно вхождение) и публицистические тексты (5 вхождений). В тематическом плане тексты были связаны с наукой и технологией, искусством и культурой, философией и историей, культурологией и образованием, строительством и архитектурой, политикой и общественной жизнью

[<https://rus.corpora.ru/results?search=Cm8KIdC60YPQu9GM0YLrg9GA0L3Ri9C1INGB0LzRi9GB0LvRiyJDCggIABAKGDIgCiAAKMuy%2FuWq86ANQAVKBmF1dG>]

hvckoDc2V4SgZzcGhlcmVKBHR5cGVKBXRvcGljSghnZW5yZV9maSoCCAEyAQUwAQ%3D%3D], то есть интересующий нас оборот оказался востребованным в разных сферах человеческой деятельности – от гуманитарных до технических.

Это подтверждается и другими материалами, например, данными информационно-аналитического портала eLibrary, где словосочетание *культурные смыслы* в качестве ключевого слова активно употребляется в составе названий статей [<https://www.elibrary.ru/defaultx.asp>]. Согласно материалам портала, современные российские учёные пишут о *культурных смыслах* в исследованиях по лингвокультурологии [Ковшова 2016; Третьякова 2014], находят их в документах и архивах [«Проблема 2004. Социально-культурные смыслы архивов и архивных документов в современной России» 2005], в медиапространстве [Пружинин 2020], в категории праздности [Петров 2013], в системной целостности субъектов сознания [Микайлова 2020], в современном спорте [Моченов 2014] и спортивной символике [Шапинская 2017], в образовании в целом [Пружинин 2020] и в переоценке роли дополнительного образования [Васильев 2016], в народной культуре и архитектуре [Пермиловская 2011], в городском пространстве [Куприянов 2013], в православии [Камедина 2021] и в исламе [Шарифи 2021], в «шотландском вопросе» [Мартыненко 2021] и т. д.

Эти материалы подводят нас к предположению, что всплеск интереса к культурным смыслам в конце XX – начале XXI вв. был порожден тем, что в центре (в фокусе) научных исследований оказался Человек. С одной стороны, это стало толчком к появлению разнообразных междисциплинарных наук, а с другой, – к пониманию того, что «мир с его сообществами и культурами» вращается своеобразно [Денн 2016]. Историк семиотики Мариза Денн заметила: «Наблюдаемое разнообразие знаний и научных дисциплин коренится в акте человеческого бытия, который это разнообразие одновременно производит и устраниет: производя его, он нас ориентирует на различные и взаимодополняющие вклады каждой культуры; устранивая их, он нас заново направляет к логике бытия, имеющей универсальную ценность, на которой базируется возможность коммуникации» [там же, с. 42–43]. Хотя это суждение было направлено на

объяснение роли Густава Шпета в объединении семиотики и антропологии, однако, оно помогает понять, почему именно в XX веке возникли социолингвистика, психолингвистика, этнолингвистика, лингвокультурология, теолингвистика и другие – междисциплинарные науки, нацеленные на исследование Человека в его отношениях с обществом, этносом, культурой, Богом и др.

С появлением этих и других наук произошло привлечение нового языкового материала, стали разрабатываться новые методы анализа и новые методики изучения и интерпретации тех или иных фактов. С нашей точки зрения, это стало важным инструментом в формировании антропоцентрической парадигмы в гуманитарных науках в целом и в языкоznании, в частности. Древнегреческий философ Протагор (490 г. до н.э.– с. 420 до н.э.) назвал человека «мерой всех вещей». Антропоцентрическая парадигма научного знания сделала человека центром познания, а лингвисты начали изучать человека в языке, человеческий фактор в языке и язык в человеке. Включение человеческого фактора в изучение собственно языкового материала дало возможность по-новому посмотреть на язык как хранитель информации о мире и как на источник информации о нём.

Термины, сходные со словосочетаниями *культурная информация, культурные смыслы*, используются, например, в теоретических исследованиях по проблемам перевода (в теории перевода). Например, теоретик перевода В. С. Виноградов употребляет термин *ассоциативные реалии*, под которыми он понимает *фоновую информацию*, находящую «своё материализованное выражение в компонентах значений слов, в оттенках слов, в эмоционально-экспрессивных камертонах, во внутренней словесной форме и т. п. Фоновая информация – это «информационные несовпадения понятийно-сходных слов в сравниваемых языках» [Виноградов 2004, с. 38]. Несовпадения в семантике сходных слов – это и есть культурно-специфические смыслы языковых единиц. Становится понятно, что словосочетание *культурная информация, культурные смыслы (культурно-специфические смыслы)* – это термины, востребованные как в теории различных наук, так и в практическом применении.

Немаловажная роль в словосочетании *культурный смысл/ культурные смыслы* принадлежит слову *смысл*. Объем понятия *смысл* различается и в повседневном употреблении, которое можно найти в толковых словарях русского языка, и в научных исследованиях. Различие пониманий показано в работе Ж. В. Пампурой «Культурные смыслы как результат диалога в современной теории коммуникации», где производится анализ словарных статей слова *смысл* в «Толковом словаре живого великорусского языка Владимира Даля», в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова и понимание смысла такими учеными, как Г. Шпет, Д. А. Леонтьев, С. Е. Никитина, Г. Г. Почепцов и др. Тем не менее Ж. В. Пампурой не пытается дать собственное определение ключевому для своей статьи термину *культурный смысл/ культурные смыслы* [Пампур 2010]. Следует отметить, что этот подход свойственен большинству авторов научных статей. По-видимому, *культурный смысл* – это *смысл* какой-либо составной части *культуры*, понимаемой в самом широком плане. Такой подход к культуре представлен, например, в «Большой Российской энциклопедии», которая называет культурой «исторически сложившийся образ жизни людей, включающий в себя ценности и нормы, верования и обряды, знания и умения, обычаи и установления, технику и технологии, способы мышления, деятельности, взаимодействия и коммуникации и т. д.» [БРЭ: <https://old.bigenc.ru/>]. Это позволяет говорить о культуре не только как о «специфической для человечества форме бытия» [там же], но и о культуре многообразных человеческих сообществ (исторические, географические, сословные, религиозные, этнические), о культуре разнообразных видов человеческой деятельности (политическая, художественная и др.) [там же]. Такой подход к пониманию культуры позволяет понять, почему культурную информацию и культурные смыслы находят, например, в религии, спорте или образовании: это общемировые (глобальные) явления, характеризующиеся свойствами наднационального и национального (этнического).

В данном параграфе предпринимается попытка выявить и описать культурную информацию и культурные смыслы в семантике русского слова и фразеологизмов с данным словом-компонентом на фоне его вьетнамского эквивалента. К анализу

привлекались материалы таких ресурсов, как Национальный корпус русского языка [<https://rus.corpora.ru/>], Карта слов и выражений русского языка [<https://kartaslov.ru/>], Словари и энциклопедии на Академике [<https://dic.academic.ru/>], а также словарей вьетнамского языка [Словарь вьетнамского языка 2003; Вьетнамский энциклопедический словарь 1995], вьетнамских новостных и информационных сайтов. Лексические и фразеологические единицы анализировались с помощью таких методов, как семантический анализ, лексикографическое портретирование и текстуальный анализ. Важно отметить, что исследование стремилось показать, как факты культуры (культурная информация) отражаются в семантике лексических и фразеологических единиц в виде разнообразных культурных смыслов, которые проявляются в текстовых слово- и фразоупотреблениях и демонстрируют этнически маркированный взгляд на мир, закреплённый в языковой картине мира (ЯКМ). Были проанализированы слова разных тематических групп: абстрактная лексика, конкретная лексика (слова-названия оружия), имена собственные (личные и географические названия), а также некоторые междометия. В параграфе представлены результаты анализа лексической единицы *алтарь* и выражений, включающих её в свой состав.

Известно, что «культурные смыслы в первую очередь покрывают лексическую и фразеологическую семантику и характеризуются относительной ясностью при их выявлении» [Токарев 2009, с. 57; 25], при этом считается, что в составе семантики, например, устойчивых оборотов (фразеологизмов и других сходных единиц) он залегает на разной глубине [Ковшова 2016, с. 96]. При использовании фразеологизма в речи носитель языка опирается на свою культурную компетенцию. В спонтанной речи часто это использование осуществляется автоматически. В таком случае носитель языка реализует не весь культурный смысл оборота, а только его отдельный сигнал [там же, с. 96]. Это же наблюдается и при употреблении разного рода лексических единиц.

Обратимся к семантике русского слова *меч* и попытаемся выявить скрытые в ней культурные смыслы. Известно, что аналоги этого слова есть почти во всех

славянских языках. Так, в «Этимологическом словаре русского языка» Макса Фасмера видим следующую информацию об этом: укр. *міч*, бlr. *меч*, др.-русск., ст.-слав. *мечь*, болг. *меч*, сербохорв. *маč*, словен. *teč*, чеш., слвц. *teč*, польск. *miecz*, в.-луж. *tječ*, н.-луж. *tjac*. М. Фасмер считает, что практически все славянские языки (кроме сербохорватского) отражают праславянский корень **tečь* [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/vasmer/43338/меч>] Другие этимологии, связанные с готским, персидским или неким общим неизвестным источником, ученый считает недоказанными [Там же]. Как вид холодного оружия, меч известен со времен средневековья: именно в это время меч приобрел тот вид, который знаком современному человеку – обоюдоострый клинок с рукоятью и ножнами [https://medieval_weapons.academic.ru/16/Меч]. Особую роль в культуре производства мечей сыграл Ближний Восток, где была разработана специальная технология производства стали – *дамасская сталь*, или *булат*. В русском языке меч нередко называли именно словом *булат*. В этом значении слово *булат* использовано в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Бородино»: *Полковник наш рожден был хватом: /Слуга царю, отец солдатам.../Да, жаль его: сражен булатом,/ Он спит в земле сырой. Булат* не тупился, сгибался в кольцо и не ломался, при этом мог рубить другую сталь и другие металлы. Образ чудесного оружия нашел отражение в русском фольклоре. В некоторых сказках *булатами* называли богатырей [Даль 1993, т. I, с. 140]. Это слово можно увидеть в составе нескольких пословиц и поговорок (*Шелк не рвётся, булат не сечётся, красное золото не ржавеет; На булате ни написать, ни стереть; Булат режет и железо, и кисель*), а также в загадке (*Ударю я булатом по каменным палатам, выйдет княгиня и сядет на пуховую перину, где булат – это огниво, каменная палата – кремень, пуховая перина – трут, а княгиня – искра*).

Но обычно всё же для называния оружия использовалось слово *меч*. Как показывают материалы «Сравнительного словаря мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов» М. М. Маковского, меч был важным символом у язычников, которые акт рассечения мечом воспринимали как творческий акт и соотносили с понятиями «жить»< «творить», творящее божество

[Маковский 1996, с. 220]. У разных народов мира понятие *меч* связывалось с понятием *издавать звуки, песня, молитва*. М. М. Маковский объясняет это тем, что перед битвой меч обычно заговаривали, заколдовывали. На этом основании он говорит о том, что русский образ *меча-кладенца* – это образ заколдованного оружия [там же, с. 221]. Но в «Мифологическом словаре» фольклорный образ меча-кладенца трактуется несколько по-другому: это «чудесное оружие, обеспечивающее победу над врагами», спрятано в земле, или замуровано в стене, или же находится в могиле богатыря *Иеруслана Лазаревича* [там же, с. 364]. Действительно, воинов в древности хоронили вместе с их оружием (луком, колчаном, стрелами, мечом). Такое объяснение опирается на археологические данные. Анализ раннеславянских захоронений периода Киевской Руси показал, что в 5 % захоронений имелось оружие: луки, стрелы, топорики, мечи, наконечники копий, а также щиты [Моця 1990; Козлов 2017].

Исследователи русской фразеологии отмечают, что русские обороты с компонентом *меч* имеют семы 'опасность' (в ФЕ *дамоклов меч*), 'жестокость' (в ФЕ *огнем и мечом, предавать огню и мечу*) [Алефиренко 2002, с. 216-217], 'справедливость' (выражения *Мой меч – твоя голова с плеч; Повинную голову меч не сечет*), 'заслуженная кара' (*меч правосудия*, который находится в руках богини Фемиды) [Семенова 2001, с. 462; Канафиев 2005, с.173-174].

Российские ученые отмечают, что стариное традиционное оружие Вьетнама – это малоизученная тема, потому что ни в стране, ни за её пределами нет больших коллекций такого оружия [Ветюков 2022, с. 52]. Вьетнамский народ традиционно рассматривает меч как мифологический предмет. Легенда о Тхань Гионе, известная сегодня вьетнамцам, повествует о ребенке-герое, который просит государство снабдить его, среди прочего снаряжения, гигантским железным оружием. Эта легенда не нашла отражения в русскоязычных литературных источниках, но само слово-название такого оружия включается в другие вьетнамские переводные тексты, где оно переводится как меч или как гигантский железный посох [Афонин 2007, с. 14]. Согласно легенде, жители деревни кормят мальчика, он вырастает и становится великаном. Так легенда показывает роль

вьетнамских деревень и земледельцев в войнах с захватчиками: без них победа над врагом невозможна. Согласно легенде, в бою с врагом железное оружие всё же сломалось. Тогда герой схватил пучок бамбука – ещё один символ вьетнамских деревень [Сказки и предания Вьетнама 2021, с. 31], чтобы закончить битву, прежде чем взлететь в небо вместе со своим конем. В общей структуре легенды прослеживается оппозиция *государство – сельские земледельцы*. Функция государства – создавать оружие и обеспечивать им воинов, функция деревни – накапливать рабочую силу, которая является опорой государства: производит продукты, обеспечивает питанием армию. Это говорит об огромной роли деревни и земледельцев на протяжении всей истории и культуры вьетнамского народа [Нгуен Тхи Бить Иен 2021, с. 148]. Железный меч, сломанный, но по-прежнему играющий позитивную и решающую роль, соответствует участию государства в военных действиях и его отказу от насилия и возвращению к мирной политике после окончания войны.

Названная особенность вьетнамской истории и культуры подтверждается и легендой об озере Хоанкьем («озеро Возвращенного Меча»), центральным символом которого снова является меч. Легенда некорректно представлена в русскоязычных переводах. Например, в одном научном источнике утверждается, что именно на озере королю Ле Лою был вручен символический меч, с помощью которого он победил китайскую армию [Виноградов 2017, с. 61]. Однако Ле Лой просто не мог быть на озере Хоанкьем в самом начале, поскольку озеро находится в Ханое, т. е. на территории, оккупированной в то время китайской армией. Следует признать, что данная ошибка не является серьезной, потому что она допущена в статье по туризму [см., например: <https://travellan.ru/articles/ozero-vozvrashchennogo-mecha/>]. Кроме того, легенда сложна для понимания в силу того, что её герои являются реальными историческими личностями. Тем не менее, приведенные факты показывают, насколько важна внеязыковая информация и культурно-языковая компетентность в понимании, изучении и описании иностранной культуры. Этот момент очень важен для нашего исследования. Здесь нужно отметить, что будущий король Ле Лой в начале легенды был местным

вождем в Тханьхое, и, найдя и объединив две части меча "Воля Небес", он сумел убедить людей в том, что Небеса избрали его, чтобы возглавить борьбу за освобождение отечества и привести народ к победе. Волшебный меч, по легенде, был одолжен Ле Лою Королем-Драконом. Когда война закончилась и король Ле Лой путешествовал по озеру Хоанькем на своей лодке, появилась большая черепаха и попросила вернуть меч Королю-Дракону. После этого озеро получило название Озеро Возвращенного Меча [<https://diletant.media/articles/45264818/>]. Здесь мы ещё раз видим, что меч символизирует роль вьетнамского государства в организации военных и боевых действий, когда возникает острая необходимость защиты страны, и также быстро исчезает, как только восстанавливается мир. Небесный характер меча «Воля Небес» символизирует легитимность военного лидера, объединяющего народ, а акт возвращения меча показывает, что он полностью принял свою новую роль – роль лидера мирного времени.

Для рядового носителя русского языка слово *алтарь* не является актуальным, оно не входит в активный словарь, хотя оно известно русскому языку с XI века. Наряду с русским оно распространено во многих европейских языках, где обозначает жертвенное место у язычников. Оно связано с язычеством и с христианством, что следует из толкований лексического значения этого слова:

1. Место для жертвоприношений у первобытных народов; жертвенник.
2. Восточная часть церкви, где находится престол, отделенная от общего помещения иконостасом [МАС, т. 1, с. 33]. Картотека НКРЯ (ресурс *rus.corpora.ru*) убеждает в том, что в текстовых словоупотреблениях реализуются именно эти значения: *прислуживать в алтаре, вел службу возле алтаря, хранился в алтаре, алтарь есть храм*. Согласно материалам сайта *Kartaslov*, ассоциатами к слову *алтарь* являются слова *церковь, икона, свадьба, молитва, батюшка, храм, поп, бог, венчание, невеста, жертва, крест, жертвенник, вера, жених, крещение, венец, жертвоприношение, собор, служба, люди, религия, клятва, платье, поклонение, брак, молиться, отец, камень, алтарный, агнец, обряд, золото, кадило, кольца, святыня, человек, арка, вода, жрец, Иисус, монах, стена, смерть, Христос, мужчина, подарок, божество, памятник, положить, праздник, иконостас*,

монастырь, прихожане, приношение, богослужение, бракосочетание, святой [https://kartaslov.ru/ассоциации-к-слову/алтарь]. Это значит, что носители русского языка прочно связывают слово *алтарь* со сферой религии и с религиозными обрядами, в частности, например, с венчанием (*вести к алтарю кого (книжн.)* – «Жениться на ком-л.; венчаться с кем-л.» [БТС, с. 35] или с похоронами (*Гроб поставили посередине, против самого алтаря.* Гоголь. Вий) [https://kartaslov.ru/цитаты-из-русской-классики/со-словом/алтарь]. В этом можно убедиться, если рассмотреть некоторые устойчивые обороты, имеющие прозрачную внутреннюю форму. К их числу относятся ФЕ *вести к алтарю, служить алтарю, положить жизнь на алтарь отечества.* С началом специальной военной операции (СВО) 2022 года слово *алтарь* стало активно употребляться в составе такого выражения, как *алтарь победы.* Данный оборот является интернациональным и восходит к античной истории. В здании римского сената (Курии) находился алтарь, который был украшен золотой статуей Виктории – богини победы. Статуя была захвачена римлянами в 272 году до н.э. в результате победы над Пирром. Виктория была изображена в виде крылатой женщины, которая держала в руках лавровый венок победителя. Алтарь установил император Октавиан в 29 году до н.э. в честь победы над Антонием и Клеопатрой. [https://kartaslov.ru/предложения-со-словосочетанием/на+алтарь+победы]. О многомиллионных жертвах советского народа в годы Великой Отечественной войны сказал в своем обращении президент Российской Федерации 24 февраля 2022 года: «*Итоги Второй мировой войны, как и жертвы, принесенные нашим народом на алтарь победы над нацизмом, священны*» [https://tass.ru/politika/13829919]; а затем обороты со словом *алтарь* начали активно использоваться и в других текстах и жанрах, например, в поэзии: «*На алтарь Отечества,/ Жизнь свою клади,/ Верой православною /Душу огради.*» (Константин Орлов. Крымский. https://stihhi.ru/2017/09/29/9090) и другие. В этих и других фразоупотреблениях актуализируется сема «жертва во имя чего-либо высокого, великого» и идея жертвенности, представленная в стихотворении Н. А. Некрасова «Поэт и гражданин»: *Иди в огонь за честь отчизны,/ За убежденье, за любовь.../*

Иди и гибни безупречно./ Умрешь не даром: дело прочно, /Когда под ним струится кровь...

Во вьетнамской культуре существует культ поклонения предкам. Это одна из древнейших религий страны [ВЭС]. В русскоязычных рассказах об этой религии и о жизни современных вьетнамцев обычно используется слово *алтарь*. Оно используется как эквивалент вьетнамского словосочетания *bàn thò* [бан тхо] (буквально «стол для поклонения» или «место поклонения»). Такое место является обязательным в каждом доме. Именно поэтому словосочетание *bàn thò* (*алтарь*), принадлежащее к активной лексике, известно каждому вьетнамцу. Внешний вид *bàn thò* различается и часто зависит от степени материального благополучия семьи. Различия во внешнем виде ведут к тому, что «стол для поклонения» получает разные названия. В небогатой семье или семье со средним достатком можно встретить *bàn thò* – простой деревянный *стол* или *подвесную деревянную полку*, на которой находятся предметы, используемые при поклонении. Вместо стола может быть *tủ thò* [ту тхо] (буквально «шкаф для поклонения») – деревянный *шкаф*, иногда украшенный, на котором находятся предметы, используемые в поклонении и в который помещаются важные предметы семьи [<https://dothogiadinh.vn/tu-tho-go-nhung-chu-y-khi-lua-chon-vi.html>]. Если семья зажиточная, то она имеет в доме *huong án* [хыонг ан] /án gian [ан жан], то есть «*богато украшенный стол для поклонения*» [<https://dothogiadinh.vn/an-gian-huong-an-nhung-dieu-can-biet.html>], или *bàn thò ô xa* [бан тхо о са], то есть «*очень богато украшенный стол для поклонения*» [<https://dothogiadinh.vn/ban-tho-o-xa.html>], одна из его разновидностей – стол *sập thò* [сап тхо], который отличается от других столов для поклонения тем, что он очень больших размеров, а его низенькие ножки богато украшены резьбой [<https://dothogiadinh.vn/sap-tho.html>]. В самых богатых домах Вьетнама, а также в ряде учреждений есть *khám thò* [хкам тхо], то есть «*комнатка для поклонения*», в которой, по мнению многих, пребывают боги [<https://dothogiadinh.vn/nh%E1%BB%AFng-m%E1%BA%ABu-kh%C3%A1m-th%E1%BB%9D-%C4%91%E1%BA%B9p-d%C3%A0nh-cho-t%C6%B0-gia.html>]. Наконец, во вьетнамской культуре существует *ngai thò* [нгай тхо] (буквально «*tron*

для поклонения»), убранство которого свидетельствует о значимости и величии того, кому этот трон принадлежит: чем богаче украшен трон, тем более влиятельным является его хозяин (это может быть человек, например, правитель, или божество, или святой) [<https://dothogiadinh.vn/lich-su-hinh-thanh-ngai-tho.html>]. Такая подробная информация о разных видах алтарей, существующих во вьетнамской культуре, нужна для того, чтобы показать, что с *bàn thờ* у вьетнамцев очень многое связано в жизни и он является «сгустком культуры» [Степанов 1997] в сознании вьетнамца, то есть концептом. Вероятно, именно поэтому во вьетнамском языке существуют устойчивые обороты метафорического характера, несущие важную культурную информацию. Одно из них – шутливый фразеологизм *tốc đỗ bàn thờ* [ток до бан тхо], который можно дословно перевести как «скорость алтаря». Выше отмечалось, что алтарь *bàn thờ* по формальным признакам соотносится с разными видами мебели – столом, подвесной полкой, шкафом, то есть с тем, что стоит неподвижно, то есть не имеет скорости. Но выражение *tốc đỗ bàn thờ* включает в свой состав слово *tốc đỗ* – «скорость». Устойчивый оборот *tốc đỗ bàn thờ*, на первый взгляд, строится на основе оксюморона: *скорость* связана с понятием «быстрый», «скорый», а *алтарь* – «неподвижный», «постоянный». Это выражение первоначально было использовано в контекстах, посвященных водителям, которые едут слишком быстро, рискуют своей жизнью, словно желают умереть. Вьетнамцы ставят фотографии умерших на алтарь и проводят церемонии поклонения предкам и умершим. Одно из фразоупотреблений имеет такой вид: *Xác định được tài xe phóng mô tô 'tốc đỗ bàn thờ' 299 km/h trên đại lộ Thăng Long – Был опознан водитель мотоцикла, который ехал со скоростью алтаря 299 км/час по проспекту Тханг Лонг* [<https://tuoitre.vn/xac-dinh-duoc-tai-xe-phong-mo-to-toc-do-ban-tho-299-km-h-tren-dai-lo-thang-long-20210311112235767.htm>].

Оборот *со скоростью алтаря* – «очень быстро» – начинает использоваться и в контекстах, связанных с любой деятельностью: набор сотрудников в офис, продажи товаров и услуг (*Đẩy đơn Shopee tốc đỗ bàn thờ* - "подтверждение заказов

[<https://www.youtube.com/watch?v=PjLjmB-ivg4>] и т. д.

В современных жилищах алтарь часто устроен в виде шкафа. На верхней поверхности этого шкафа-алтаря (*на крыше шкафа*) расположены необходимые для алтаря предметы: палочки благовоний, чаша для благовоний, фотографии предков и другие атрибуты. Само выражение *lên nóc tủ* [лен нок ту] дословно переводится «подниматься на крышу шкафа» и имеет значение «умереть». Это выражение, являясь шутливым, связано с поминальными трапезами. Если человек неосторожен в своих действиях, то ему говорят о том, что он *ăn chuối cả nái* ([ан чуй ка най] (дословно «<поднимется на крышу шкафа>, чтобы съесть целую гроздь бананов») -- *Hai chú suýt thi ăn chuối cả nái* – *Два (водителя) чуть не съели всю гроздь бананов* [<https://www.otofun.net/threads/hai-chu-suýt-nua-thi-an-chuoi-ca-nai.487353>], *ngắt gà khoa thán* ([нгам га khoa thán] (дословно «<поднимется на крышу шкафа>, чтобы посмотреть на голую курицу»), т. е. на отваренную курицу, которая, как и бананы, является одним из обязательных блюд поминальной трапезы. По своей философской основе эти выражения близки русскому обороту *все там будем*, т.е. рано или поздно все умрут и окажутся *на том свете*. Вьетнамцы считают: *Cuối cùng tất cả chúng ta/ Đều lên nóc tủ ngắt gà khoa thán* – *В конце мы все поднимемся на крышу шкафа и будем смотреть на голую курицу* [<https://www.baoquangninh.com.vn/con-ga-trong-am-thuc-viet-2330973.html>].

Таким образом, есть основания утверждать, что культурная информация в русском слове *алтарь* и его вьетнамском аналоге *bàn thờ* существенным образом различается, что объясняется культурными различиями между народами. В русской культуре слово *алтарь* связано с языческими представлениями о приношении жертвы богам и божествам, а также о ритуальных обрядах православия, связанных с чистотой, святостью и жертвенностью, т. е. слово хранит культурную информацию о языческих верованиях и христианских ценностях. Во вьетнамском языке слово *bàn thờ* связано с одной из традиционных религий, культивирующих память о предках, о связи человека с его семьёй и родственниками – связи, которая сохраняется не только при жизни, но и после

смерти. Образ алтаря *bàn thò* всегда связан с представлениями о значимости семьи и семейных ценностей, о важности каждого человека для семьи, фразеологизмы с компонентом *bàn thò* следует рассматривать как предостережение живым – быть осторожными, не торопиться к смерти, не совершать безрассудные поступки, потому что смерть – это страдания и боль для близких. Факты материальной культуры, отраженные в языковых единицах, содержат разную культурную информацию.

1.2.3. Культурные смыслы семантики лексико-фразеологических единиц

языка и возможности их интерпретации

Если культурную информацию уже можно найти в базовых языковых единицах, таких как слова, путём анализа их культурных смыслов в конкретных случаях употребления, то то же самое более очевидно в отношении лексико-фразеологических единиц. Этот вопрос обсуждается в нашей статье, «*Культурная информация и культурные смыслы в семантике слова и фразеологизма*» [Киев, Фархутдинова 2023, с. 85-94]. Содержание отдельного исследования, таким образом, интегрируется в теоретическую основу данной работы с целью синтеза и расширения его результатов.

Единицы лексико-фразеологической системы языка – слова и фразеологизмы – издавна используются для изучения истории и культуры народа в силу того, что обладают значением, имеют историю бытования в текстах [ярким примером являются материалы электронного онлайн-корпуса русских текстов *Rus.corpora.ru*] и фиксацию в словарях. Уже в работах российских ученых XIX века есть разнообразные материалы о значениях слов-историзмов – названиях существовавших в прежние времена предметов, явлений человеческой жизни, общественных институтов и др., которые становились дополнительным источником сведений о материальной и духовной культуре прошлого. Такой подход к словам и выражениям можно видеть в работах И. И. Срезневского [Срезневский 1986, с. 15 – 103], Ф. И. Буслаева [Буслаев 1992, с. 292–339], И. М. Снегирева [Снегирев 1831–1834], В. И. Даля [Даль 1955; Даль 1993].

Деятельность этих ученых и их последователей показала, что язык является социально-культурным феноменом, отражающим быт, нравы, обычаи и воззрения народа-носителя, а также хранителем познанной народом информации о мире. Это верно даже в том случае, если в ходе общественно-исторического развития отдельного народа и человечества в целом в содержательной стороне языковых единиц происходит обновление уже имеющихся знаний (пополнение либо уточнение и конкретизация) или же их частичная либо полная утрата, что отражается в семантике языковых единиц. По-видимому, это постоянный процесс, что подтверждается исследованиями словаря (словарного состава языка) в его диахронии и синхронии, а также данными словарей культуры, например, таких, как «Константы: Словарь русской культуры» Ю. С. Степанова. Словарь в этом случае становится частью культуры народа, его «своеобразной исторической памятью» [Телия 1996, с. 226]. Не случайно современные ученые-лингвокультурологи в содержательной стороне слов и фразеологизмов (в их значении) выявляют культурную информацию в виде универсальных квантов знания, этнически маркированные культурные смыслы, а также культурную коннотацию. Дифференциация данных понятий опирается на различение значения и смысла: значение рассматривается как закрепленное в содержании языкового знака коллективное символическое «освоение того или иного фрагмента действительности», а смысл – как выделение «личностно-значимых и ситуативно-актуальных характеристик окружающего мира» [Карасик 2010, с. 5]. В современной науке говорят о наличии культурных смыслов в ментальных единицах – в концептах, представлениях, культурных установках, идеологемах, обыденных понятиях, стереотипах [Токарев 2009], а также в любой из сфер человеческого бытия – в физкультуре и спорте [Шапинская 2017; Моченов 2014], в основном и дополнительном образовании [Пружинин, Щедрина 2020; Васильев 2016], в архитектуре и градостроительстве [Куприянов 2013; Пермиловская 2011], в религии [Камедина 2021; Шарифи, Бешорати, Абдоллахи 2021] или в философии [Микайлова 2020].

Культурные смыслы могут включаться в семантику слова и фразеологизма. Считается, что в этом случае они проявляются в виде *культурной информации*, которая находит отражение в толкованиях языковых единиц, то есть она включается в текст словарной статьи. При этом известно, что значения слова *информация* сегодня в обиходном употреблении и в языке науки не совпадают. Если изначально (в XIX веке) информацию понимали как «сведения, передаваемые людьми устным, письменным или другим способом (с помощью условных сигналов, технических средств и т. д.), то с XX века оно получило статус общенаучного понятия и развило терминологическое значение: «знания о предметах, фактах, идеях и т. д., которыми могут обмениваться люди в рамках конкретного контекста», «сведения, воспринимаемые человеком и (или) специальными устройствами как отражение фактов материального или духовного мира в процессе коммуникации» [<https://kartaslov.ru/значение-слова/информация> Дата обращения 10.03.2023]. В работах многих лингвистов нет сведений о том, какое понимание информации они имеют в виду – обиходное или общенаучное. Отчасти это объясняет, почему словосочетание *культурная информация* получает разное наполнение. С одной стороны, культурная информация – это информация культурологического, в том числе и идеологического плана (не лингвистическая информация), представленная в лексикографических толкованиях [Купина 1995, с. 7; Чернова 2011]. С другой стороны, к культурной информации относят, например, почерпнутые из художественных произведений сведения «о быте народа на определенном этапе его развития, орудиях труда, предметах религиозного культа, народных праздниках и приметах», о «профессиях и социальных слоях» определенного исторического периода, «о связанных с каждой профессией орудиях труда, предметах одежды и т.п., об отношении общества к представителям данной профессии или носителю определенного качества», о животных (героях басен), чьи образы основаны на «древнейших тотемных верованиях народа-создателя басни и мифологических преданиях» [Микова 2011, с. 6]. Существует и третья точка зрения, согласно которой все слова и фразеологизмы, в которых проявляется национально-культурное своеобразие языка (безэквивалентная лексика, топонимы

и онимы, формы обращения в ситуации речевого этикета и др.) передают национально-культурную информацию [Журавлева 2006]. С нашей точки зрения, культурная информация закреплена в языковых единицах и разнообразных текстах, она позволяет формировать, транслировать и реализовывать языковую картину мира, в которой отражается «уникальное и универсальное во взгляде народа-носителя языка на мир и свое место в нём». [http://velikayakultura.ru/teoriya-kultury/kulturnyiy-smyisl-i-znachenie-tipyi-urovni-parametryi Дата обращения 10.03.2023].

Анализ культурной информации и культурных смыслов в семантике слов и устойчивых оборотов позволяет рассмотреть словарный состав языка не только как определенным образом организованную систему языка, но и как вербализованную систему знаний и ценностных ориентиров, которой руководствуется в повседневности отдельный человек, социум или общество в целом. Словарный состав – внешний слой языковой системы, наиболее подверженный изменениям по причине его открытости миру – может быть представлен также и в виде языковой картины мира (ЯКМ), в которой фрагменты действительности представлены с разной степенью глубины (РЧФЯ). Культурная информация и культурные смыслы слова, как и его место в ЯКМ, во многом объясняются его историей, сохранившейся или утерянной внутренней формой, а также его связями с другими словами лексико-фразеологической системы. Слово живет в определенном социально-историческом контексте, который задает культурные смыслы и общественно значимые культурные коннотации. Это справедливо для многих языков и культур. Считается, что имеющаяся культурная информация может получать разные культурные смыслы, и эта интерпретация напрямую зависит либо от действующих культурных установок и/или стереотипов этноса [Токарев 2009], либо от лингвокультурных компетенций лица, интерпретирующего факты в соответствующей культуре. Чтобы проиллюстрировать эти положения, обратимся к отдельным культурно-языковым фактам.

Известно, что на начальном этапе человеческой истории слово и вещь часто отождествлялись: слово, обладавшее, с точки зрения людей, магической силой,

управляло вещью, поведением человека и даже его жизнью и смертью. О древней магии слова пишет И. П. Меркулов, разрабатывающий концепцию информационного контроля окружающей среды в аспекте когнитивной эволюции. Под магией слова ученый понимает «отождествление слов как упорядоченных звуковых символов и того, что они (через образы и сценарии) репрезентируют — соответствующих вещей и событий. В этом случае смыслы образов (и сценариев), содержащаяся в них пропозициональная информация должны были обретать здесь абсолютно достоверную и эмоционально значимую для людей вербально-символьную форму репрезентации» [Меркулов 2003, с. 48-49]. Как предполагает исследователь, магическую функцию слово стало выполнять уже во времена первобытного строя, а симптомы частичного разрушения этой магии он относит к XII–XIII векам [там же, с. 83-84]. Но эта функция сохранилась за словами и в более поздние исторические периоды. Реликты этой функции проявляются в словах-благопожеланиях, которые служили изначально своего рода оберегами, и дожили до нашего времени, но стали выполнять иную функцию, например, контактоустанавливающую. В русском языке эта функция реализуется в этикетных словах *спасибо, здравствуйте*. То же самое можно сказать о русских оборотах *храни вас бог; тьфу-тьфу, чтоб не сглазить; будь здоров/будьте здоровы!* и о вьетнамской формуле *hay ăn chóng lòn* ([хаи ан чонг лон], которую дословно можно перевести так: «много кушай и быстрей рости (взрослей)» [<https://vnexpress.net/chuc-con-hay-an-chong-lon-2948885.html> Дата обращения 10.03.2023]. Эту фразу используют, когда ребенок чихнул. Некогда бывшие словесными оберегами, такие выражения сегодня выполняют в основном регулятивную или фатическую функции, которые нацелены «на создание, поддержание и регулирование отношений в человеческих микропролетивах» [Норман 2001]. Вьетнамский речевой этикет содержит много благопожеланий, включающих в свой состав слова-обереги. Тем, кто отправляется в дальнюю дорогу, вьетнамцы говорят: «*Thuợng lô bình an!*» ([тхыонг ло бинь ан], что дословно означает «пусть в дороге не будет опасностей») [Словарь вьетнамского языка: 405]. Благодаря двуязычию образованных вьетнамцев выражение было заимствовано во

вьетнамский язык и сохранило форму китайского оригинала – лексическое наполнение оборота и его образность: 一路平安 (дословно: «один, единый», «дорога, путь», «ровный, благополучный, мирный», «спокойный, безопасный») [<https://chinese.com.vn/thuong-lo-binh-an-tieng-trung.html> Дата обращения 10.03.2023], т.е. это пожелание *благополучия на всем пути* следования. Это выражение обычно переводится с помощью русского оборота *доброго пути!* Другое благопожелание отправлявшимся в дорогу – *chân cứng đá móm* ([чан кынг да мем], дословно «твёрдые ноги, мягкие камни» [Словарь вьетнамского языка: 141]. Это пожелание удачи и легкого пути, в котором путешественник, торговец или крестьянин сохранит свои ноги здоровыми, сильными, потому что на дороге не будет острых камней. В настоящее время выражение используют не только как благопожелание перед трудной дорогой, но, главным образом, как пожелание удачи в начинаниях – в новом или трудном деле.

Противопоставлены словам-оберегам слова-проклятья, выполняющие регулятивную и фатическую функцию языка [Норман], позволяя выражать переживания человека и его эмоциональное состояние – раздражение, гнев и др. К числу таких оборотов может быть отнесен русский фразеологизм *ни дна ни покрышки*. «Словарь русской фразеологии» так описывает этимологию этого устойчивого словосочетания: «Выражение связано с погребальными ритуалами, которые в древности считались обязательными настолько, что в них не отказывали даже врагу. Поэтому самым страшным наказанием был запрет на обряд погребения кого-л. На Руси, как и в Древней Греции (Спарте, Афинах), так наказывали лишь предателей родины, святотатцев и самоубийц. Страшное пожелание <...> – значит «Быть похороненным без гроба», т. е. его неотъемлемых принадлежностей – деревянного дна, крышки и покрова (т.е. покрывала), а в переносном смысле – без отпевания и без соблюдения христианского обряда погребения» [Бирих, Мокиенко, Никитина 1998, с. 161]. В обороте *чтоб тебе пусто было сохраняется* культурная информация о «пожелании неудачи в каких-то делах и начинаниях», а также возможность «выразить свою злобу и досаду, пожелать другому человеку провала»

[https://phraseology.academic.ru/816/Чтоб_пусто_было;
FB.ru: <https://fb.ru/post/history/2019/7/17/118768>]. С точки зрения Ю. А. Гвоздарева, данный оборот связан «с суеверной приметой, что встретить человека с пустыми вёдрами означает неудачу», а форма фразеологизма отражает веру «в единство слова и обозначаемого им явления» [Гвоздарев 1982, с. 75] Как представляется, в семантике этих и подобных оборотов культурная информация присутствует не только во внутренней форме, но и в их интонационном рисунке оборотов: интонация позволяет реализовать состояние недовольства, недоброжелательности, открыто высказать злобу или досаду в адрес другого человека. И эта культурная информация правильно оценивается коммуникантами.

Особо можно выделить слова и выражения, в которых люди божатся, т. е. клянутся именем Бога (*ей-богу, Богом клянусь* и др.) или клянутся в чем-либо очень ценным и важным для человеческой личности (*Христом-богом клянусь, мамой клянусь, клянусь страшной клятвой; век свободы не видать*). В этих и других выражениях слово выполняет некоторую ритуальную функцию, обычно используется для подтверждения правдивости сказанного говорящим.

Естественно, что знания о культуре народа позволяют объяснить происхождение отдельных слов и выражений, а также дают возможность понять ситуативность их использования, причины возникновения, а значит, и выполняемую выражениями функцию в речевом общении. Например, вьетнамские выражения *on tròi* ([он чой], дословно «благодаря небу»); *các cụ phù hộ* ([как ку фу хо], дословно «предки помогают») содержат глагол *phù hộ*, который называет акт защиты от сверхъестественных сил [Словарь вьетнамского языка: 788]). Сами выражения используются в ситуации, когда говорят о большом везении: проливной дождь начался в тот самый момент, когда крестьянин сумел прийти с поля домой и войти внутрь помещения. В противном случае он мог остаться на рисовом поле и промокнуть до нитки, но *ông tròi* (дословно «Дедушка-Небо», то есть Бог) или предки помогли ему вовремя уйти с поля и сохранить одежду сухой. Эти выражения имеют шутливый характер и именно через шутку дают представление об удаче, сопутствующей человеку.

В конфликтных ситуациях, когда один вьетнамец сердится на другого и хочет показать свои чувства по отношению к нему, то использует выражение *đò troi đánh* [до чой дань] (дословно «Небо тебя ударило (стукнуло)» или «Молния тебя ударила»). При этом фраза *đò troi đánh* связана с верой в то, что плохого человека небо накажет именно ударом молнии. При этом в использовании оборота *đò troi đánh* есть этикетные и этические ограничения: она может быть произнесена только внутри одной семьи старшими по отношению к младшим: родители, старшие братья или сестры применяют выражение для угрозы или устрашения озорного ребёнка. В ситуациях с чужими людьми используется оборот *đò troi đánh khong chét* [до чой дань кхонг чет] (буквально «получает (получит, получил) удар с неба (от молнии), но не умирает (не умер, не умрет)»). В этом выражении «удар с неба» означает ухудшение ситуации, в которой оказался человек, совершивший преступление или неблаговидный поступок: он будет обязательно суроно наказан [Словарь вьетнамского языка: 1045].

Культурная информация представлена и в текстах примет. В приметы, как известно, верили не только древние люди, но и наши современники. Под приметами понимаются «проверенные временем предсказания, основанные на презумпции скрытой связи между явлениями природы, свойствами предметов и событиями человеческой жизни, выраженные в краткой, метафорической форме» [Тонкова 2007, с. 3]. Считается, что в примете объединяются кумулятивная и прагматическая функции языка, а совокупность примет народа составляет «базу данных, структурирующую многовековой опыт народного прогнозирования, передаваемый из поколения в поколение» [Никитина 2009, с. 3]. Одни приметы связаны с наблюдениями над погодой и природой, другие – с суевериями, хотя сегодня спектр функционирования примет расширился [там же, с. 4–6]. Приметы могут быть вербализованными и фиксироваться в языке в виде устойчивых образований – текстов (паремий): *рассыпалась соль и через плечо бросить щепотку, тогда неприятности обойдут стороной; Одежду стоит надевать с правого рукава, тогда примечено, жизнь выдастся спокойной и счастливой; Нельзя подбирать мелочь на дороге – потерять свои деньги и чужую бедность*

себе забрать; В Новый год и Рождество (7 января) нельзя из дома ничего давать – отдашь хорошее, придет плохое; В понедельник деньги отдавать – всю неделю расходы [там же].

Приведенные выше примеры были стремлением показать, что культурная информация хранится в разных единицах языка (словах, фразеологизмах, интонации), а культурные смыслы реализуются в определенных речевых ситуациях при выполнении этими единицами определенных функций. Но и в том случае, если слово называет что-либо в реальном или идеальном мире, оно способно хранить культурные смыслы, в которых проявляются этнические подходы к принципам и правилам жизни.

Рассмотрим это на примере двух слов – русского *алтарь* и его вьетнамского эквивалента *bàn thò*.

Слово *алтарь* было заимствовано русским языком в древнерусский период (имело графический вид *олтарь*) и вошло в оборот уже в XI веке. Оно пришло из латинского языка через позднегреческий. Согласно материалам «Этимологического словаря русского языка» А. В. Семёнова, в латинском языке-источнике словами *altare*, *altar* называли место, где возносились жертвы (жертвенник). Отличительная черта жертвенника – его расположение: он располагался на высоте, на возвышении, на что указывает его связь со словом *altus* – «высокий», «возвышенный», «расположенный на высоте». Данный источник обращает внимание на возникновение новых значений у слова *алтарь* в русском языке, где оно стало обозначать «стол, престол», а также «главную, восточную часть православного храма, отделенную иконостасом и предназначенную для совершения христианского таинства» [Семёнов 2002]. Оба значения слова зафиксированы в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова [<http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/01/us102818.htm?cmd=0&istext=1>], в «Словаре русского языка» в 4-х т. под ред. А. П. Евгеньевой [<http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/01/ma103312.htm?cmd=0&istext=1>], в «Большом толковом словаре русского языка» (гл. ред. С. А. Кузнецов) (с.35).

В большинстве текстов слово *алтарь* выполняет номинативную функцию и является стилистически нейтральным, либо обозначая место, где возносят жертвы языческим богам, либо главную часть православного храма. В качестве примеров можно привести следующие словоупотребления: к первому значению – «*Полутемный алтарь* возвышался над всем храмом, и в глубине его тускло блестели золотом стены святилища, скрывавшего изображения Изиды» (Куприн. *Суламифь*); ко второму значению – «*У алтаря* лысогорской церкви была часовня над могилой маленькой княгини, и в часовне был поставлен привезенный из Италии мраморный памятник, изображавший ангела, расправившего крылья и готовящегося подняться на небо» (Толстой. *Война и мир*). Но словари отмечают и наличие стилевых коннотаций у слова *алтарь* (книжн., поэт.), что можно видеть на примере следующего словоупотребления, в основе которого лежит метафорическое использование слова *алтарь*: «*Мы знаем, что любовь он похоронил еще в московском доме графини Нелидовой, и над разрушенным алтарем этого божества построил себе храм честолюбия и восторженного поклонения царственной женщины*» (Гейнце. *Князь Тавриды*).

Сфера первичного бытования слова *алтарь*, связанная с религией (язычеством и христианством), обусловила его синтагматическую сочетаемость в русском языке. Обратимся к материалам сайта kartaslov [<https://kartaslov.ru/сочетаемость-слова/алтарь>]. С одной стороны, оно сочетается со словами-атрибутивами, дающими характеристику алтаря: размеры (*большой, огромный, небольшой, маленький*), материал, из которого изготовлен (*каменный, мраморный, золотой*), назначение и местоположение (*домашний, переносной*), время изготовления (*древний, новый*), цвет (*черный, темный, золотой*) и др. С другой стороны, соединяясь с существительными в функции зависимого слова, *алтарь* расширяет свои характеристики, становясь обозначением пространственных координат: *в сторону алтаря, у подножия алтаря, по бокам алтаря* и др. То же самое наблюдаем при анализе сочетаемости с глаголами, когда слово выступает в функции в функции аргумента (*приблизиться к алтарю, посмотреть на алтарь*,

разрушить алтарь). В функции субъекта (*алтарь опустел*) появляется семантика количества.

Включенное в метафору (*на алтарь отечества, любви, победы, науки, служения, свободы, искусства, борьбы, революции*), слово *алтарь* реализует семантику жертвенности человека (людей), связанного с какой-либо деятельностью: защитой родины, преобразованием общества, наукой или искусством. Метафорическое значение на первый план выдвигает именно человека, концентрирует внимание на жертвенности поведения людей, что-либо возносящих на алтарь. Однако нельзя не сказать об амбивалентности оценочных сим, связанных с представлениями о жертвенности: оценка может быть как положительной (— *Наш народ положил 25 млн жизней на алтарь Победы*. [Михаил Горбачев, Андрей Архангельский. «Надо изменить атмосферу» // «Огонек», 2015]), так и отрицательной (*Но класть свой ум на алтарь тупорылой скромности, может, считать себя умнее других, втайне радоваться их идиотизму*. [А. Б. Сальников. Отдел // «Волга», 2015]). Очевидно, что словоформа *на алтарь*, погружаясь в контекст, приобретает не только разную оценочность (она задается словами окружения), но и возвращает читателя к первообразу, когда алтарь воспринимается как языческий жертвенник, политый кровью жертвы: *Теперь она талдычила, что мир полон хищных людей, справедливости нет, совести тоже нет, нет и элементарной порядочности, а также ещё каких-то важных моральных категорий — я пропустил мимо ушей, — но деваться ей всё равно некуда, и пусть уж последнюю свою кровь она выльет на алтарь любви к золотому мальчику Степаше...* [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001]. [Будь, может, и готов возложить себя на алтарь Отечества, но чтобы представить, как на том же алтарь бодро возлягают Чейни и Рамсфельд — хотя бы даже и в компании красавицы Кондолизы, — для этого никакой фантазии не хватит. [Максим Соколов. 21.IX -- 27.IX // «Известия», 2002.09.27] *[омонимия снята]*

[<https://rus.corpora.ru/results?search=CjEKEdC90LAg0LDQu9GC0LDRgNGMlhUKCAGAEAoYMiAKKLiimMbYy5oCQAoqAggBMgEB>]

Таким образом, в русском языке *алтарь* сохраняет культурную информацию, связанную с религией, и транслирует культурные смыслы, связанные с идеей жертвенности во благо чего-либо.

Вьетнамское слово *bàn thò* ([бан тхо]) переводится на русский язык словом *алтарь*. *Bàn thò* (алтарь) связан с культом предков, существующим в культуре современного Вьетнама. Вьетнамцы считают, что души предков находятся рядом с ними в их доме. Место их бытования – *bàn thò* (алтарь) – одно из самых важных мест дома или жилища. Важность заключается, например, в том, что на украшение алтаря тратятся большие средства, потому что внешний вид *bàn thò* создает репутацию о семье. По убранству *bàn thò* и по его чистоте (ухоженности) приходящие в дом люди делают вывод о том, как глубоко семья почитает предков, насколько семья материально благополучна. Именно поэтому *алтарь предков* (*bàn thò*) устанавливается на самом видном и почетном месте в доме. Он выполняет особую функцию: помогает связываться с духами предков через ритуал общения с ними. Любое событие, происходящее в семье (рождение детей, свадьба) или дело, которое является важным для семьи (открытие нового бизнеса или отправка сына или дочери на учебу за границу), обязательно предполагает обращение к предкам. Вьетнамец (обычно это глава семьи) зажигает три ароматические палочки (*huong*), называет повод для обращения, называет того, кто обращается и просит предков о помощи. Палочки сжигаются в чаше для риса (*bat huong*), стоящей на алтаре. Даже если жизнь проходит без изменений и ничего необычного не происходит в семье, ароматические палочки *huong* всё равно раз в месяц нужно зажигать. Такое сжигание благовоний-палочек символизирует уважение и любовь (*kinh trong*) к своим предкам, непрерывность жизни и связь нескольких поколений семьи. Обратим внимание на словосочетание *kinh trong*. Словари дают ему следующее толкование: «уважать; уважение; чтить; почтение; почтительность; почитать; почесть; почёт; жаловать; уважаемый; достойный; достопочтенный» [<https://translate.academic.ru/kinh%20trong/vi/ru/>]. Но главное в чувстве *kinh trong* – это любовь, соединенная с почитанием. Во вьетнамском языке словосочетание *kinh trong* используется только для обозначения любви к тем

людям, кого считают особо уважаемыми и почитаемыми, в первую очередь, к учителям и наставникам. Если же речь идёт о простых, обычных людях, то для обозначения своих чувств используется слово *quύ* [куи] – «считать дорогим для себя» [Словарь вьетнамского языка: 814]). Именно поэтому среди вьетнамцев-христиан для обозначения любви к богу используется словосочетание *kinh trong*. Так кульп предков как ведущая религия Вьетнама и христианство стали использовать одно и то же понятие для называния своего отношения к обожествляемому.

Однако в современной культуре Вьетнама слово *bàn thò* получает новые культурные смыслы, сохраняя известную всем культурную информацию. На его основе образован фразеологизм *tốc đỗ bàn thò* [ток до бан тхо] (дословно «скорость алтаря»). Можно предположить, что это нулевая скорость, исходя из того, что *bàn thò* стоит на месте и никуда не движется. Но это предположение ошибочно. *Tốc đỗ bàn thò* обозначает слишком высокую скорость. Вьетнамские юноши любят быстро ездить (гонять) на мотоцикле. Оценивая такую езду, сопровождающуюся нарушением правил, люди полагают, что эти мотоциклисты торопятся на тот свет и хотят быстрее оказаться на алтаре и приобщиться к своим предкам. Таким образом, в современном вьетнамском языке фразеологизм *со скоростью алтаря* означает «очень быстро». Но «очень быстро» можно не только ездить, но и осуществлять продажи, набирать сотрудников. Для характеристики этой быстроты тоже используется оборот *со скоростью алтаря*. Еще один оборот, связанный с образом алтаря – *lên nóc tǚ* ([лен нок ту] (дословно «подниматься на крышу шкафа»). У этого оборота прозрачная внутренняя форма. Во многих современных домах алтарь *bàn thò* располагается наверху шкафа. *Подняться на верх шкафа* означает «умереть». В этом фразеологизме присутствует эмоциональная сема, которую можно обозначить как *шутливая*. Данный фразеологизм может встречаться в сопровождении других оборотов, связанных с поминальной трапезой: *ăn chuối cǎ nái* ([ан чуй ка най] (дословно «чтобы съесть целую грозь бананов»), *ngám gà khoa thán* ([нгам га кхоя тхан] (дословно «чтобы посмотреть на голую курицу» т. е. очищенную от перьев и отваренную курицу)). Смысл этих

оборотов станет понятным, если мы будем знать, что на алтаре устанавливают фотографии предков. Предки с фотографий смотрят на те блюда, которые поедают живые во время трапезы. Но в любом случае вьетнамское понятие *bàn thò* связано с представлениями о смерти.

Таким образом, культурные смыслы слов *алтарь* и *bàn thò* имеют некоторые общие черты, но культурная информация обоих слов различается, что объясняется культурой каждого из народов.

Представленные в статье материалы показывают, что в значимых единицах языка – словах, фразеологизмах, а также в разнообразных речениях типа примет можно выявить культурную информацию – сведения о культуре, идеологии, воззрениях, эмоциях и чувствах народа-носителя языка. Культурная информация, по-видимому, не может быть сведена только к лексикографической составляющей – она намного шире, поскольку может передаваться и интерпретироваться практически любым носителем языка – даже теми, кто никогда в жизни не пользовался словарями. Культурная информация по-разному интерпретируется и наполняется культурными смыслами, характер которых обусловлен ситуацией употребления языковых единиц, личностями коммуникантов, их целевыми установками, а также, как можно предположить, степенью их владения культурным фоном.

1.3. Об извлечении культурной информации и коннотации при наличии человеческого фактора культурной компетенции

1.3.1. Культурная коннотация и проблема непередаваемости содержания языкового знака

В приведенных выше частях было представлено, что культурная коннотация языковых единиц (слов и фразеологизмов) является конкретной формой культурной информации и культурного смысла, которые для краткости изложения были представлены так, как будто они зафиксированы в единицах. Обобщенность

этого представления необходима для того, чтобы составить предварительное понимание о таких сложных понятиях, как *культурная информация* и *культурный смысл*, используемых в этой работе. Исходя из этого понимания, понятие *культурная коннотация* может быть исследовано дальше в качестве механизма как реализации (в реальности практической жизни), так и интерпретации (в реальности лингвистического исследования) культурной информации/культурного смысла.

Первое положение – это то, что главная функция языка – коммуникативная, а коммуникация может быть признана инструментом передачи, например, знаний [Арутюнова 2017, с. 643]. Второе положение связано с классическим пониманием языкового знака, который имеет материальную (акустическую) форму и нематериальное (ментальное, концептуальное) содержание, основанное на эмпирически проверяемой модели использования языка [Соссюр 1977, с. 49-50], с чем согласны и современные исследователи [см., например, Матвеева 2010, с. 116]. Следовательно, проблему, которую мы пытаемся решить, можно сформулировать следующим образом: как именно передаётся содержание языкового знака от одного носителя языка к другому в процессе коммуникации?

Сам процесс коммуникации в лингвистике понимается как «целенаправленная передача некоторого содержания с помощью языковых форм от одного участника ситуации общения другому» [Баранов 2009, с. 660]. Согласно данной концепции, эта передача происходит благодаря коду (используемым языковым единицам и правилам их сочетания) и контексту, который способствует установлению связи между языковой формой и соотнесенным объектом / феноменом реальности [там же]. Сказанное касается только верbalной коммуникации, которая, безусловно, является лишь небольшой частью человеческой коммуникации в целом. Но важно иметь в виду общую целенаправленность коммуникации, которая, как будет показано ниже, определяет как производство, так и понимание/интерпретацию языковых форм, а впоследствии – и передаваемость содержания языкового знака. Здесь следует подчеркнуть, что передаваемость содержания языкового знака в соответствии с любой теорией может рассматриваться на основе того, насколько

эта теория отражает целенаправленность человека в его концепции языкового знака.

Это объясняет, почему проблема передаваемости содержания языкового знака вообще не рассматривается в традиционной лингвистике. Под термином «традиционная лингвистика» здесь и далее понимаются исследования, выполненные в рамках системно-структурной парадигмы изучения языка. Традиционная лингвистика – это фундаментальная теоретическая и педагогическая основа лингвистики в том виде, в каком мы её знаем сегодня [Маслова 2001, с. 5]. Результаты и достижения этого направления изучения языка общепризнаны, в том числе и потому, что именно в рамках этой парадигмы впервые были сформулированы и научно концептуализированы понятия о языковом знаке и, как следствие, – о семиотической природе языка. Понятие языкового знака впервые детализировано Ф. де Соссюром через модель наблюдаемого процесса верbalной коммуникации между двумя носителями языка [Соссюр 1977, с. 49-50]. Описанный процесс ясно показывает, что то, что физически передаётся от одного другому, является только акустическим образом языкового знака. С другой стороны, два процесса, связанные с его фактическим содержанием (первый процесс – мысленная инициация произведения звука, второй – мысленное же осмысление услышанного звука) происходят внутри сознания отдельных носителей языка (того, что обычно называют *психикой*). Вслед за представителями классической лингвистики этот процесс в данной работе обозначается как **проблема непередаваемости содержания языкового знака**. Ментальное/концептуальное содержание языкового знака существует только в индивидуальной форме внутри мозга каждого носителя языка. Этот факт был описан ещё И. А. Бодуэном де Куртенэ [Бодуэн де Куртенэ 1963d, с. 71]. Важно отметить, что параллельное использование ученым понятий *мозг/душа/психика* для обозначения локации, где происходит ментальный процесс, показывает, что лингвистическая теория того времени намного опередила естественно-научное понимание когнитивной деятельности человека. Естественно полагать, что концепция языка и языкового знака Ф. де Соссюра была построена на таком же

историческом понимании человека. Следовательно, тот факт, что люди вообще могут понимать друг друга с помощью языка, должен быть объяснен особым образом. Ф. де Соссюр предлагает отделять язык от конкретной речевой деятельности на основе того, что социально установлено: того, что он считает готовым продуктом, который носители языка воспринимают только пассивно [Соссюр 1977, с. 52]. Язык, концептуализированный таким образом, осмысляется как своего рода общественное установление (сравнимое с религиями и морскими сигналами) [там же, с. 106]. С позиций сегодняшнего дня, мы можем ясно видеть, что язык как объект системно-структурной лингвистики выполняет только функцию обозначения общесоциальных (стандартных) ассоциаций между формой и содержанием. Это значит, что коммуникация посредством языка – это использование языковой формы для напоминания социально универсального содержания, внешнего по отношению к отдельному носителю языка. В этом случае нет необходимости рассматривать передаваемость содержания языкового знака, так как это содержание, являющееся уже социальным, универсально для всех носителей определённого языка.

В содержании языкового знака выделяются понятия *денотат* и *коннотация*.

Обратимся к анализу последнего понятия. Коннотация традиционно рассматривается как дополнительный, комплементарный элемент (часть, значение) по отношению к основному содержанию языкового знака. Согласно энциклопедии «Русский язык», коннотация – это либо «оценочная, эмоциональная или стилистическая окраска языковой единицы», либо, в более общем смысле, «любой компонент, к-рый дополняет предметно-понятийное (или денотативное) содержание языковой единицы» [Телия 1997, с. 193]. Эта словарная статья в основном идентична словарной статье в большом энциклопедическом словаре «Языкоzнание» (1998г., репринт 1990-ого издания) [Телия 1998]. В энциклопедии «Русский язык» утверждается, что коннотация «соотносится с обиходно-бытовым опытом, культурно-национальным знанием говорящих на данном языке» [там же]. Это важный факт, к которому мы вернёмся позже. Пока же нужно отметить, что понимание коннотации в общей и русской (российской) лингвистике соотносится

с описанным выше мнением В. А. Масловой о том, что современная российская лингвистика основывается на теоретической базе традиционной системно-структурной лингвистики, и для решения определённых проблем в области изучения русского языка необходимо возвращаться к её основе и обсуждать её. Многие другие определения коннотации в советских и российских терминологических словарях по лингвистике, созданных в разное время (для экономии они не упоминаются в данной работе), отражают такую же приоритетность денотата по отношению к коннотации. Денотат связан с референтами или реалиями объективного и субъективного мира и, таким образом, он объективен, социально одобрен и принят, коннотация же субъективна и связана с чувствами, эмоциями и впечатлениями отдельных носителей языка (коннотация «противопоставлена объективному содержанию языковых единиц» [Телия 1997, с. 193]). Денотат, с другой стороны имеет любой из следующих признаков: совпадает с референтом, соотносится с языковым знаком и, таким образом, эквивалентен термину *значение* в русском языке; является множеством объектов реальности, соотносящихся с абстрактной языковой единицей; а также «понятийным ядром значения» и «объективным компонентом смысла» [Булыгина 1998, с. 129]. Таким образом, традиционная лингвоцентрическая (системно-структурная) лингвистика отдаёт приоритет денотативной стороне содержания языкового знака, поскольку это позволяет ей рассматривать себя как объективную науку, хотя мы понимаем, что денотативная сторона есть у большинства языковых единиц, а коннотативная – только у части единиц.

В традиционной лингвистике уже обсуждались пределы ориентации на денотативную часть содержания языкового знака, за которым находится огромный пласт человеческих знаний. Используя обширный материал лингвоцентрических знаний в целях исследования культурного содержания, мы можем видеть, что строгое, логичное описание относительно самодостаточной, абстрактной языковой системы содержит само по себе мало внеязыковой информации. В языковых единицах сохраняется только та информация, которые функциональна для характеристики языка. Например, по словам Г. Ф. Богачевой, лексическое значение

слова в традиционном, лингвоцентрическом понимании ограничено частями его содержания, которые строго только помогают отличить его от других подобных слов, что можно наблюдать в лексикографических описаниях [Богачева 2013, с. 48]. Это предполагает, что для носителя значение слова не зависит от лексикографическое описание языкового значения.

Эта точка зрения поддерживается в советской и российской лингвистике, например, более практическим пониманием лексического значения И. А. Стернина. Соответственно, значение слова, понятое или произведенное отдельным говорящим, реализуется в общении, основанном как на коммуникативном, так и на внекоммуникативном опыте или знаниях о реальности. Второе значительно шире первого, поскольку не всякое знание преобразуется в речь и вводится в социальную коммуникативную деятельность [Стернин 1985, с. 8-9]. И. А. Стернин также считает, что точка зрения, согласно которой речь – это употребление языка, относится к традиционной лингвистике (что можно понимать как лингвоцентрический подход к изучению языка). Язык как объект традиционного лингвистического исследования действительно понимается как строго социальный, «готовый продукт, пассивно регистрируемый говорящим» [Соссюор 1977, с. 52], и его должно рассматривать независимым от речи, которая является больше похожей на спонтанный продукт личного творчества. Причина, по которой лингвоцентрическое описание ограничено в определённых частях более полного значения слова, кроется не в лингвистах; сама работа по описанию языка уже требует, чтобы они были не только высококомпетентными носителями языка, но и знатоками своей национальной культуры. Действительно, такие задачи, как различение семантически близких, но не тождественных лексических единиц в словаре обязательно требует внеязыковых, в том числе, и культурных знаний [Богачева 2013, с. 48]. При будущей методологической переоценке это может потребовать изменения определения объекта собственной лингвистики не только с соссюровской точки зрения, но и с любой точки зрения со строгим разделением языка и речи.

Ближайшую задачу в этой работе, однако, можно сформулировать как реконструкцию части внеязыковых знаний, использованных при обработке предыдущих лексикографических данных, а также процесса производства и понимания значения в речи, относящегося к определённым лексическим единицам, которые имеют другую, более широкую область значения. Данная область должна быть в центре внимания антропоцентрического подхода к описанию языка и культуры, поскольку она содержит внеязыковую информацию, необходимую носителям языка в процессе их общения посредством языка. И в практике современной российской лексикографии уже созданы такие работы, где детально описана внеязыковая информация, необходимая для понимания и употребления слов с близкими значениями. Ярким примером подобного издания является «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка» (НОСС), где представлено такое большое количество внеязыковой контекстуальной информации, что каждую словарную статью можно считать результатом огромного научного исследования [Новый объяснительный словарь синонимов русского языка, с. X-XI]. Антропоцентрические принципы применяются ко всему процессу составления словарных статей, начиная с отбора лексических единиц в соответствии с человеческими представлениями и ощущениями о себе и мире, аспектах его сознания и социальной жизни, завершая семантической структурой слов, основанной на человеческих категориях, например, функциях и целях действий.

Антропоцентризм в лингвистике, в этом смысле, расширяет рамки того, какие аспекты реальности потенциально содержатся в речи пользователей языка: не только факты о самом языке, но и комплексные культурные факты, или факт об «исторически сложившемся образе жизни людей» [Межуев, Константинов 2023]. Такие работы, как НОСС, воспринимаются как то, что «заполнил(о) ощущимую лакуну» так называемого словоцентризма. Исходя из этой задачи, данные лексикографических источников, особенно толковые словари, могут играть свою роль и занимать своё место в исследовательском процессе. Другими словами, в лингвоцентрический период развития лингвистика осуществляет логически

последовательное описание языка без специального привлечения к анализу культурных знаний (кроме случаев, когда в словарях, например, описываются этнически маркированные слова типа *дубина, булава, меч-кладенец*). При этом если в тексте толкования нет указания на то, что, например, *дубина* является одним из русских видов оружия (1. Толстая тяжелая палка), то в иллюстративном части этот момент просматривается: *[Я] вдруг увидел в сумраке прямо перед собой человек пять мужиков, вооруженных дубинами.* (Пушкин, Капитанская дочка). [МАС: <https://kartaslov.ru/значение-слова/дубина>]. На оружейное значение слова указывает его сочетаемость со словом *вооруженных*. Причем, Пушкин отмечает и то, кто пользовался дубиной как оружием – *мужики*, то есть крестьяне [<https://kartaslov.ru/значение-слова/мужик>]. Легко понять, почему именно крестьяне использовали дубину в качестве оружия. Это «тупое ударное оружие, происходит от палки» [<https://kartaslov.ru/значение-слова/дубина>], а палку всегда можно найти и самостоятельно смастерить из неё оружие.

Иллюстрация в СУ аналогична: 1. жс. Толстая деревянная палка. *Ударить дубиной по голове.* [СУ: <https://kartaslov.ru/значение-слова/дубина>]. Антропоцентрическое описание предполагает анализ собственно языковых сведений и внеязыковых «очеловеченных» знаний, которые опираются на личный опыт лингвистов, являющихся носителями языка и культуры. На примере того, как в словарях представлено слово *дубина*, мы увидели, что толкование (лингвистические знания и сведения) соотнесены с языковой и культурной реальностью носителей языка (данные иллюстративной части опираются на опыт писателя и читателя –пользователя словаря).

И. А. Стернин описывает своё наблюдение за реальностью использования языка таким образом: (взрослый) носитель языка может либо усвоить, либо произвести новое значение слова без проблем, и он также может интуитивно отделить слова от речи [Стернин 1985, с. 8, 10]. Это, как представляется, можно наблюдать и в случае употребления в речи многозначного слова. Так, у слова *дубина* есть производные значения: 2. *Прост.* О высоком, долговязом человеке. 3. *Прост. бран.* О бестолковом, тупом человеке. Второе значение МАС

илюстрирует примером из рассказа А. П. Чехова «Накануне поста»: *Таких маленьких, как ты, в мое время не было, а все верзилы, этакие балбесы, один другого выше. К примеру сказать, у нас в третьем классе был Мамахин: господи, что за дубина! Понимаешь ты, дылда в сажень ростом!* О том, что здесь реализуется значение, характеризующее рост, становится понятно через слова контекстного окружения: *маленьких, верзилы, один другого выше, дылда, в сажень ростом*. Одни слова прямо называют рост (прилагательное *маленький*, наречие *выше*). Другие слова называют меры длины (*сажень* – 1. Русская мера длины, равная 2,134 м, применявшаяся до введения метрической системы мер. (*Малый академический словарь, MAC*) [<https://kartaslov.ru/карта-слова/толкование/сажень>]). Третий слова являются оценочными обозначениями людей высокого роста: *верзила – Разг.* Очень высокий человек. *Идет Коваленко по улице, высокий здоровый верзила ---; в одной руке пачка книг, в другой толстая суковатая палка.* Чехов, Человек в футляре. <https://kartaslov.ru/значение-слова/верзила и дылда> (простореч. бран.). Высокий нескладный человек.СУ: [<https://kartaslov.ru/значение-слова/дылда>]. Когда используют в речи третье значение слова и характеризуют человека, у которого отсутствует ум, то тоже включают его в соответствующий контекст, который характеризует низкие умственные способности того, кто назван словом *дубина*: — *Что взял? башка упрямая! Дубина деревенская! Туда же лезет в спор!* (Н. Некрасов, Кому на Руси жить хорошо). (в контексте присутствуют слова *башка 'толова'*, деревенский (деревня ассоциируется с необразованностью, глупостью, тупостью жителей, поэтому в русском языке есть слово *деревенщина* – (простореч. пренебр. устар.). Грубоватый и простоватый человек (о жителях деревни в устах горожан). [<https://kartaslov.ru/значение-слова/деревенщина>], лезет в спор (не имея ума) — *Должность секретаря справляет субъект, --- едва отличающий входящую от исходящей; дубина, ничего не смыслит.* Чехов, Один из многих. Приведенные примеры показывают, что носитель языка знает точный смысл значений многозначного слова и верно их включает в речь, не осуществляя манипуляций с выбором. Этот вид знаний о родном языке является внутренним для члена

сообщества носителей языка, и рассматривается Као Суан Хао – видным вьетнамским лингвистом и переводчиком русской художественной литературы – как самая важная цель современного лингвистического исследования [Као Суан Хао 2007, с. 12].

Приоритизация денотата в описании содержания языкового знака имеет указанное выше преимущество: оно заключается в том, что нет необходимости объяснять, почему языковая коммуникация способствует пониманию носителями языка друг друга (где адресат получает то же содержание языкового знака, что и предполагаемый адресант), хотя в акте коммуникации передается только физическая форма языкового знака. Социальная реальность, стоящая за этой моделью, статична и небогата: языком считается только обозначение того, что уже принято социумом; всё, что выходит за рамки этого, классифицируется как речь, которая субъективна и, следовательно, не имеет отношения к изучению языка. Оставляя без внимания процесс координации, необходимый чтобы связь между формой и значением языкового знака была социально принята, отметим, что уровень принятия, необходимый для того, чтобы считаться социальным, неясен. Учитывая, что любая научная деятельность основана на массиве языковых и внеязыковых знаний отдельного исследователя, который ограничен пространством и временем так же, как и рядовой носитель родного языка, познание социально принятой языково-семиотической ассоциации между формой и содержанием можно рассматривать как инстинктивное и интуитивное. Само использование языковой интуиции в лингвистике считается приемлемым, поскольку знание носителей родного языка является достоверным источником лингвистической информации. Именно поэтому при исследовании и описании полисемии, омонимии и других явлений системной организации словарного состава языка, помимо разнообразных приемов и правил дифференциации лексем и их лексико-семантических вариантов, привлекается еще и интуиция. Правила логики не всегда оказываются надёжными при описании связи между формой и содержанием языкового знака. Пример тому – полисемия. Как отмечает Д. Н. Шмелев, в семантической структуре полисеманта значения связаны между собой по-разному.

В одних случаях эта связь осуществляется на основе общих сем, в других случаях – на основе ассоциативных признаков, как в случае *тень от стены* и *тень улыбки*. Ученый считает, что «толкования этих значений не содержат указание на те признаки, которые отмечаются для других значений того же слова» [Шмелев 1990, с. 382]. Здесь Д. Н. Шмелев полемизирует с мнением А. А. Потебни о том, что даже «малейшее изменение в значении слова делает его другим словом», так как этот подход противоречит «языковому чутью» носителей языка и лексикографической практике [там же]. Полисемия чётко показывает, что социально принятые языковые знаки могут быть описаны в том числе и с использованием языковой интуиции носителей родного языка.

Философские и теоретические рамки системно-структурной лингвистики не без труда применяются к таким активным феноменам словаря (словарного состава), как жаргоны и сленг, устойчивые обороты, основанные на метафорах. Сюда же относятся поговорки и пословицы – жанры речи, смысл которых не определяется смыслом слов, их составляющих. Для их понимания недостаточно знать прямое (денотативное) значение слов, из которых они состоят. Когда говорят *повинную голову меч не сечёт*, никто не думает о том, что виноватым людям отрубают (отрезают) голову, используя меч как холодное оружие. Истинный смысл выражения опирается на коннотации, которые есть в приведенном выше фразеологизме. Налицо ассоциация: *вина (преступление)* – *наказание*. Средство наказания – холодное оружие. Такая ассоциация объяснима только при учёте коннотативной стороны содержания языкового знака. Ассоциации можно даже исследовать на предмет их влияния в художественных текстах, где содержание отдельного языкового знака «растворяется» в более широком и сложном общем содержании.

Именно в этом направлении в настоящее время развивается современная российская антропоцентрическая лингвистика, которая, в отличие от системно-структурной лингвистики, не игнорирует роль человека в языке (человеческий фактор) и находит следы культуры (культурную информацию) в единицах языка. В формулировке теоретических основ антропоцентрического направления

изучения языка подчеркивается центральная роль человека в языке, а также, что язык является продуктом национальной культуры и служит средством вербализации конкретных культурных кодов, культурных смыслов и культурной информации [Маслова 2001, с. 6-7]. Более того, в современной российской лингвистике, особенно в лингвокультурологии как одном из направлений антропоцентрической лингвистики, понимание культуры в целом и культурной коннотации в частности имеет особый характер, необходимый для теоретического обоснования семиотического обозначения культурного содержания языковым знаком. Язык рассматривается как общесоциальное установление и, следовательно, как основа объективной ассоциации между формой и денотативным содержанием языкового знака, культура – как общенациональный прескриптивный стандарт (система ценностей). В качестве основы ассоциации между формой и культурным содержанием знака этот особый аспект культуры отражен в концепции культурных установок [там же, с. 50-51; Словарь лингвокультурологических терминов 2018, с. 130-131]. Следовательно, если в традиционной лингвистике коннотация имеет субъективный и дополнительный характер, то в антропоцентрической лингвистике культурная коннотация приобретает культурно детерминированный характер, означая, что свойства субъективной интерпретации содержания языкового знака создаются отдельными носителями языка не случайным образом, а в рамках определённой культурной среды, которая динамично связана с прескриптивным аспектом культуры [Словарь лингвокультурологических терминов 2018, с. 64]. В результате культурная прескрипция может быть повторно создана в национальной русской языковой картине мира через исследование глубинных смыслов слов с культурной коннотацией, поскольку в них реализуются «потенциальные ресурсы номинативной системы языка» и национальные ценности [Маслова 2001, с. 56].

В современной российской лингвистике активно обсуждаются вопросы, связанные с изучением *культурной коннотации*. Эти исследования связаны во многом с трудами таких известных ученых с мировым именем, как Л. Ельмслев (2006), Л. Блумфильд (2002), Р. Барт (1989). Среди российских ученых исследованием культурной коннотации занимались Н. Д. Арутюнова,

Н. Г. Комлев, Н. И. Толстой, Д. Н. Шмелев, В. Н. Телия, М. Л. Ковшова, В. А. Маслова и другие.

В. Н. Телия пишет: «Культурная коннотация – это в самом общем виде интерпретация денотативного или образно мотивированного, квазиденотативного, аспектов значения в категориях культуры» [Телия 1996, с.214]. Она считает культурную коннотацию базовым понятием для лингвокультурологии и связывает коннотацию с носителем языка как с человеком, у которого есть культурно-языковая компетенция [Телия 1996, с.216]. Носитель языка, обладая культурно-языковой компетенцией, может интерпретировать знаки естественного языка как понятия культуры. Г. В. Токарев показывает, что к таким понятиям культуры относят стереотипные представления, ритуалы, эталоны, мифологемы, символы и др. [Токарев 2009, см. также Словарь лингвокультурологических терминов 2018].

Культурные коннотации исследуют в разных аспектах. Один из них – свойства культурной коннотации.

В. А. Маслова в культурной коннотации выделяет следующие свойства: *аксиологичность* (культурная коннотация – это форма ценностного освоения мира, которая определяет менталитет народа-носителя языка); *наличие смысловой нагрузки* (слово «удерживает» глубинные смыслы); закрепленность в языковом знаке, который включен в культурно-национальную языковую картину мира; *восприятие* носителями языка как «оценочного ореола» [Маслова 2001]. А вот, например, З. З. Чанышева называет другой набор свойств: *антропоцентричность* (в культурную коннотацию включено человеческое измерение, оно проявляется в интерпретации мироустройства и миропорядка «с позиций действующего в нем культурно-этнического субъекта»), *культуроносность* (проявление культуры в языковом знаке), *ценность* (обязательная часть любого проявления культуры), *когнитивность и культурная интерпретируемость* (необходимость расшифровки глубинных смыслов), *соположенность с кодами культуры* (система знаков определенного ряда, которая служит способом организации культуры) [Чанышева 2019, с. 247-248].

Другой аспект изучения культурной коннотации – её проявление в культурном коде, когда, например, изучаются фитонимы и выявляются эталоны сравнения, лежащие в основе слов-названий растений, или устанавливается культуроносное содержание в семантике этих слов [Ху 2022], или рассматривается символика цвета в традиционной культуре [Лю, Ян 2020].

М. Л. Ковшова развивает идеи В. Н. Телии и предлагает, опираясь на изучение культурной коннотации, разработать лингвокультурологический метод анализа фразеологизмов. Она считает, что носитель языка осуществляет несколько операций, когда пытается интерпретировать тот или иной фразеологизм. Во-первых, человек «пробуждает» в памяти исходные смыслы, которые относятся к далекому прошлому культуры и хранятся в значении фразеологизма. Во-вторых, он припоминает знания и представления, которые «связаны с фразеологизмом и нужны для более точного его употребления». В-третьих, он «соединяет» образ фразеологизма «с символами, эталонами, стереотипами, мифологемами и др.» [Ковшова 2009, с. 210-211]. Каждая из этих операций связана с разными блоками сознания. Первый блок – мифологический, второй блок – научно-познавательный, третий блок – блок наивной информации. «Мифологический» блок – это наиболее абстрактная, наименее осознаваемая информация, которая «является базовой по своей исходной роли в культуре» [там же, с. 211]. Эта часть культурной коннотации влияет на менталитет народа, проявляясь в виде устойчивых архетипических факторов, которые связаны с культурным наследием и постоянно воспроизводится из поколения в поколение. Второй блок – это «научно-когнитивная» информация, которая не свойственна обычным носителям языка; третья часть – «наивная» или «наивно-культурная», которая «транслирует установки, стереотипы, символы, эталоны и т. п., принадлежащие обыденной философии, которая активно бытует в сознании и во многом обуславливает моральную и духовно-нравственную позицию человека в мире» [там же, с. 218]. Соединение этих трех блоков и создает культурную коннотацию. Согласно этой схеме, культурная коннотация как бы «вплетена» в языковую семантику и извлекается из нее в речи» [там же, с. 219].

Выявляется же культурная коннотация в результате культурной интерпретации фразеологизмов [там же, с. 221].

Таким образом, можно говорить о том, что культурная коннотация становится центральным понятием для понимания и описания корреляции и взаимодействия языка и культуры [Маслова 2001, с. 54; Телия 1996]. Прескриптивность культуры, подчеркиваемая и противопоставляемая традиционно предполагаемой строгости языковых правил, приводит к созданию более широких и гибких рамок, в которых исследуются вышеупомянутые так называемые «нестандартные/производные» понимание и использование языковых знаков. Соответственно, с лингвокультурологической точки зрения, язык больше не рассматривается как монолитное, однородное явление. Именно вариативность культуры приводит к стилистическим стратификациям языка, изучение которых становится возможным благодаря объединению стилей с соответствующими культурными группами [Маслова 2001, с. 74-75]. До этого момента предложенная проблема непередаваемости содержания языкового знака может быть частично решена: определённые культурные установки дают своим носителям общую структуру для интерпретации культурного содержания знака. С этой точки зрения, текущее направление современной российской лингвистики, особенно лингвокультурологии, может быть понято как прояснение характера этой общей лингвокультурной структуры с целью дать культурную прескрипцию носителям русского языка и культуры, т. е. ориентацию на условия, внешние по отношению к носителям языка и культуры.

1.3.2. Культурная компетенция при изучении языковых явлений; контекстуальная корреляция как низкоуровневая культурная информация

В российской лингвистике и лингвокультурологии теоретически и практически была доказана важность ориентации на культурные условия. При этом необходимым условием является и наличие русской культурно-языковой компетенции исследователя. Предполагается, что именно эта компетенция

существует у носителей русского языка и культуры (очевидно, потому, что она является необходимым фактором для понимания и производства культурного содержания языкового знака); более того, доказательство её существования в реальности является одной из задач лингвокультурологической исследовательской программы [Маслова 2001, с. 31].

Любой языковой знак, который в какой-то момент истории русского народа имел производное употребление, помимо своего обычного денотативного содержания, может рассматриваться в аспекте культурно-языковой компетенции носителей русского языка. Последний аспект не рассматривался при системно-структурном подходе к изучению языка из-за его синхронного характера, который мотивирует признание всех существующих на тот момент употреблений и значений в параллельном существовании. Однако в историческом процессе (диахронический подход) денотативное использование этих языковых знаков первично потому, что они устанавливаются в результате первоначального взаимодействия с объективной реальностью. Напротив, производные, коннотативные употребления требуют накопления культурной информации, относящейся к соответствующей части объективной реальности, обозначаемой языковыми знаками. Нетрудно заметить, что для того чтобы производные употребления приобрели достаточный уровень популярности среди носителей языка, стали частью социальных норм в силу своей обыденности, необходим переходный период, когда они еще не норма, но носители русского языка могут правильно их понимать и интерпретировать предполагаемый контент, передаваемый им на основе языковой формы и их индивидуального творческого подхода, или так называемой культурно-языковой компетенции. Таким образом, изучение производных употреблений языковых знаков, как если бы они находились в периоде своего становления, может прояснить специфическую часть культурно-языковой компетенции носителей русского языка, участвующей в творческой интерпретации языковых знаков, и, следовательно, русский менталитет в его отношении к тому или иному объекту реальности.

Данная культурно-языковая компетенция, возможно, даже более важна для исследователя, поскольку он может прояснить только ту часть родного культурно-языкового содержания, которую он усвоил и овладел ею в полной мере. Это аналогично имплицитному использованию интуиции при исследовании родного языка в традиционной лингвистике, о чём говорилось выше. Более того, практические культурные диссонансы и проблематика межкультурной коммуникации являются доказательствами того, что культурное содержание, как известно, трудно получить только путём дедукции. Некоторая культурная информация, например, относящаяся к историческим событиям, частично доступна непосвящённым и может соотноситься с культурной информацией языкового знака. Это возможно при условии, что в коммуникативной среде вокруг исследователя присутствует как информация о соответствующих событиях, так и её потенциальная ассоциация с культурным содержанием знака. Другими словами, русские носители языка и культуры усваивают культурную информацию и, следовательно, культурное содержание языковых знаков постепенно и имплицитно в результате своей жизнедеятельности – практическим путем. Они естественным путем усваивают богатство русской культуры в течение всей своей жизни, тогда как иностранцам приходится специально его изучать за короткое время. Это является серьёзным барьером для исследовательских работ, ориентированных на конкретные условия, внешние по отношению к носителям языка и культуры. Однако в таких случаях возможным путём решения проблемы непередаваемости содержания языкового знака является именно ориентация на чувства отдельных носителей языка, которые дают им определённую объективную информацию о фрагментах реальности, связанных с языковыми знаками. Объективность культурной информации, извлекаемой из языковых явлений, заключается в том, что эти исходные данные имеют простую структуру (назовем её *информация нижнего уровня*), в отличие от той культурной информации, которая доступна носителям родного языка и которая легко усваивается ими, хотя это сложная и многослойная культурная информация (она получает название *информация*

высшего уровня). Но это означает, что данные доступны не только специалистам в области изучения родного языка, но и лингвистам-инофонам.

Покажем на примере, как извлекается культурная информация нижнего уровня из языкового знака, какой метод анализа при этом используется и как определяется её типичность для русской культуры. Как упоминалось выше, явление полисемии (многозначности) заключается в том, что существует множество содержаний, связанных с одной языковой формой, и для понимания того, какое содержание реализуется в контексте, невозможно опираться на чёткое логическое правило (оно отсутствует) – требуется языковая интуиция. Контекстуальное сходство является известным фактом в традиционном лингвистическом объяснении многозначности; более того, содержание, которое наименее зависит от контекста, классифицируется как прямое значение [Шмелёв 1997, с. 352].

Продолжая ход рассуждений, мы поймем, что обнаружение и использование такого контекстуального сходства характерно для носителей русского языка и русской культуры. Переносное значение в момент его формирования, несмотря на то что оно не подтверждено никаким внешним социальным языковым стандартом, чаще всего легко понимается носителями языка. Это означает, что содержание языкового знака не передаётся вместе с его физической формой, а творчески формируется заново в сознании носителя языка – внутри мозга, как не раз писал И. А. Бодуэн де Куртенэ [см, например, на Бодуэн де Куртенэ 1963с, с. 223; Бодуэн де Куртенэ 1963d, с. 71]). Стоит также вспомнить открытие И. П. Павлова о сигнальной сущности речевой деятельности («сигнал сигналов» [Павлов 1951b, с. 232]) и природе языка как второй сигнальной системы, уникальной для человека и основанной на первой сигнальной системе – совокупности приёмов прямых внешних стимулов [Павлов 1951a, с. 335-336]. Это открытие позволяет понять, что физическая форма языкового знака – это сигнал, который активирует рефлекс относительно определённой части реальности, которую мы ранее восприняли (прямо или косвенно). Таким образом, то, что известно как содержание языкового знака, не ограничивается обозначением этой части реальности как социально

обусловленной, но также и всеми личными чувствами, впечатлениями, эмоциями и представлениями, соотносящимися с этим. Таким образом, когда другая часть реальности также активирует несколько сходных впечатлений в мозге носителей языка, это имеет потенциальную тенденцию (1) и к творческому обозначению содержания с использованием формы, обычно ассоциируемой с другим, но похожим содержанием, (2) и к творческому созданию другого, но предназначенного содержания из полученной формы, завершающей целенаправленность языкового коммуникативного акта. Сказанное, на наш взгляд, согласуется и с концепцией В. фон Гумбольдта о языке как «созидающем процессе» [Гумбольдт 2000, с. 69]. Здесь мы видим, что этот процесс реализуется не только тем, кто первоначально создает нестандартное языковое явление, но и его слушателями, у которых возникают ассоциации между имеющейся формой и новым содержанием, а потом уже они сами воспроизводят их в своей речи, способствуя установлению (фиксации) новых языковых явлений в целом. Например, за время СВО у слов *зеленка*, *открытика*, *птичка* появились новые значения (соответственно 'лес', 'открытое пространство, по которому нельзя передвигаться или ходить', 'беспилотник, дрон'), которые сегодня понятны многим носителям русского языка, а не только тем, кто находится в зоне боевых действий [https://vk.com/wall-89454302_31331]. Это, пожалуй, основной путь создания языковых стандартов для большинства носителей языка на протяжении большей части истории народа до современности, когда массовое образование, СМИ, словари и другие языковые ресурсы становятся новым общественным установлением, влияющим на языковую компетенцию. Всё это оказывает загадочное влияние на то, как лексико-фразеологические единицы языка формировались всеми носителями в каждом сообществе. На это обращает внимание лингвокультуролог В. А. Маслова, говоря об объекте исследования: «[...] не просто установление национально-культурной специфики языковых единиц и текста, а выявление механизмов внедрения в языковой знак культурной информации, а также механизмов её извлечения оттуда носителем языка» [Маслова, Бахтикеева 2024, с. 9].

Среди бесчисленных фактов реального мира, которые потенциально могут быть стать основой для формирования новых значений (и которые могут наблюдаться и другими народами), переносные значения, созданные носителями русского языка, являются уникальными историческими и культурными продуктами. Чтобы указать на контекстуальные корреляции между готовыми значениями, следует прочувствовать и сравнить объективный контекст каждого содержания. Языковая интуиция также играет определённую роль, но это роль, которую может выполнить исследователь, являющийся вторичной языковой личностью, для которого изучаемый язык иностранный или неродной.

Рассмотрим языковой знак *колоть*, который получил следующее лексикографическое описание своего содержания / своих значений [Большой толковый словарь русского языка]:

- (1) Касаясь чем-л. острым, причинять боль, вызывать ощущение укола.
  - (2) Об ощущении колющей боли, колотья.
  - (3) Делать укол, инъекцию.
  - (4) Вонзать, всаживать в чьё-л. тело остриё оружия.
  - (5) Убивать ударами ножа, резать (животных).
  - (6) Задевать колкими, неприятными замечаниями, язвительно упрекать; подкалывать. // Вызывать в ком-л. чувство досады, раздражения.
- (a) Колоть глаза кому-л. 1. чем. Попрекать, стыдить кого-л. -2. Вызывать досаду, раздражение.
  - (b) (Темно), хоть глаз коли. Очень темно.

Здесь мы видим, что значения (1), (2) и (3) имеют необычный контекст. Значение (1), представленное здесь как первичное в том смысле, что оно наименее зависит от контекста в современном русском языке, выражает эффект, который исполнитель пассивно получает от другого предмета, а не от действия, исходящего от самого исполнителя. Значение (2), хотя не содержит контекстуальную информацию, на самом деле имеет контекст, который предполагает предварительное знание акта колющего воздействия. Значение (3) – это обозначение относительно современного изобретения (инъекции). Только в

значении (4) мы видим обозначение фактического акта колюще-воздействия, которое по логике должно быть основным значением, но практически нет. Это отражает динамику отношений между прямым и переносным значениями в современном русском языке, которая известная уже в традиционной лингвистике [Шмелёв 1997, с. 352]. С точки зрения носителей русского языка, мы можем предположить, что впечатления от акта колюще-воздействия уменьшились, вероятно, из-за сокращения использования колюще-оружия в повседневной жизни. Однако языковая форма, первоначально ассоциировавшаяся с актом колюще-воздействия, в какой-то момент истории также ассоциируется с чувством боли, (реально или шутливо) сравнимым с получением колюще-удара, и это чувство боли настолько постоянно присутствует в повседневной жизни, что со временем вытеснило первоначальное содержание в современном русском языке. Это примеры так называемых в этой работе лингвокультурных комментариев, в которых объясняется, что некоторая культурная информация имеет определённые связи с языковыми фактами.

Ещё, в значении (1), которое, как мы предполагаем, в какой-то момент было переносным, мы можем ясно видеть присутствие прямого человеческого чувства, то есть боли. Это наиболее важная контекстуальная корреляция между значениями (1) и (4). Более того, определённый вид боли, обозначаемый здесь, имеет ещё корреляцию с актом колюще-воздействия: остроту (в том смысле, что она быстрая и внезапная, а не постепенная). С эмоциональной точки зрения, оба контекста коррелируют с отрицательностью и неприятностью.

Это примеры контекстуальных корреляций, которые могут быть описаны и которые, в соответствии с сигнальной сущностью речевой деятельности, потенциально присутствуют в формирующих и воспроизводящих моментах переносного значения. Таким образом, контекстуальные корреляции нестандартных, но реализованных явлений русского языка рассматриваются в данной работе как своего рода культурная информация низкого уровня, часть культурной коннотации. С этой точки зрения, понятие культурная коннотация как контекстуальные корреляции оперирует в широком понимании культуры не только

как системы социальных ценностей, но и как исторического процесса, через который носители русского языка действительно прошли в своей жизнедеятельности, который дал им когнитивный потенциал в отношении реальности и который они реализовали в особый способ нестандартного использования языковых знаков, таких как в формирующие моменты полисемии. Этот формирующий момент важен, поскольку он доказывает существование культурно-языковой компетенции в реальности, без необходимости предполагать её в первую очередь. Более того, это показывает, что культурно-языковая компетенция является материальным результатом исторических взаимодействий и не имеет мистической природы, что проясняет значимую метафору В. фон Гумбольдта о духе народа во времена, когда нервные механизмы человека ещё не были детально изучены. Объективность контекстуальных корреляций также означает, что они не претендуют на то, чтобы быть точными ассоциациями, которые создают носители языка при производстве и воспроизведстве анализируемых языковых явлений. Вместо этого сохраняется прескриптивный характер культурных установок, как описано выше.

Анализ примера языкового знака *колоть* может идти дальше. В значении (3) мы видим обозначения физически сходных действий над человеком, но в отсутствие колющего оружия и явной цели нанести вред человеку. В значении (5), которое обозначает идентичное действие с получателем, не являющимся человеком, с целью материального производства, мы видим, что потенциальное оружие (*нож*) присутствует, но вообще не считается оружием (или значения (5) и (4) совпадали бы). Это даёт нам очень специфические характеристики представления об оружии по мнению носителей русского языка и культуры: оно должно использоваться сознательно для нанесения вреда, а не для других целей, независимо от того, насколько похожим или даже идентичным выглядело бы действие. Значения (3) и (5) в остальном не дают конкретных контекстуальных корреляций со значением (4), поскольку они физически одинаковы и отличаются только психологически. Это важно при выборе материалов для анализа и выявления контекстуальных корреляций: контексты должны быть адекватно

разделены, чтобы можно было выделить их сходство. Иначе было бы слишком много сходств, чтобы их рассматривать, и тогда уместны только лингвокультурные комментарии.

Значение (6) можно считать достаточно отделенным от значения (4), чтобы выделить контекстуальные корреляции. Его контекст включает в себя вербальный удар, который является резким и коротким, поэтому он аналогичен значениям (1) и (2) в корреляции *острота*. Более того, корреляции отрицательность и неприятность также присутствуют, но в том смысле, что субъект действия их вызывает.

В дополнение к 6 значениям слова *колоть*, описаны два фразеологизма, которые содержат это слово и которые имеют конкретные значения как единое целое. Анализ контекстуальных корреляций обоснован, поскольку слово как сигнал также играет важную роль в стимулировании воображения целой ситуации, в которой происходит исходное обозначаемое действие, включая все «ощущения и представления, относящиеся к окружающему миру», на основании которых сходства в контекстах заставляют носителей русского языка и культуры устанавливать связь в своем мозгу «(в отвлечении) от действительности» [Павлов 1951b, с. 232]. Контекст предполагаемого содержания, лишь частично и непрямо связанный с первоначальным действием, означает, что только определённое воздействие действия может быть предложено в качестве корреляции. Относительно ясно, что контекстуальные корреляции для фразеологизма (a) – это отрицательность и неприятность, однако те же контекстуальные корреляции для фразеологизма (b) нуждаются в дополнительном объяснении. Воображение о том, что глаза буквально колют и человек не может видеть свет, вполне понятно, однако того же воздействия можно достичь, например, прикрыв глаза. Ассоциировать темноту с таким сильно коннотативным действием, как *колоть*, означает, что носители русского языка и культуры, по крайней мере на этапе формирования выражения, рассматривали темноту как в целом отрицательное и неприятное явление. Это также иллюстрирует их уникальные исторические пути ассоциации

между формой и значением языкового знака среди многих аналогичных возможностей, что является информацией о русской культуре, хотя и небольшой.

В целом контекстуальные корреляции между первоначальным и переносным значениями слова, включая также значения фразеологического содержания, заключаются в следующем: боль (2), острота (3), отрицательность (5), неприятность (5). Они являются частями ментальной картины, касающейся акта применения колющего оружия и его последствий (физических и психологических, реальных или воображаемых). Подобных примеров намного больше. Культурная информация специфична для русского народа и его сознания, она свидетельствует о сложности человеческого познания мира, но она становится понятной и описываемой только тогда, когда у носителей русского языка и культуры создаются конкретные связи в результате творческих, производных ассоциаций между языковой формой и содержанием. Описание такой небольшой, но ценной информации помогает закрепить фрагмент русской языковой картины мира, касающейся конкретной темы *колоть*.

Есть ещё несколько способов расширить этот фрагмент (каждый из способов – это самостоятельный этап исследования). Во-первых, проанализировать однокоренные глаголы, которые подразумевают одно и то же исходное действие, отметив достаточный уровень разделения между исходным и альтернативным контекстами. Во-вторых, выделить группы глаголов, связанных с применением *оружия* (*стрелять, рубить, взрывать, бить* и др.). В-третьих, включить в анализ производных употреблений не только глаголы, подразумевающие оружие, но и связанные с ними фразеологизмы (*стрелять из пушки по воробьям, стрелять глазами*). И, в-четвертых, производность содержания языкового знака в конкретном контексте исследуется в художественных текстах, где определенные объективные признаки одной и той же темы, присутствующие в культурно-языковой компетенции как авторов (если текст авторский), так и читателей, способствуют предполагаемой осмысленности текстов. На каждом этапе будет добавлен сравнительно-сопоставительный анализ (насколько это возможно) тех корреляций у аналогичных языковых знаков в другом языке, чтобы

подчеркнуть не только культурно-исторические особенности русского народа, но и уникальный путь, пройденный носителями русского языка и культуры в их творческом использовании и трансформации языковых знаков. Предполагается, что совокупность контекстуальных корреляций сможет достичь точки, на которой может быть сформирована более чёткая картина мира, дающая более осмысленную интерпретацию российской культуры, истории и общества посредством непрерывной трансформации содержания языкового знака.

По этой причине в следующей главе мы продолжим анализ материалов, связанных с вербализацией фрагментов семантического поля ОРУЖИЕ, представляющего фрагмент русской языковой картины мира.

1.3.3. Метод семантического поля в изучении русской языковой картины мира (при наличии культурно-языковой компетенции)

В общем контексте взаимоотношений между лингвистической и антропоцентрической парадигмами можно выделить два подхода, которые охватывают как форму, так и содержание всех языковых знаков. Для лингвоцентрического подхода – это семантическое поле (СП), а для антропоцентрического — языковая картина мира (ЯКМ).

Для данной работы понятие семантического поля не является центральным, т. к. в антропоцентрическом исследовании нет смысла обсуждать идеи и логические конструкции, которые не зависят от непосредственных носителей и пользователей языка. Однако СП имеет важное значение в качестве инструмента (метода описания языковой системы и её отдельных единиц), и поэтому его необходимо переосмыслить в соответствии с антропоцентрическими принципами.

Во-первых, содержание понятия СП отражает системный характер объекта исследования в рамках лингвистической традиции (с теоретической точки зрения) и ориентацию на систематичность (с практической, исследовательской точки зрения), поскольку в семантическом поле проявляются иерархичность, многоаспектность, логические взаимосвязи элементов в системе [Садовский, 2023]. Главной особенностью подхода является интуитивное наблюдение за тем, что

языковые единицы, в основном слова, могут быть объединены на основе общих компонентов их значения. Отношения между языковыми единицами, которые абстрагируются от линейности речи и опираются на оппозиции, известны как парадигматические отношения, а те, которые рассматриваются в контексте линейности речи, — синтагматические) [Самотик, 2012, с. 255]. В исследованиях переходного типа, выполненных на стыке лингво- и антропоцентризма, анализ парадигматических и синтагматических отношений важен как способ систематизации не только языковых знаков, но и связанных с ними «понятий и вещей», т. е. обладает лингвокультурологической значимостью [Воробьев 2006, с. 68].

Во-вторых, систематизация языковых знаков и связанных с ними культурных фактов не дает возможность говорить о проявлении именно семантического поля. Многоаспектность системы в целом и языковой системы в частности, с точки зрения лингвоцентризма, означает, что сначала необходимо определить, о каком аспекте системы идёт речь. Языковая система, часто определяемая как «система систем» за её особенную сложность [Вендина 2001, с. 254], имеет несколько уровней рассмотрения: фонемный, морфемный, лексический и синтаксический [Солнцев 2017, с. 85]. Слова как единицы языковой системы определяются с точки зрения единства их формы и содержания с помощью разных терминов: либо как лексико-семантические варианты, либо как семемы, либо как семантемы [Самотик 2012, с. 254; <https://kartaslov.ru/значение-слова/семема>]. При этом сами слова образуют лексико-семантическую систему, в которой парадигматические отношения между языковыми единицами приводят к разным видам систематизации/организации самой системы: синонимия (синонимические ряды, антонимия (антонимические пары), паронимия (паронимы), гиперо-гипонимия (гиперонимы и гипонимы), лексико-семантические группы, тематические группы и, наконец, семантические поля [Вендина 2001, с. 150-151]. Особенностью семантического поля по сравнению с другими языковыми парадигмами является грамматическая составляющая: все парадигмы содержат единицы одной определённой части речи, тогда как СП представляет охватывает множество

лексико-семантических групп и слов разных частей речи [там же, с. 154]. Эти особенности СП позволяют определить его как «совокупность языковых единиц, объединенных общностью значения и представляющих предметное, понятийное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [там же, с. 153-154].

Семантическое поле в таком определении осознается как сложное абстрактное явление, создаваемое как возможная модель организации словарного состава языка. Процесс создания такой модели основан на множестве теорий и подходов и ориентирован на разные языковые источники (словари, тексты, интернет и др.). При этом СП рассматривается как реальная языковая структура, которая представляет собой логический и логичный способ описания лексических подсистем внутри лексико-семантической системы языка.

В рамках антропоцентрической парадигмы мы столкнёмся с необходимостью понимать семантическое поле с точки зрения реального механизма использования языка его носителями, так как обычный человек не знает ни о существовании СП, ни о том, что СП – это логически выстроенная структура. Но в его сознании все слова связаны между собой и упорядочены, что позволяет ему использовать их творчески: не только воспроизводить слова и выражения для практического кратковременного (краткосрочного) общения, но и по-разному интерпретировать их. В результате форма определённого языкового знака может воспроизводиться в настоящее время, потенциально ассоциируясь с несколькими значениями, выходящими за рамки первоначального денотативного значения. В классической схеме семантического поля это, как правило, происходит в зоне периферии, где различные поля пересекаются.

В антропоцентрической парадигме эта пересекающаяся зона может интерпретироваться как место творческого использования носителями языка языкового знака за пределами его первоначальных тематических/контекстуальных границ, связанных с одним ядром поля. В рамках данной работы с её антропоцентрическим подходом зона периферии вызывает особый интерес. Как отмечал Р. Н. Канафиеv, в традиционном лексико-семантическом описании, которое основано на принципе минимального толкования и приводит к описанию

формальных объектов, восприятие носителем языка многозначных единиц СП отражается не полностью [Канафиев, 2005, с. 74–75]. Но, представляется, что значения многозначного слова (полисеманта), проявляющиеся в зонах периферии, могут стать ключом к пониманию механизма, с помощью которого носитель языка (в данном случае русский народ) творчески интерпретирует форму языкового знака, отрываясь от его первоначального денотативного содержания. Выявление, описание и/или уточнение этого механизма потенциально может сделать культурную прескрипцию культурных установок более эффективной по сравнению с синхронным лингвоцентрическим описанием, в котором исходное и производное содержание языкового знака существуют параллельно. В связи с этим, помимо подхода, который предполагает рассмотрение любого СП с точки зрения его структуры, возможен подход, при котором СП может также использоваться как инструмент организации языковых знаков внутри конкретных тем (разного рода группы слов с учётом их лингвокультурных особенностей), когда выделенные группы слов изучаются с целью получения культурной информации, которая затем используется для культурной интерпретации языковых данных, в том числе тематического ядра в целом.

Проиллюстрируем сказанное на примере глагола *колоть*, о котором говорилось выше.

Как уже было сказано, в современном русском языке прямое непроизводное значение данного глагола связано с действием колющего оружия или острого орудия (о различии оружия и орудия даны сведения в работе [там же]. Это значение является исходным, хотя и не основным, согласно лексикографическим данным современного русского языка.

Таким образом, культурная информация, полученная из анализа словарного значения многозначного глагола *колоть*, связана с темами *оружие/орудие*.

Дальнейшее изучение культурной информации по этой теме, которое является целью антропоцентрического подхода к изучению языка, может быть осуществлено путём накопления языковых единиц (за счет увеличения их числа) и

реконструкции соответствующих компонентов семантического поля (которое является инструментом лингвоцентрической лингвистики).

Это наглядно демонстрирует методологическое единство, казалось бы, противоположных подходов к изучению языка в целом и языковой картины мира в частности.

Понятие «картина мира» (включая языковую) основано на исследованиях о познании человека о мире, так что концептуальная система, выраженная в виде языковой картины мира, зависит от культурного и практического опыта [Маслова 2001, с. 64].

Современные исследователи понимают картину мира как цельный образ мира, находящийся в основе человеческого мировоззрения. Она отражает главные свойства мира в сознании человека в итоге его умственной и познавательной деятельности [Серебренников 1988, с. 25].

В философской концепции также говорится о том, что картина мира – это на самом деле мир, представленный как картина [Хайдеггер 1993, с. 49]. Так же, как для создания картины, здесь требуется много разных элементов: композиция, свет, люди, цвета и т. д. Так что «картина мира» тоже состоит из множества факторов, таких как: пространство, время, человек и факторы, связанные с ним, такие как культура, язык, образование, традиция, религия и т. п. Картина мира является результатом попытки человека воспринимать мир, используя органы чувств и мышление; отражает существования соотношений, в которых человек, будучи субъектом языковой, культурной, социальной и других деятельности, является центром. Поэтому, как полагает В. М. Шакlein, понятие «картины мира» есть одно из фундаментальных понятий, отражающих своеобразие человеческого существования, взаимосвязь его с миром, условия его бытия в мире [Шакlein 2012, с. 69].

Язык прямо принимает участие в двух процессах, связанных с картиной мира: он формирует языковую картину мира и проявляет и объясняет другие картины мира человека, давая языку черты человека и его культуры. Благодаря языку индивидуальное значение, реализованное в любой коммуникации, становится

коллективным достоянием [там же, с. 69]. Таким образом, язык играет важную роль для картины мира, являясь эффективным инструментом её формирования, выражения и объяснения.

Как отмечает В. Н. Манакин, «языковая картина мира — это отраженный средствами языка образ сознания-реальности, модель интегрального знания о концептуальной системе представлений, репрезентируемых языком» [Манакин 2004, с. 44].

Следует отличать «языковую картину мира» от «концептуальной (или когнитивной) картины мира». Расхождение заключается в том, что «концептуальная картина мира постоянно меняется из-за регулярной смены результатов познавательной и социальной активности, а наоборот «языковая картина мира», довольно устойчива, т.к. её фрагменты хранят представления человека о мировоззрении [Шакlein 2012, с. 70].

В настоящее время существует два направления исследований языковой картины мира, когда в рамках одного языка определенного народа реконструируется языковая картина мира этого народа, опираясь на доступные лингвистические данные, и в рамках исследования языков разных народов определяются безэквивалентные языковые элементы, что ведет к проявлению познавательных и культурных специфик каждого народа [Пименова 2011, с. 29-30]. Таким образом, через язык каждый народ отражает свое восприятие мира и каждый язык имеет собственную картину мира.

С точки зрения современной лингвокультурологии, осознание мира зависит от культурно-национальных свойств носителей того или иного языка, следовательно, существуют расхождения в языковых картинах мира. При этом исследователи называют три основных фактора, которые приводят к этому расхождениям, такие как природа, культура и познание [Шакlein 2012, с. 70-71].

В учении о картине мира (включая и языковую картину мира) уже заложено представление о том, как мир познаётся человеком, поэтому она по своей сути является антропоцентрической. Однако, с точки зрения российской науки, ЯКМ может рассматриваться как обоснованная логическая конструкция, независимая от

непосредственных носителей языка, аналогичная СП. Так, например, считает В. Н. Денисенко. Он утверждает, что ЯКМ – это конкретная категория в лингвистике, что она объединяет реконструированные СП и классы систематизации языковых единиц [Денисенко 2004, с. 123]. Этот взгляд учёного отличается от мнения о понимании *картины мира* как метафоры (КМ – «отражение окружающего мира в человеческом сознании»). Думается, что подход В. Н. Денисенко характерен для периода смены парадигм в российской лингвистике, поскольку современный антропоцентризм всё ещё обладает лингвоцентрической базой данных, которую нужно по-новому осмыслить.

Полевой аспект изучения ЯКМ также означает, что ранние идеи антропоцентрических лингвистов постоянно приобретают новую теоретическую глубину по мере того, как антропоцентрическое лингвистическое знание продвигается от своей лингвоцентрической основы к реальности использования человеческого языка в культурном контексте. Например, логическая аналогия между ЯКМ и СП может быть понята как взгляд обыденного носителя языка на единую реальность (в противоположность научной классификации, в которой реальность разбивается на фрагменты). В то время как СП – как инструмент научного описания языковой системы – традиционно предполагает объединение всех языковых единиц посредством распространения систематичности (системности) через периферийные зоны различных полей [Вендина 2001, с. 154], целостность ЯКМ интуитивно обоснована самой реальностью. Для носителей и пользователей языка существующая реальность едина в противоположность тем, кто создает научные/исследовательские классификации действительности на основе своей социальной деятельности. И тогда описываются *этническая картина мира* [Джененко, Куликова, Тинакина 2015], *фольклорная картина мира* [Колистратова, Колистратова 2023], *деструктивная и конструктивная картина мира* [Князева 2019], *акустическая* [Кокорина, Михайлова 2023], *региональная* [Драчева, Волкова 2014], *социально-сетевая* [Самсонова 2020], *квантово-релятивистская* [Радищевский 2024], помимо активно употребляемых

лингвистическая КМ, физическая КМ, естественно-научная КМ, философская КМ и др.

Этот факт практического использования языка уже обсуждается в российской лингвистике. Ссылаясь на работы Н. В. Цветкова, Р. М. Фрумкиной и Н. А. Рюминой, Р. Н. Канафиев отметил, что «сознание носителя языка оперирует не смысловыми элементами («смысловыми признаками» и «смысловыми компонентами»), а «целостностями» (Р. М. Фрумкина) или «элементами определенной ситуации» (Н. А. Рюмина) [Канафиев 2005, с. 78]. Это особенно важно, поскольку ЯКМ чаще всего воспринимается как наивная, а не научная картина мира [Маслова 2022, с. 42]. Поэтому концептуальная система, выраженная в виде ЯКМ, зависит от культурного и практического опыта [Маслова 2001, с. 64], в то время как различные СП, аналогичные её научно классифицированным фрагментам, можно рассматривать как инструмент для описания состава и структуры этих фрагментов с языковой стороны.

В связи с этим можно утверждать, что исследователь языковой картины мира может рассматривать любой языковой пример как отражение национальной языковой картины мира с точки зрения отдельных носителей языка. Особенно наглядный пример этого можно найти в литературных произведениях, где язык используется не для описания реальности, а для создания мира, который автор считает правдоподобным для своих читателей. В этом случае индивидуальная языковая картина мира автора проявляется благодаря его богатому опыту и мастерскому использованию национального языка. Это делает её надёжным и насыщенным источником культурной информации. Литературные произведения становятся текстом культуры и репрезентантом языкового материала, который потребляется поколениями. Они способствуют воспроизведству фрагментов национальной языковой картины мира. Значит, литературное творение можно воспринимать как художественное воплощение внутреннего, объективно существующего образа мира через язык. Более того, его можно оценивать как донаучную культурную установку, которая может быть переосмыслена с научной точки зрения.

Любая культурная информация, которая исторически сформировалась в общественной жизни народа, даже если она не является основной темой произведения, может быть отражена в деталях. Таким образом, она может быть собрана, проанализирована и систематизирована. В этом случае языковой знак, относящийся к определённой сфере (например, «ОРУЖИЕ»), обнаруженный в литературном произведении, может служить сигналом к соответствующей культурной информации, представленной автором как знатоком аналогичного фрагмента языковой картины мира (например, фрагмент, касающийся феномена «ОРУЖИЕ»).

Литературные произведения можно считать важным источником информации о языковой картине мира, но то же самое можно сказать и о паремических единицах. Среди них — яркие и красочные пословицы и поговорки русского народа, которые были тщательно собраны и записаны в контексте повседневной жизни носителей языка разными учёными, такими как И. М. Снегирев [1996], В. И. Даля [1993], В. П. Жуков [2010], [Зимин, Спирина 2005]. Эти короткие выражения, созданные и регулярно воспроизводимые многими носителями русского языка в процессе коммуникации, содержат языковые элементы, которые служат для обозначения более глубокого смысла, чем простая сумма значений отдельных слов. Поэтому значение паремических единиц гораздо сложнее описать, чем значение отдельных слов [Савенкова <https://web.archive.org/web/20100128063418/http://www.nicomant.fils.us.edu.pl/mnt/1999-1/paremija.html> (дата обращения: 25.04.2024)].

В этом контексте пословицы и поговорки отражают те аспекты языковой картины мира, которые, во-первых, связаны с языковыми элементами, входящими в их состав; во-вторых, обычно скрыты от повседневного языкового использования, где эти элементы в основном выполняют свою основную функцию.

Это значит, что пословицы и поговорки отражают те части языковой картины мира, которые: 1) связаны с составляющими их языковыми знаками и 2) не связаны прямо с теми реалиями, которые изначально ими назывались (когда знаки используются для выполнения своей денотативной функции). Между

полисемичным словом и паремией в анализируемом плане есть сходство и различие: в ходе компонентного анализа выявляются корреляции, в которых есть первичный образ, связанный с реальностью, а производные значения многозначного слова или компоненты паремии «удалены» от первичного значения. Это позволяет выявить различные аспекты содержания анализируемого языкового знака, потому что именно на такие аспекты обращали внимание носители языка, когда они творчески, почти поэтически интерпретировали знак как компонент более крупной единицы.

Такой анализ может быть организован тематически, при этом СП играет инструментальную роль. Например, анализируются пословицы и поговорки, содержащие компоненты, изначально принадлежащие к определённому СП (например СП *ОРУЖИЕ*), чтобы больше узнать об аналогичном фрагменте ЯКМ и культурном феномене *оружие*.

Более того, СП и ЯКМ могут изучаться в сопоставительном плане, чтобы выявить и подчеркнуть национальную специфику каждого языка, каждого народа-носителя языка и каждой культуры [см., например: Киеу Ань Ву 2018]. Так, в целях изучения русского языка иноязычный культурно-языковой материал (к примеру, вьетнамский), организованный аналогичным образом с помощью полевого метода, может быть использован в качестве фона для выделения особенностей русской ЯКМ.

По сути СП и ЯКМ являются теоретическими выражениями практической деятельности человека по познанию мира и целенаправленной вербализации своих мыслей. Их методологическая совместимость в рамках антропоцентрического подхода к изучению языка показывает, что в современной российской лингвистике осуществляются активные разработки в осмыслении языковых проблем с точки зрения человека как субъекта.

В следующей главе работы предложенная методика будет представлена при анализе определённых групп тематически организованных языковых материалов.

ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ I

Переориентация современной российской лингвистики на человека и её вхождение в антропоцентрическую парадигму придали старым теоретическим объектам, созданным в лингвоцентрической парадигме, новую значимость. Особое звучание получили такие новые концепции и понятия, как *культурный смысл*, *культурная информация*, *культурная коннотация*. Они важны для понимания и интерпретации не только языкового материала, но и лингвистических теорий. Учитывая традиционное разделение денотата и коннотации в содержании языкового знака, где денотат привязан к частям объективной реальности, внешней по отношению к человеку, антропоцентрический взгляд на язык и языковые знаки неизбежно должен подчеркивать коннотативную часть значения. Это приводит к появлению культурной коннотации как важного исследовательского инструмента при анализе сложных языковых явлений, таких как фразеологизмы.

Такого рода лингвокультурологический анализ неизбежно требует от исследователей культурно-языковой компетенции, позволяющей извлекать богатую культурную информацию из анализируемых явлений. Приведённые в тексте главы примеры наглядно показали, что историческая, национально-специфическая культурная информация может быть извлечена из языковых знаков посредством как их лингвистического описания, так и практического использования в различных типах текстов (политические дискурсы, мифы, публицистическая речь и т.д.). В материалах главы показано и то, что процесс изучения языка с точки зрения иностранного исследователя отличается от анализа носителей языка, поскольку его культурно-языковая компетенция объективно формируется на другом языке, культуре и истории. Это ограничивает некоторые возможности для изучения русского языка, и одновременно открывает новые пути для достижения той же цели. Один из таких путей к изучению русской ЯКМ проявляется в необходимости рассмотрения коннотативной части значения русской лексики не с субъективных позиций, а с объективной точки зрения, касающейся исторического взаимодействия носителей языка с элементами

материальной культуры, которое генерирует внеязыковую информацию как часть их уникальной, творческой культурно-языковой компетенции. Дальнейшее исследование культурных коннотаций, по-прежнему основанное на антропоцентрических принципах (таких, как передача человеком объективных признаков посредством ощущений), может выявить динамику связей между денотатом и коннотацией, особенно в таких случаях, когда одна словоформа со временем приобретает новое содержание/значения (полисемия). В этом направлении исследований объективные контекстуальные корреляции играют важную роль в содействии творческому произведению, пониманию и воспроизведению новых языковых явлений. Доказано, что такого рода информация имеет культурно-национальную специфику благодаря отражению менталитета конкретного общества носителей языка, в данном случае русского, в их уникальной истории материальной культуры.

Представленный подход к извлечению культурной информации может быть полезен при изучении динамичных языковых явлений, организованных вокруг определенной темы, и при построении фрагмента соответствующей языковой картины мира. Системно-структурный метод семантического поля считается эффективным в решении такой организационной задачи. Его периферийная зона представляет особый интерес при отборе полисемичных слов для анализа, поскольку денотативное содержание каждого значения ясно. Аналогичным образом единицы семантического поля, в данном случае ОРУЖИЕ, могут быть связаны с другими типами текстового материала, такими как пословицы и поговорки или литературные произведения, содержащие сходную лексику. Такого рода материалы ясно показывают, как функционируют элементы соответствующего фрагмента языковой картины мира при творческом использовании и интерпретации составляющих единиц семантического поля.

ГЛАВА II

ФЕНОМЕН *ОРУЖИЕ* В ДИНАМИКЕ ПРОИЗВОДНЫХ ЯВЛЕНИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА (НА ФОНЕ ВЬЕТНАМСКОГО ЯЗЫКА)

В первой главе были рассмотрены теоретические вопросы, связанные с триадой *человек - язык - культура*. Особое внимание было уделено выявлению объективно познаваемой культурной информации, которая отражает не только денотативную, но коннотативную часть содержания языкового знака.

В данной главе мы обращаемся рассмотрению вопроса о том, как теоретические положения реализуются на практике. Конкретная цель такого практического исследования – охарактеризовать феномен *ОРУЖИЕ* в русской языковой картине мира. Во-первых, феномен многозначности исследуется на лексикографическом материале, объединённом темой *ОРУЖИЕ*. Для анализа выбраны глагольные единицы, потому что их денотативная функция тесно связана с тем, как человек пользуется оружием. Это даёт возможность с новых позиций посмотреть на человеческий фактор в языке и увидеть скрытый потенциал культурной информации. Во-вторых, слова-названия оружия и связанные с ними явления анализируются не изолированно, а в контекстах, где проявляется отношение человека к оружию (любовь к оружию, страх перед оружием и др.) и, значит, к денотативной функции добавляется коннотативная. Это касается случаев, когда слова-названия оружия и связанные с ними глаголы, становятся компонентами фразеологических единиц, то есть теряют номинативную функцию, так как значение фразеологизма, как известно, не является суммой значений компонентов. Второй случай представлен в языке произведений русской литературы, где наличие оружия, его появление или исчезновение (пропажа) становится значимым фактом в сюжете либо используется для характеристики события, явления или героя. При этом культурная информация, касающаяся оружия, имеет субъективный или объективный характер. Обращение к литературным произведениям, их регулярная интерпретация носителями русского

языка означает, что извлекаемая из них культурная информация является воспроизводимой и трансформирующейся частью русской языковой картины мира.

2.1. Анализ переносных значений и фразеологических употреблений глаголов, связанных с оружием

В пункте 1.3.2 диссертационного исследования была описана разработанная нами методика анализа производных (переносных) значений глагольных лексем, которые находятся на периферии СП *ОРУЖИЕ*. Значимость периферийной зоны СП *ОРУЖИЕ* была рассмотрена в нашей предыдущей работе [Киев 2018]. Там же анализировались и значения глаголов, входящих в состав фразеологизмов. Разработанная методика позволила показать её потенциал в извлечении культурной информации и проведении лингвокультурологической интерпретации языковых единиц.

В представляющей работе СП является инструментом исследования, а не его объектом.

Анализ феномена *ОРУЖИЕ* в текстах является дальнейшим шагом по сравнению с анализом производного употребления языковых знаков, связанных с темой оружия. Тексты по своей сути являются творческими как в своем создании, так и в понимании, предоставляя много возможностей для интерпретации, в отличие от производных употреблений языковых знаков, которые со временем могут закрепиться в языковой системе и считаться . Тем не менее, при создании текстов феномен *ОРУЖИЕ* по-прежнему отражает культурно-языковую компетенцию авторов в отношении данной темы. Аналогичным образом, в процессе понимания и интерпретации художественных текстов потребителями феномен *ОРУЖИЕ* способствует формированию их культурно-языковой компетенции в отношении этой темы. Поэтому следует также изучить потенциал извлечения культурной информации путем анализа феномена *ОРУЖИЕ* в контексте художественных текстов.

В рамках данной работы для анализа были отобраны две группы текстов. Первая группа – это пословицы и поговорки, содержащие *ружьё* или/и *пуля* в

качестве компонента (ов). Вторая группа – это цикл рассказов «Тёмные аллеи» И. А. Бунина.

Такая ассоциация является фактом культуры и изначально требует от исследователя как культурно-языковой интуиции / компетенции, так и наличия единства лингвистических и экстралингвистических знаний. Действие по применению оружия должно предшествовать его последующему языковому обозначению и являться практическими условиями для его реализации в коммуникативной среде. Подгруппы глагольных единиц, относящихся к каждому виду оружия, составляются поэтапно. Сначала анализируются словообразовательные связи, представленные в словообразовательных словарях. Затем анализируются толкования выбранных глагольных лексем, чтобы удостовериться в соответствии глаголов целям исследования. Этот момент будет особо выделен при анализе глаголов *взрывать* и *рвать*. Следующий этап – анализ производных переносных значений глаголов. Наконец, анализ наблюдаемых глаголов, которые стали компонентами фразеологизмов. Последний этап – обобщение полученных промежуточных результатов.

Явление полисемии / многозначности слов следует дополнительно отличать от аналогичных явлений. С точки зрения отношений между известными значениями, в лингвистике признается феномен широкозначности, который характеризуется широкой денотативной отнесенностью и контекстуальной обусловленностью. При этом отмечается, что различные значения слов с широким значением могут быть логически не связаны [Плотникова 2009, с. 24]. Таким образом, лексико-семантические варианты слов с широким значением могут быть ближе к омонимам, поскольку семантические связи между ними утрачены и механизмы трансформации между ними стало трудно установить. Здесь мы хотели бы подчеркнуть другой аспект проблемы, а именно процессуальность семантической трансформации в многозначности. С точки зрения носителя языка, широкозначность как крайний случай многозначности демонстрирует, что, прежде всего, в истории использования языка действительно существует процесс, при котором слово ассоциируется со значением, отличным от исходного значения, но

это различие понятно всем участникам коммуникации только тогда, когда каждый носитель языка может ориентироваться и ссылаться на исходное значение и контекст. В то время как современные широкозначные слова достаточно активны в социальном коммуникативном процессе, чтобы носители языка следующих поколений могли легко усваивать каждый лексико-семантический вариант "как таковой", обычные многозначные слова должны усваиваться с помощью разных механизмов ссылок между исходным и производным значениями. Другими словами, эти механизмы ссылки интуитивно воспроизводятся вместе с множественными значениями этого слова, пока связанный внеязыковой контекст остаётся стабильным и, таким образом, формирует одинаковую когнитивную основу между поколениями носителей языка. В случаях бесспорной лексической омонимии (лук 'оружие' и лук 'овош') семантическая трансформация не требуется; причину совпадения нужно искать в другом месте. В случаях широкозначности (примерами проявления которой являются такие слова, как *бежать, быть, брать, бросить, быть* [там же, с. 25]) из-за неизбежного ухода поколения носителей языка, при чьей жизни произошла семантическая трансформация, а вместе с ними утраты (в их мозге) и внеязыковых, интуитивных знаний, связанных с трансформацией, стало невозможным изучать отношения между значениями, и все комментарии, которые следуют за этим фактом, попадают в область спекуляций. Это оставляет «обычную» многозначность единственной продуктивной областью лексического значения, где лингвокультурологический анализ является продуктивным, поскольку механизмы семантической трансформации могут быть охарактеризованы благодаря использованию того, что известно (вербально или интуитивно) о слове и его различных контекстах употребления значений.

Как объяснено и проиллюстрировано в пункте 1.3.2 предыдущей главы, среди множества значений, подробно описанных в лексикографических изданиях, только определённые значения подходят для анализа контекстуальных корреляций. Они не должны быть физически схожими с явлением, обозначенным прямым значением. Другими словами: реализация прямого и производного значений должны различаться контекстом. Это необходимо для того, чтобы

контекстуальные различия подчеркивали корреляции, которые важны для производства, понимания и последующего воспроизведения производного значения.

В этой работе мы проанализируем 3 многозначных глагола, связанных с феноменом *ОРУЖИЕ* (*стрелять*, *взрывать*, и *колоть*), а также их глагольные дериваты.

2.1.1. Производные значения глагола *стрелять* и его префиксальных глагольных дериватов

Глагол *стрелять* и его однокоренные глагольные дериваты, используемые в их исходном значении, предполагают наличие **оружия дальнего боя** (здесь необходимо использовать наиболее абстрактное и общее именование вида оружия; это будет подробно объяснено позже). Анализ этой предпосылки понимания и производства значения в контексте знаний о русской материальной культуре позволяет нам глубже изучить русский менталитет в отношении идеи действия стрельбы и оружия дальнего боя.

С этимологической точки зрения глагол *стрелять* описывается как производное от существительного *стрела* и сначала имел значение 'пускать стрелы' [Фасмер 1964; Виноградов 1999], 'метать стрелы' [Крылов <https://lexicography.online/etymology/krylov> (дата обращения: 18.04.2023); Шанский <https://lexicography.online/etymology/shansky/> (дата обращения: 07.02.2023)]. Можно с уверенностью сказать, что материально-культурный феномен стрелы (и также лука) был первоначальным внеязыковым контекстом для понимания таких лексических единиц, как *стрелять* или *стрельба*. Действие по стрельбе стрелой из лука воспринималось носителями русского языка прошлого во множестве аспектов, одни из которых были более абстрактными и независимыми от материальных, физических элементов действия. Они проявляются в современном употреблении глагола *стрелять*, также его новых дериватов и терминов для обозначения действий, исключительно связанных с огнестрельным оружием (выстрел 'выбросывание пули, снаряда и т.п. из ствола **огнестрельного оружия** в

результате взрыва заряда; звук такого взрыва' [БТС, с.184]; стрелковое оружие 'огнестрельное оружие для стрельбы пулями или др. поражающими элементами: пистолеты, револьверы, пистолеты-пулеметы, автоматы, автоматические винтовки, пулеметы' [БЭС, с. 1280]). Это языковая динамичность указывает на то, что действие стрельбы в более позднем русском менталитете решительно отошло от своего источника и не связывается с луком и стрелой. Естественно, что в стране развивается такой вид спорта, как *стрельба из лука*, но там лук классифицируется как метательное, а не как стрелковое оружие. Другими словами, лук и стрелы в современной русской ментальности больше воспринимаются как артефакты Древней Руси или как атрибуты средневековой Европы и не являются продуктивными для номинации новых реалий. Именно поэтому словообразовательные гнезда с этими словами не расширяются. Так, в «Словообразовательном словаре русского языка» А. Н. Тихонова в словарной статье 355. **лук** *И* *Оружие* зафиксировано всего 5 дериватов: *лучок – лучковый; лучник – лучница и лучной* [Тихонов, т. I, с. 556]. Для русской ментальности остаются продуктивным действие *стрелять*, связанное исключительно с огнестрельным оружием – 'производить выстрелы', 'уметь пользоваться огнестрельным оружием', 'действовать' [<https://kartaslov.ru/значение-слова/стрелять>]. Эту же особенность отмечает и Р. Н. Канафьев: «В терминах *огнемет, пулемет, гранатомет* можно услышать «отголоски» метательного оружия, хотя известно, что названные виды *огнестрельного оружия* (кроме *огнемета*), называемые данными словами, характеризуются совсем иным способом действия» [Канафьев 2005, с. 128].

А вот глагол *стрелять* имеет обширное словообразовательное гнездо, включающее в свой состав 138 дериватов [Тихонов II, с. 179–180].

В этом можно видеть пример проявления кумулятивной функции языка: в семантической структуре слова сохраняются семы, обозначавшие те внеязыковые явления, которые со временем утратились. До появления новых реалий эти семы скрыты в значении, т.е. ведут себя как потенциальные семы, хранящие имплицитное знание. Знание имплицитное, потому что не проявляется в

вербальной коммуникации. Это важно для понимания и производства новых значений в речи через механизмы ассоциации. Здесь можно предположить, что воспринимаемые аспекты действия стрельбы в целом, а также аспекты стрельбы из огнестрельного оружия, в частности, воспроизводятся в современной российской жизни и, таким образом, отражены в смысловых компонентах обозначающих слов. Свое предположение проверим путём анализа данных толковых словарей русского языка, в первую очередь обратимся к глаголам, обозначающим действие стрельбы.

Но обратим внимание на одну особенность русского языка и русской культуры, отраженную в менталитете их носителей. Она видна только с лингвокультурно-сравнительной точки зрения. Такие единицы номинации, как *стрелковое оружие* или *выстрел*, не встречается, например, во вьетнамском языке и культуре. Это будет пояснено через анализ словарных данных соответствующих единиц во вьетнамском языке.

Сначала обратимся к словарной статье глагола *стрелять*, представленной в БТС (см. Приложение 1). Алгоритм проводимого анализа: 1) находим производные значения слова с контекстуальными, объективными несоответствиями его исходному значению - «Производить выстрелы (пулями, камнями и т.п.)», 2) описываем воспринимаемые аспекты, которые у них есть в общем; 3) анализируем контекстуальные корреляции; 4) выделяем производные значения, которые обозначают более конкретный сценарий, касающийся материального действия стрельбы; 5) рассматриваем семантику слова в составе устойчивого оборота. Эти значения могут быть продуктивны для анализа с другой целью, однако не включены в рамках этой работы.

Значение «4. С силой отделяться, быстро, стремительно лететь в какую-л. сторону (о кусочках веществ, предметов). *Угли стреляют. Стреляет поспевшая акация. С.искрами, дымом.*» не предполагает наличия оружия дальнего боя; однако это понимается и производится носителями языка в присутствии явления с **силой**, **быстрой** и запуском чего-либо на **расстояние**. Все эти аспекты можно и чувствовать при стрельбе; это физические свойства запущенных снарядов при наличии земной гравитации, которая ограничивает время нахождения снаряда в

воздухе, что требует его сильного запуска и быстрого полета, чтобы достичь большего расстояния. Задолго до того, как физики смогли смоделировать орбиту летающих объектов, обычные люди уже интуитивно понимали эти механизмы; это имплицитное знание ярко проявляется в семантической ассоциации и трансформации этого значения.

Значение «6. Издавать резкие, отрывистые звуки, похожие на выстрелы. *Мотор стреляет. Дрова стреляют. С. кнутом. / безл. В стенах от мороза стреляет. / в зн. прил. Стреляющий звук.*» показывает аспект, связанный исключительно с огнестрельным оружием, производимый им **шум**. Когда слово используется как таковое, его контекст дает понять носителям русского языка, что здесь нет огнестрельного оружия, но есть предметы, которые, как они знают, могут издавать такие же громкие и резкие звуки. Это скрытое невербальное сравнение происходит от восприятия различных объектов в единой, целостной картине мира и в относительной абстракции, поскольку различные явления сравниваются только по некоторым категориям (таким, как интенсивность совершенно разных звуков).

В значении «7. безл. Разг. Колоть (о коротком, остром болевом ощущении). *В ушах стреляет. В пояснице стреляет. □ в зн. прил. Стреляющая боль.*» мы видим гораздо более абстрактное сравнение, которое связано больше не с объективными, физическими свойствами исходного действия, а с субъективными, чувственными результатами стрельбы. Носители русского языка понимают и производят это значение в ассоциации с **болью** и **неожиданностью**, что в целом ощущается как **отрицательность**. Следует отметить, что эти ассоциации не требуют, чтобы носители языка сами были застрелены; они могут абстрактно относиться к гораздо более обширной сети и личных, и социальных знаний, чтобы понять это производное значение.

А в значении «8. Разг. Просить дать что-л.; выспрашивать. *С. сигареты. С. пятёрку до получки*» исходное действие стрельбы воображается только с аспекта **передачи** какого-то предмета от одного человека другому (конкретно говорящему). Это показывает, что многоаспектное явление может быть сведено к единой концепции, относящейся к цели практической коммуникации. Однако,

почему именно такое действие связано именно со стрельбой, неизвестно. Существует несколько народных этимологий выражения *стрельнуть сигарету*. Так, согласно одним мнениям, «*стрелять в значении – добывать в том числе вымогая, кражей или вытращивая*. Соответствует немецкому воровскому *schissen* с тем же значением. Форма, лежащая в основе этого арготического употребления, интернациональна для среды деклассированных. Как многие слова из арго деклассированных, глагол *стрелять* с соответствующими видоизменениями значения распространился в XIX веке по разным профессиональным диалектам. Так, из нищенски-воровского арго, из арго деклассированных слова *стрелок*, *стрелять*, *стрельнуть* попадают в разговорную речь других социальных слоев. [<https://otvet.mail.ru/question/35206503>]. Согласно другим народным этимологиям, «*это из Гулага, когда у охранника не было сигареты, он стрелял в осужденного и говорил, что тот хотел бежать, ему в награду давали пачку сигарет*» [<https://otvet.mail.ru/question/35206503>]. Третья точка зрения заключается в следующем: «*Все проще. Чтобы вытащить из пачки сигарету, её надо было "стрельнуть", ударив большим пальцем по дну пачки. Таких красивых крышечек на пачках тогда не было, и извлечение сигареты требовало сноровки*» [<https://otvet.mail.ru/question/35206503>]. Как видим, современных носителей русского языка, связанных с русской культурой и представляющих себе её историю и развитие, волнует вопрос этимологии значения глагола *стрелять*. И у каждого из комментаторов значения актуализированы разные потенциальные семы и объясняются разные сценарии зарождения этого значения. Это история формирования значения глазами простого носителя языка. Это разговорное значение, а также внеязыковое действие, стоящее за ним, предполагает очень неформальные отношения между говорящим и слушателем. В этом меньшем и более тесном контексте коммуникации большее количество коммуникативных потенциалов может быть реализовано спонтанно в виде значения, но реализованные результаты зависят от дополнительных социальных механизмов, которые должны присутствовать в национальном языке, а также в его

лексикографическом описании. Это значение как бы намекает на потенциал таких исследований.

Еще одно значение находим в фразеологизме *стрелять глазами*. «1. Бросать короткие, быстрые взгляды. 2. Бросать кокетливые взгляды», которое ассоциируется с **передачей** в ходе невербальной коммуникации, где действие взгляда обозначает (передаёт) смысл. Взгляд и траектория снаряда (по крайней мере, с близкого расстояния) могут обладать общим свойством **однонаправленности**, однако это предположение не может быть ясно доказано.

Более богатый материал для подобного анализа дают другие словообразовательные дериваты глагола *стрелять* (см. Приложение 1).

Глагол *стреляться* в значении «2. (с кем). Устар. Драться на дуэли (на пистолетах). С. могли только дворяне.», на первый взгляд, семантически не связан с его исходным значением «1. Разг. Стрелять в себя с целью самоубийства». С точки зрения современного носителя языка, возможно, само участие в дуэли воспринимается как попытка самоубийства, несмотря на то, что в ходе дуэли один из дуэлянтов остаётся жив (а могли остаться живыми оба человека). В этом случае значение ассоциируется с **опасностью** и возможностью **смертельного исхода** действия.

Глагол *стрельнуть*, кроме значений, тождественных со значением однокоренного глагола *стрелять*, имеет и особенное значение «Разг. Быстро, стремительно убежать, упорхнуть и т. п. С. в кусты. Белка стрельнула на дерево». Носители русского языка, скорее всего, ассоциируют **быстроту** действия с быстрой выпущенного предмета при стрельбе.

Глагол *выстрелить* в значении «Разг. Издать резкий, отрывистый звук, похожий на выстрел; выскочить, вылететь откуда-л. с таким звуком. Выстрелила лопнувшая шина. Пробка выстрелила.» ясно употребляется как и глагол *стрелять* в проанализированном 6-ом значении. Контекстуальная корреляция, проявляющаяся в данном случае, – **шум**, который характерен для огнестрельного оружия.

Глагол *застрелиться* описан в двух устойчивых выражениях, которые понимаются отдельно от исходного значения «Убить себя из огнестрельного оружия». Первое из них - «*Застрелиться!*» в зн. межд. *Разг.-сниж.* О чём-л.,зывающем восхищение, восторг. *Какой красивый вид с вертолёта, з.!*» - имеет высоко абстрактную корреляцию с исходным контекстом; здесь это можно описать только как **сильную эмоцию**. А второе производное значение - «*Хоть застрелись,* в зн. междометия. Употр. для выражения крайнего отчаяния, полной невозможности что-л. предпринять. *Ну нет билетов на самолёт, хоть застрелись!*» – наряду с **сильной эмоцией** ещё есть **отрицательность** как конкретный оттенок смысла.

Глагол *настрелять* («2. что и чего. *Разг.* Выпрашивая, получить в каком-л. количестве. *Н. сотню. Н. денег, папирос.*») синонимичен 8-ому значению глагола *стрелять* Поэтому контекстуальной корреляцией для ассоциации между исходным и производным значениями является **передача**. К этому добавляется **результат**. У глагола *пострелять* в значении «4. *Разг.-сниж.* Выпросить, раздобыть что-л. *П. у прохожих сигаретку. П. лишний билетик у театра.*» тоже присутствует **передача**, но **результат** может отсутствовать.

Исходное значение глагола *настреляться* «1. Вдоволь, достаточно пострелять» является разговорным и имеет некоторую корреляцию с огнестрельным оружием с точки зрения количества производимых выстрелов. Для такого вывода недостаточно доказательств, что также делает неясным механизм ассоциации, стоящий за производным значением «2. *Шутл.* Напиться пьяным. *С утра уже настрелялся*», т.е. чересчур много выпил или напился. Контекстуальной корреляцией является **много, большое количество**. Аналогичное явление мы можем видеть в английском языке, где *a shot* – это и выстрел, и рюмка.

Глагол *обстрелять*, исходным значением которого является «Подвергнуть обстрелу», может также пониматься как «*Разг.* Приучить к трудностям, дать возможность приобрести опыт, привыкнуть ко всему. *Спортсмены наши обстреляны на международных соревнованиях.*». Здесь значение коррелирует с **опасностью** исходного контекста, которые с точки зрения непосредственных

участников боевых действий расценивались только как **трудности**. Несовпадение повседневной жизни и военной жизни также подчеркивает двойную роль обычного русского мужчины: как представителя любого гражданского сообщества в мирной жизни (*крестьянин, торговец, рабочий и т. д.*) и как человека военного, мобилизованного (*дружиинник, боец, мобилизованный*), что часто было во многие исторические периоды. Это положение человека – один из путей проникновения жаргонных слов военного времени в национальный русский язык.

Глагол *отстреляться* имеет особое производное значение «3. *Шутл.* Закончить какие-л. дела (обычно трудные, неприятные). *Ну как, сдал зачёт? — Всё, отстрелялся! Все сроки сдачи объекта уже вышли! — Ничего, через неделю отстреляемся!*». С точки зрения исходного значения «1. Отбиться, обороняясь стрельбой» видно, что субъект действия испытывает **трудности** (либо из-за обстрела, скорее всего, артиллерийского, либо из-за того, что ему предстоит выполнить сложную работу). Это ещё пример того, что опыт военного времени и боевых действий наложил сильный отпечаток на русский менталитет, и в рамках этого опыта огнестрельное оружие является важным компонентом материальной и духовной культуры.

Глагол *прострелить* в значении «2. кого-что. *безл. Разг.* Об острой боли (обычно в результате простуды, заболевания мышц и т.п.). *Поясницу прострелило*» соотносится с глаголом *стрелять* в 7-ом значении, т. е. имеет контекстуальные корреляции **боль, неожиданность** и ещё **отрицательность**.

В целом, через анализ выбранных производных значений глагола *стрелять* и приставочных глагольных дериватов с корнем *-стрел-* мы получили следующие контекстуальные корреляции: **сила, быстрота (2), расстояние, шум (2), боль (2), неожиданность (2), отрицательность (3), передача (4), односторонность, опасность (2), смертельность, сильная эмоция (2), трудность (2)**. Показаны и многие значения с сильными признаками огнестрельного оружия. Соответствующая культурная интерпретация будет выполнена в сочетании с результатом анализа вьетнамских эквивалентов.

Обратимся к анализу вьетнамского языкового материала.

При переводе на вьетнамский язык русский глагол *стрелять* чаще всего будет представлен глаголом *bắn* [бан]. В Приложении 1 видно, что глагол *bắn* [бан] имеет самую высокую частоту употребления (41 раз).

Но глагол *стрелять* может быть переведен и с помощью других слов или сочетаний слов. Ниже мы даем вьетнамские эквиваленты русских глаголов, а в скобках приводим их дословный перевод на русский язык.

Другие используемые глаголы представлены следующим образом:

СТРЕЛЯТЬ

- *nô súng* [но сунг] (буквально *делать взрыв ружьём*)
- *xả súng* [са сунг] (буквально *пускать из ружья*)
- *xạ kích* [са кить] и *tác xạ* [так са] – полностью эквиваленты по семантике глаголу *bắn* [бан], но отличаются стилевой принадлежностью: это книжные слова, заимствованные из китайского языка.

СТРЕЛЯТЬСЯ

- *tự tử bắn súng* [ты ты банг сунг] (буквально *убить себя ружьём*)
- *đáu súng* [дау сунг] и *đo súng* [до сунг] (буквально *драться ружьём*)

ОБСТРЕЛИВАТЬ

- *nã súng* [на сунг] (буквально *ударить ружьём*)

РАССТРЕЛИВАТЬ

- *quét sạch* [кует сать] (буквально *убрать до чистоты*)
- *diệt sạch* [зиет сать] (буквально *уничтожать до чистоты*)

Нетрудно видеть, что эквивалентами глаголов СТРЕЛЯТЬСЯ, ОБСТРЕЛИВАТЬ являются сочетания слов, в которых присутствует слово *súng* [сунг] 'ружьё'. Если в современной русской ментальности *стрелять* связывается именно с огнестрельным оружием (*стрелять боевыми патронами, стрелять в висок, стрелять из пушки по воробьям*), то во вьетнамской ментальности этого нет. Именно поэтому при глаголах *bắn, xả, đáu* присутствует распространитель *súng* [сунг] 'ружьё'. Анализ вьетнамского глагола *bắn* [бан] подробнее пояснит такую особенность.

Сначала рассмотрим исходное значение глагола *bắn* [бан]: «1. Выпускать стрелу, пулю и т. д. под действием отталкивания. ~ из лука. ~ ружьём. Пускать ~ градом.» Это лексикографическое описание опирается на современные реалии и объясняет значение через толкование и через иллюстративный материал, который упоминает и стрельбу из лука, и стрельбу из огнестрельного оружия (стрелкового и артиллерийского). Это явная отсылка к процессу эволюции в материальной культуре, в которой метательное и стреляющее оружие сосуществуют одновременно и не видно, что какое-либо из них вдруг исчезнет или быстро заменится чем-то другим. Отсюда следует, что метательное оружие и огнестрельное оружие по сей день играют почти одинаковую роль, по крайней мере, для обычных носителей вьетнамского языка и вьетнамской культуры. Именно по этой причине при переводе русского глагола *стрелять* на вьетнамский язык надо обязательно включать слово *ружье*, ассоциация с которым в глаголе *bắn* отсутствует. в некоторых местах переводных статей с русского языка обязательно должны быть включены вариации с конкретным объектом *ружьё*, которое в значении общего глагола не подчеркивает.

Если рассмотреть другие значения глагола *bắn*, то увидим, что в производных значениях «2. Двигать тяжелую вещь, подняв сильно. ~ колонну рычагом. ~ скалу.» обозначенные действия даже не имеют физических аспектов, таких как воздушная траектория или преодолённое расстояние. Тем не менее здесь присутствует аспект **движения** под действием **большой силы**. В отличие от исходного значения, которое обозначает действие, не отдельное от оружия, это значение строго обозначает действие работы с орудиями. В нем проявляется взгляд простых людей из прошлого – тех, кто работал в естественной среде, используя только свои собственные силы. Они могут не делать большого различия между орудием и оружием, поскольку на практике обращение с тем и другим требует их силы, собственной энергии и аналогичных умений.

Эта идея неожиданным образом подкрепляется корреляциями с китайским языком, с которым вьетнамцы имели длительное языковое и внеязыковое взаимодействие. Вьетнамское понятие *pháo* [фАО] в фонетическом плане совпадает

с двумя современными китайскими омонимами 砲 и 炮 [пао] [<https://hvdic.thivien.net/nom/pháo>]. Хотя оба иероглифа в китайском языке используются взаимозаменяющими, вариант 炮 с компонентом 火 «огонь» является более современным и распространенным. Он соотносится с тяжёлым огнестрельным оружием (артиллерией), тогда как древний, гораздо менее распространенный вариант 砲 с компонентом 石 «камень» соотносится с метательным оружием (катапультой). Это показывает, что в китайском языке представление о тяжёлом вооружении дальнего боя хранится в звуковом образе, в то время как представление о метательном или огнестрельном оружии выражается графически – разными компонентами иероглифов. Во вьетнамском языке подобная дифференциация отсутствует: слово *pháo* используется только для обозначения артиллерии и того, что связано с огнём (например, с фейерверком) [СВЯ], а древняя камнеметательная катапulta называется *máy bắn đá* [маи бан да] (буквально «машина, которая б камень»). С точки зрения непосредственных участников – тех, кто использует катапульту, они именно «двигают тяжёлую вещь, сильно поднимая её». То есть такое употребление глагола *bắn* в данном словосочетании сближает его семантику не с прямым, а с производным значением. Напомним, что вьетнамцы, по крайней мере в прошлые эпохи не проводили четкого различия между использованием оружия и работой с орудиями труда. В отличие от китайского языка, где сохраняется абстрактное представление об объектах 砲 / 炮, вьетнамский язык сохраняет абстрактное представление о человеческих действиях. В современном лексикографическом описании глагола *bắn* правильно указывается основное значение, на которое современные носители вьетнамских языка и культуры ссылались бы в первую очередь. Второе значение описано логически и не содержит указаний на его производный характер и связь с оружием. Однако, вероятно, это справедливое решение авторов словаря, поскольку для синхронного лингвистического словаря такая детализация вряд ли нужна.

В повседневной практике последнего столетия вьетнамская материальная культура показывает примеры, когда производство и применение оружия

оказываются тесно связанными и почти неразделимыми. Сложности работы с архивными источниками (они труднодоступны) позволяют почерпнуть информацию с электронных ресурсов. Так, на фотосервисе Getty Images представлено фото противовоздушного метательного оружия в виде большого арбалета. Такое оружие вьетнамские войска производили и использовали во время войны сопротивления американскому вторжению (вьет. *Chiến tranh Việt Nam*, англ. *Vietnam War*). Фото сопровождается следующим текстом: *«A large, bamboo crossbow device used by Viet Cong forces during the Vietnam War, 29th November 1965. Armed with an eight-foot long spear, the device was positioned near a jungle clearing, and was intended for use against low-flying or landing helicopters»* В переводе на русский язык запись может быть представлена таким образом: *«Большой бамбуковый арбалет, использовавшийся войсками Вьетконга во время войны во Вьетнаме, 29 ноября 1965 года. Вооруженное копьем длиной восемь футов, устройство было установлено рядом с поляной в джунглях и предназначалось для использования против низколетящих или приземляющихся вертолётов»*. Обратим внимание на то, что вопрос здесь не в том, эффективно ли такое оружие против вертолётов, а в том, в каких ситуациях оно может быть эффективным. Это оружие является частью целой тактики, в рамках которой американские вертолёты заманивались в заранее определённые, как правило, открытые места в джунглях. Открытые площадки подходили для высадки войск. Во время высадки из вертолёта, американские вертолёты и солдаты попадали в радиус действия установленного метательного оружия. Эта тактика применялась не только вьетнамцами, но и представителями других этнических сообществ. Представляет интерес выдержка из автобиографии Сюзанны Коган, опубликованная в американском журнале "Ветеран" осенью 2018 года, том 48, номер 2 (см. Приложение 1), в которой описываются воспоминания американского солдата. Он пишет о том, что этот вид метательного оружия действительно сбивал вертолёт и что эти виды оружия изготавливались вручную из местных подручных материалов [Коган 2018, с. 16].

По нашему мнению, для понимания содержания идеи, лежащей в основе понятия *оружие* в менталитете каждого народа, важны подобные исторические свидетельства. Они служат контрастным фоном, который подчеркивает два способа изготовления оружия: один – кустарный, который предполагает изготовление в ходе обычной трудовой деятельности (это оружие используется непосредственно его изготовителями), а другой способ – профессиональное изготовление и профессиональное применение. Второй способ изготовления характерен для производства огнестрельного оружия и, как мы знаем, Россия – страна, пережившая много войн и разработавшая много видов огнестрельного оружия высокого качества. Огнестрельное оружие представляет особый интерес в этом анализе из-за его характерных особенностей: оно работает под воздействием физических сил и химических реакций, т.е. сил, внешних по отношению к пользователям-людям. То, что запускает механизм в оружии, тоже получает осмысление человеком и выражается в языке. В русском языке известен фразеологизм *держать порох сухим* – 'быть готовым к обороне, к защите'. Оборот рассматривают как кальку с английского и приписывают Оливеру Кромвелю (1599–1658 гг.), который при форсировании реки сказал своим войскам: «Уповайте на Бога, но *порох держите сухим*»[Зимин 2005, с. 507.]. На наш взгляд, данный оборот – яркая иллюстрация того, как динамично меняются взгляды людей на оружие. Когда война зависит от человеческих ресурсов, то на первый план выходит вера в Бога; когда упор делается на мощь оружия, то прагматики обращают внимание на внешние химические силы (которые потенциально хранятся в порохе). Но и здесь тоже важен человеческий фактор: военные командиры должны мыслить прагматично и беречь оружие и другое снаряжение. Этот ход мыслей должен легко передаваться от командира к обычному участнику войны – солдату, что четко видно по высказываниям А. В. Суворова и О. Кромвеля. Это можно считать одним из социальных механизмов формирования внеязыковой, культурной информации, связанной с концепцией оружия.

Война сопротивления против американских захватчиков во Вьетнаме имеет особенность быть одновременно централизованной и децентрализованной

(местной), сохраняя, таким образом, оба способа производства оружия и его применения. То же самое можно сказать о стрельбе как материальном и социальном источнике русского менталитета, отраженного в русском языке. Более того, можно выдвинуть гипотезу, что, отделяясь от орудия труда и человека как источника энергии, такое понимание оружия содержит когнитивную основу для последующего разграничения оружия и вооружения, о чём будет сказано ниже.

Теперь обратимся к другим значениям глагола *bắn*.

Производное значение «3. Сильно и внезапно двигаться. *Ric из крупорушки ~. Грязь ~ на штанах. ~ своё тело (содрогаться). Падать ~ (падать быстро и далеко от ожидаемого места)*» имеет контекстуальные корреляции **силы, быстроты и расстояния**, что очень похоже на проанализированное 4-ое значение русского глагола *стрелять*. Здесь проявляются потенциальные аспекты процесса стрельбы, которые носители обоих языков самостоятельно реализовали в производных значениях.

В значении «4. Перечислять долг, сумму денег и т. д. на счёт другого человека или организации. ~ долг. ~ такую сумму на план расходов следующего месяца.» тоже становится реализованной абстрактная идея стрельбы как процесса **передачи**, но, интересно, что во вьетнамском менталитете направление передачи установлено в обратном порядке, как, например, в 8-ом значении глагола *стрелять*. То же самое можно говорить о значении «5. Секретно сообщать кого-л. ~ новости друг друга.»

Если в русском языке мы рассматривали однокоренные глаголы с корнем СТРЕЛ-, то во вьетнамском обратимся к многозвучным глаголам, в которых одним из компонентов является *bắn*.

Глагол *bắn bōng* [бан бонг] «Стрелять в воздух (с целью предупреждения)» обозначает конкретный случай, полностью содержащийся в исходном действии и, следовательно, не имеющий особых корреляций. Это так же для глагола *bắn chác* [бан чак] «Стрелять (в общем; с коннотацией презрения). *Как такими ружьями ~ (стрелять)?*».

А глаголы *bắn mìn* [бан мин - буквально «стрелять мину»] «взрывать мину» и *bắn tẩy* [бан тай - буквально «стрелять, чтобы стирать»] «взрывать мину, чтобы

разрушать руду-препятствие в шахте и сделать шахту подходящего размера по мере необходимости» не обозначают никаких действий с оружием дальнего боя, но обозначают использование химических сил (мин) в производственных целях. Это совпадает со 2-ым значением глагола *bắn*, и поэтому может иметь корреляции **силы и движения**. С другой стороны, хотя многие физические аспекты действия взрыва мины совпадают со взрывом в огнестрельном оружии, трудно связать их со значениями в контексте, особенно когда есть другие слова, акцентирующие внимание на самом взрывчатом материале без обозначения цели контролируемого взрыва (например глагол *nổ* [но] - «взрывать», который используется прямо в словарной статье).

Кроме словарных материалов можно встретить и разговорные употребления в Интернете. Например, в короткий период, когда стандарт Bluetooth был актуален для беспроводной передачи файлов между близкими устройствами, этот процесс по-вьетнамски называется *bắn Bluetooth* [**бан** блу тут - буквально «стрелять Bluetooth»] [<https://vfo.vn/r/huong-dan-cach-ban-bluetooth-tu-may-tinh-sang-dien-thoai.112814/>]. Это не обязательно используется в сочетании; простое присутствие «Bluetooth» в предложении или фразе является контекстуальным признаком того, что глагол *bắn* следует понимать таким образом: *bắn hình ảnh từ điện thoại sang máy tính bằng Bluetooth* - «(стрелять) фото с телефона в компьютер через Bluetooth» [<https://thuthuat.taimienphi.vn/cach-ban-hinh-anh-tu-dien-thoai-sang-may-tinh-bang-bluetooth-9239n.aspx>]. Это также может быть связано с **передачей**.

Глагол *bắn* также используется в разговорной речи для описания действия при быстром исполнении рэпа: *Màn bắn rap nhanh nhất Việt Nam, 170 từ trong 20 giây* - «Самое быстрое исполнение рэпа во Вьетнаме: 170 слов за 20 секунд». [<https://vietnamnet.vn/man-ban-rap-nhanh-nhat-viet-nam-170-tu-trong-20-giay-V77734.html>]. Контекстуальная корреляция – **быстрота**. Прецедентом во вьетнамском языке, возможно, стало выражение *nói như súng liên thanh* [ной ны сунг лиен тхань - буквально «говорить как пулемёт»]; в том числе термин *súng liên thanh* [сунг лиен тхань] (пулемёт) буквально значит «ружьё, звук которого непрерывный»; образность термина основана на звуке выстрелов, который для

пулемёта является непрерывным в отличие, например, от винтовки. Ассоциация с внешними деталями объекта при создании терминов также свидетельствует о мировоззрении непрофессиональных пользователей, что контрастирует с русским языком и культурой.

В целом анализ вьетнамского глагола *bắn* и его использования в сочетаниях возвращает следующие контекстуальные корреляции: **движение** (3), **сила** (4), **быстрота** (2), **расстояние**, **передача** (2). Представленные здесь ассоциации показывают, что опыт стрельбы детализирован в русском лингвокультурном сознании и в меньшей степени характерен для вьетнамского лингвокультурного сознания.

2.1.2. Производные значения глагола *взрывать* и его префиксальных глагольных дериватов

Глагол *взрывать* выбран среди 57 однокоренных глагольных дериватов с корнем *-рв-* (по данным НСОС) по двум причинам. Во-первых, он является производящей основой для существительного *взрыв*, важность которого как семантического компонента лексикографического описания глагола будет показана ниже. Во-вторых, его прямое значение связано с оружием.

Исходя из формальной логики, в центре нашего внимания должен был оказаться непроизводный глагол *рвать* (именно в силу своей непроизводности), однако нас в первую очередь интересуют слова, связанные с оружием. Второе (производное) значение глагола *рвать* коррелирует с оружием: «2. Взрывом разносить на части.» (БТС), но прямое (исходное) значение глагола намного шире и называет самые разнообразные действия, в основе которого лежит образ деления на части: «1. Резким движением разделять на части.», например, «*P. простыню на тряпки. P. зубами кусок мяса. P. куру на части. P. письма на мелкие кусочки. P. одежду в клочья. Не рви книгу!*» и т. д. (БТС). Таким образом, глагол *рвать* не предполагает изначально потенциальное действие с применением оружия, но выводит нас на ассоциацию с взрывом, которая исторически зафиксирована в русском языке и менталитете. Важными внеязыковыми корреляциями между этими

двумя значениями являются **разделение** на части и **быстрота** такого разделения. Примеры словоупотребления, большая часть из которых отражена в Приложении 2, посвященном глаголам с корнем -РВ-), показывают, что доминирующее значение глагола *рвать* является в высшей степени общим и абстрактным, обозначающим широкий спектр человеческих действий с совершенно разными объектами. Тот факт, что глагол *взрывать* конкретно обозначает действие, связанное со взрывом, показывает, что носители русского языка и культуры в прошлом придавали определенную степень значимости этому действию и, соответственно, самому взрыву. Однако, по сравнению со степенью обобщенности обозначения глагола *рвать*, взрыв - это всего только подкатегория. Это будет особенно заметно при анализе глагольных дериватов.

Анализ глагола *взрывать* ставит нас перед проблемой разграничения омонимов. При этом каждый омоним имеет разные видовые пары глаголов (I *взорвать*; II *взрыть*). Именно поэтому каждый омоним представлен в БТС в собственной (самостоятельной) словарной статье. Омоним *взрывать*, важный с точки зрения его потенциальной связи с оружием, имеет видовую пару глагол совершенного вида *взорвать*.

У этого глагола наблюдается несколько заметных особенностей.

Во-первых, само исходное значение глагола I *взорвать* (как и значение соответствующего глагола-омонима *взрывать*) «1. Произвести взрыв (2 зн.); разрушить взрывом. *В. мину, снаряд. В. мост, здание. В. горную породу. В. динамитом.*», предполагает семантический компонент *взрыв* в его 2-ом значении по БТС. Второе значение «2. Разрушения, производимые взрывом (1 зн.). *В. моста, судна, самолета. Произвести в. Погибнуть при взрыве.*» связано с первым метонимически и находится в отношениях *действие и его результат*: «1. Освобождение большого количества энергии в ограниченном объеме за короткий промежуток времени, вызванное воспламенением взрывчатого вещества, ядерной реакцией и другими причинами. *Атомный, тепловой в. В. метана в шахте. В. снаряда, мины. В. вулкана, парового котла.*». Это пример энциклопедической информации в семантике: взрыв определяется сначала как физическое явление, как

естественное, самостоятельное воздействие предмета и следующее за этим мотивируемое явление, вызванное человеческим фактором и нацеленное на разрушение). Именно второе значение является логической основой для понимания глагола *взорвать*: действие человека, а не сущностное свойство самого предмета. Но само это действие относится не предмету, а к воздействию такого предмета (для обозначения действия по отношению к конкретному предмету есть глагол *бомбить* и его дериваты, которые будут проанализированы ниже). Это иной путь абстракции по сравнению, например, с глаголом *стрелять*. Хотя глагол *стрелять* был абстрагирован от конкретного материального предмета, придавая обозначаемому действию словоформу (*стрела*), его современное обозначаемое действие просто меняется на отношение к другому материальному объекту, такому как *пуля* или *снаряд*. Когда мы говорим, например, *стрелять по мишени из лука* (что неявно предполагает наличие *стрелы*), в русском менталитете этот процесс понимается как то, что мы сами выполняем работу по наведению стрелы на цель. Действительно, энергия, затрачиваемая при этом процессе, исходит от человеческого тела. *Пуля, ядро, снаряд* выпускаются за счет внешнего источника энергии, но язык и ментальность сохраняют древнее наименование действия – *стрелять*. А когда мы говорим, например, *взорвать мост*, мы не фиксируем среднюю часть процесса, а сосредотачиваемся на его последствиях – носители русского языка как будто ясно осознают, что работа выполняется не людьми, а взрывчатым веществом. Это логично в двух отношениях: исходное значение слова *взрыв* также обозначает воздействие и внешний источник энергии здесь используется в «чистом» виде, не приводя в движение другой предмет, а воздействуя непосредственно на цель (хотя на самом деле ему ещё нужен воздух или твёрдые материалы в качестве среды для передачи ударной волны, этот научный факт не отражен в обиходно-бытовой картине мира и в языке повседневности). Взаимосвязь между этими логическими итогами неясна.

Во-вторых, выше было отмечено, что глагол *взрывать* (сов. *взорвать*) только потенциально обозначает действие с оружием. Это потому, что конкретный предмет, вовлеченный в обозначаемое действие, абстрагирован от значения. Ружьё

или лук, например, созданы для того, чтобы быть оружием, несмотря на их возможное использование в небоевых ситуациях (например, на охоте или в спорте); по этой причине вне контекста глагол *стрелять* в его исходном значении с высокой вероятностью употребляется именно для обозначения действия с оружием. Один и тот же взрывчатый предмет/ взрывчатое вещество, однако, может быть использован/использовано в боевых или иных (не боевых) целях; по своей сути он/оно не является оружием. Это показывает заметную особенность лингвокультурного содержания понятия *оружие*: наиболее важной категорией для определения оружия является стоящее за ним человеческое намерение, что также часто является внеязыковым фактором, но не менее важным для понимания лингвокультурного содержания языковой единицы. Намерение сделать предмет оружием может быть заложено в саму его концепцию и в процесс создания; например, *кинжал* изначально был задуман как оружие, поскольку его форма не очень полезна и удобна для трудовой деятельности, напротив, она несёт в себе опасность. Следовательно, то, что определяет, является ли объект оружием, уже заложено в намерение создателя, но не проявляется в самом объекте. Это же ограничивает выбор пользователей предмета, создавая впечатление о свойствах объекта как оружия. Этот момент будет иметь значение при обсуждении вооружений. Пока достаточно подчеркнуть, что первоначальный семантический анализ глагола *взрывать* показывает следующее: оружие в широком (антропоцентрическом) смысле включает как объекты, специально созданные для использования в бою и предназначенные исключительно для этого, так и объекты, только от случая к случаю используемые в этих целях. С социальной точки зрения, это соответствует двум процессам: материальному производству и использованию объектов со специализированным боевым назначением (что предполагает профессиональные социальные группы и, в результате, утверждает их важное положение в этнической культуре), и использованию, в качестве оружия, готового объекта, содержащего боевой потенциал. Это также подкрепляет идею о двух типах понимания оружия и его создания, которая была приведена выше.

Что касается восприятия взрывчатого оружия в русской культуре, отраженного в употреблении глаголов с корнем *-рв-*, то, как и прежде, оно может быть осуществлено через анализ их производных значений в контекстах (без упоминания самого такого оружия). Количество глаголов, которые конкретно обозначают материализацию взрыва в их первичных (непроизводных) значениях, невелико и представлено в Приложении 2. Проанализируем их.

Рассмотрим словарную статью глагола *взорвать* (также *взрывать*). В производном значении «2. Уничтожить, полностью разрушить (обычно разом). *В существующую систему. В сложившуюся ситуацию.*» действие выражается метафорически и не предполагает физического взрыва. Здесь присутствует контекстуальная корреляция *разрушение*. С метафорическим значением «3. Возмутить, рассердить. *Его грубость меня взорвала.* * *безл. От такого тона любого взорвёт.*» связаны и другие аспекты исходного действия, а именно: ментальный «взрыв» мыслей и эмоций. В основе метафоры лежит сравнение, которое основано на **силе и неожиданности** такого конкретного типа эмоций.

То же самое можно сказать и об употреблении глагола *взорваться* (также *взрываться*) по похожему значению «3. Прийти в негодование, возмутиться.». В значении «2. *чем.* (в сочет. с отвлеч. сущ.). Внезапно и бурно начать действие, указанное существительным.» более подчеркнуты **неожиданность и быстрота**.

Глагол *подорвать* (также *подрывать*) в обоих значениях «2. *что.* Причиняя вред, нанося ущерб чему-л., расшатать, ослабить что-л.» и «2. // *Разг.* Нанести ущерб чьему-л. здоровью, душевному состоянию.» обозначает **разрушение**. Его значение «3. *Разг.* Уйти, убежать, удалиться откуда-л. *Трусы подорвали с парохода первыми.*», однако, соотносится с исходным значением через ассоциацию с **разделением**, что, возможно, имеет больше общего с первоначальной идеей, обозначаемой глаголом *рвать*, но, таким образом, потенциально содержится и в более конкретной идеи взрыва.

Глагол *подорваться* (также *подрываться*) в значениях «2. Повредиться, расшататься, ослабиться. *Здоровье подорвалось. Хозяйство подорвалось.*» и «2. // Потерять прежнее значение; поколебаться. *Авторитет подорвался. Власть*

подорвалась.», подобным образом, ассоциируется с исходным значением через корреляцию **разрушение**.

В целом производные значения глаголов с корнем *-рв-* понимаются и производятся носителями русского языка и культуры со следующими корреляциями с исходными значениями, потенциально относящимися к взрывчатому оружию: **разрушение** (5), **сила** (2), **неожиданность** (3), **быстрота, разделение**, что характерно для взрыва и соответствующим образом кодифицировано в русском языке. Дополнительные данные для последующей интерпретации будут добавлены при анализе вьетнамского эквивалента.

Из переводных данных в Новом русско-вьетнамском словаре (НРВС) мы видим, что наиболее часто используемым глаголом для выражения эквивалентного значения русских глаголов во вьетнамском языке является *phá* [фа]; однако этот глагол имеет более общее значение по сравнению с русским глаголом *разрушать* (см. Приложение 2). Вторым по частоте употребления является глагол *nô* [но], прямое значение которого напрямую связано со взрывом, как показано в соответствующей словарной статье в СВЯ (см. Приложение 2). Именно его мы и рассмотрим в дальнейшем анализе, поскольку *nô* [но] изначально связан с оружием: покажем его производные значения, выявим контекстуальные корреляции, опишем семантику в составе устойчивых образований и особенности семантики в современных словоупотреблениях.

Прямое непроизводное значение глагола *nô* [но] – «1. Ломаться внезапно и сильно, издавая большой и короткий шум, часто выстреливая осколками. *Фейерверк громко взрывается* (или *Артиллерия громко стреляет*). *Шина ~ (лопается)*. *Ружьё ~ (стреляет)*.». Хорошо видно, что здесь нет полной аналогии с русским глаголом *взрывать*. Ранее мы упоминали о двух значениях существительного *взрыв* (одно соответствует физическому явлению, другое – тому, что вызвано человеческим фактором). Глагол *взрывать* стремится ко второму из этих значений, в то время как глагол *nô* обозначает первое, что связано с предметом или объектом, а не с человеком-исполнителем. Это как будто «действие» самой вещи, что аналогично моменту, описанному ранее при сравнении

глагола *взрывать* с глаголом *стрелять*. Однако, в то время как носители вьетнамского языка и культуры эксплицитно понимают и говорят об этой концепции как таковой, носители русского языка и культуры обозначают это понимание имплицитно, более абстрактно называя действие результатом-воздействием, произведенным человеком. С одной стороны, это показывает, что восприятие взрыва в русской культуре более зрелое, возможно, благодаря долгой истории высокоорганизованного и широкого использования взрывчатых материалов. Это направление для дальнейших исторических исследований, которое не может быть проведено в рамках данной работы. С другой стороны, как уже говорилось ранее, этот исторический процесс свидетельствует о значимости одной социальной группы и её речевой культуры, фрагменты которой вошли в русское народное сознание и русскую языковую картину мира. Налицо введение военного опыта русских воинов прошлых эпох в контекст повседневности (то, что отмечалось при анализе глагола *обстрелять*. Вьетнамский фон (глагол *нб* [но]) помогает выявить некоторые специфические особенности русской культуры в социально-историческом контексте.

Второе значение глагола *нб* [но] является производным: «2. Производить взрыв или издавать звук взрыва. В цель ~ (сделать) несколько выстрелов. ~ (взорвать) мину. Транспортное средство ~ (заводит) двигатель (чтобы начать работу).». Необычная особенность глагола *нб* состоит в том, что осуществление (производство) реального взрыва и явления, подобные взрыву, осознаются как одно и то же значение. Само действие оценивается как вызванное человеком. Поэтому идёт концентрация внимания на том, что взрыв – дело рук человека, а не на различии взрыва и сходных с ним явлений. Физическая сторона взрыва в повседневном восприятии вьетнамцев вообще не подчеркивается, потому что профессиональная речь людей, разбирающихся во взрывчатом оружии и владеющих им, не становится достоянием рядовых носителей языка и таким образом не влияет на вьетнамское национальное мировоззрение. Звуки, похожие на взрыв, объединяет контекстуальная корреляция **шум**.

Значение «3. Появляться внезапно с высокой степенью силы. ~ (разгорается) дискуссия. Война ~ (началась).», которое явно обозначает действие без физического взрыва, соотносится с исходным значением глагола *nô* в аспектах **быстроты, силы и неожиданности**.

Кроме свободного употребления (включение в речевой контекст глагольной формы или звукового комплекса, воспринимаемого как глагол) *nô* используется как компонент сложных глаголов с конкретными значениями (см. Приложение 2).

Глагол *bùng nô* [бунг но]- буквально «разжигать и взрывать» имеет значение «Появляться внезапно, как будто (словно) разжигать, взрывать **с** силой. Война ~ (началась).», что соотносится с исходным контекстом через ассоциацию с **быстротой, силой и неожиданностью**.

В сложном глаголе *nô súp* [но кьюп] – буквально «взрываться как грабить» реализуется значение - «Взрываться ранее, чем планировалось. Мина ~.», которое тождественно значению глагола *nô*. Именно поэтому нет необходимости в поиске контекстуальных корреляций. При этом нужно сказать, что в сложном глаголе отражается вьетнамская культурная информация: взрывчатый материал в определенной степени действует сам по себе, а иногда и вне контроля человека.

Анализ значения сложного глагола *nô mìn* [но мин] - буквально «взрывать мину» - «Взорвать блок пороха, вставленного в щель. ~, чтобы разрушать камень.» - подтверждает эту идею с другой стороны. С точки зрения носителей вьетнамского языка и культуры, именно взрывчатое вещество обладает свойством взрываться (оно выступает как самостоятельный субъект), тогда как русский глагол *взрывать* предполагает наличие субъекта, чьи действия направлены на объект. Это ещё раз подчеркивает, что представление об оружии в русской культуре формируют профессиональные пользователи оружия, мировосприятие которых нашло отражение в культуре повседневности.

Последним сложным глаголом с компонентом *nô*, описанным в словаре, является *nô súng* [но сунг] - буквально «взрывать ружьё». Значение глагола – «Стрелять (обычно о неожиданном начале, открытии). Получить указ, чтобы ~ (открыть огонь). Приближать и ~ (открыть огонь).» – связано с

огнестрельным оружием, а не с взрывчатым. Это один из вьетнамских глаголов, который используется для перевода русских глаголов с корнем *-стрел-*. Компонент *súng* (ружьё) в составе сложного глагола *nô súng* показывает важность огнестрельного оружия в значениях современных русских глаголов, обозначающих стрельбу. Во вьетнамском же языке глагол имеет специфическую ассоциацию с **неожиданностью**, которая характерна как для краткого и громкого звука взрыва в целом, так и для действия по открытию огня в частности. Звук взрыва во втором контексте является главным признаком стрельбы, воспринимаемым непосредственными участниками и, таким образом, действие в целом называется «взрывать ружьё». Такой способ наименования сохраняет глубокие образные впечатления человека от действия в отличие, например, от глагола *bắn* (стрелять), который не имеет внутренней формы. Как отмечалось в анализе слова *súng liên thanh* (пулемёт), эта образность характерна для непрофессионального впечатления о внешних особенностях действия, обозначение которого осуществляется с помощью лексики повседневности.

В современном разговорной речи молодые вьетнамцы вместо глагола *nô* [но] используют глаголы *khoác lác* (хвастаться) и выражение "nô đĩa chi" (буквально "взорви свой адрес") (см. Приложение 2). Слово *khoác lác* содержит сему – 'говорить больше, чем правду'. В семантике глагола наличествует ассоциация с **шумом** взрыва. Громкий звук во вьетнамском языке и культуре с давних пор ассоциируется с неправдой. Это можно наблюдать в пословице *Thùng rỗng kêu to* [тхунг ронг кеу то] (буквально «Пустая бочка звучит громко»), которая очень похожа на русскую пословицу *В пустой бочке звону много* или *Пустая бочка пуще гремит* – «глупые и пустые люди всегда громко доказывают что-либо, кричат, что знают или делают больше, чем другие. На самом деле от таких людей очень много шума, чем реальных достижений. А умный человек будет всегда спокойно делать своё дело, зная на самом деле действительно больше остальных, но не будет гордиться и кричать о своих достижениях» [<https://znanija.com/task/13893943>]. Однако данное наблюдение требует дополнительной проверки и нуждается в дальнейшем исследовании.

Устойчивое выражение *nô đia chi* [но диа ты] (буквально «взорви свой адрес») обозначает «покажи свой адрес» и активно употребляется в онлайн-общении в сети Интернет (см. Приложение 2). Это выражение часто используется в жарких спорах, где участники прибегают к личным угрозам, чтобы продемонстрировать своё доминирование. Смысл выражения заключается в том, что если оппонент так сильно верит в свою правоту, то он должен быть готов физически отстаивать своё мнение в реальной жизни, а не говорить онлайн («*Te, кто говорит "睬 («взорви / покажи) адрес для встречи со мной" в Интернете, смелы или выпендриваются?*»). Это выражение стало активно употребляться в ситуации любого спора, когда нужно назначить место встречи для разрешения конфликтной ситуации между друзьями. Именно поэтому данный оборот включается в рекламные тексты и ролики, ориентированные на молодежную аудиторию: «*睬 (Взрываем / Перечисляем) адреса новых веганских ресторанов с вкусной едой в Сайгоне*». Мы понимаем, что в сленговых выражениях трудно определить контекстуальные корреляции из-за особого характера сленга, например, из-за его неустойчивости и постоянной изменчивости. Анализ человеческого фактора (намерений пользователей сленга) наводит на мысль, что глагол *nô* здесь обозначает **силу** и **неожиданность**, поскольку пользователи уверены, что вызов не будет принят, а желание оспорить мнение оппонентов удивит их.

В целом, анализ производных значений вьетнамского глагола и его альтернативных употреблений позволяет выявить следующие контекстуальные корреляции: **шум** (2), **быстрота** (2), **сила** (3), **неожиданность** (4). Большинство из них согласуется с русским восприятием взрыва как физического явления (быстрота, сила, неожиданность), но некоторые отмеченные аспекты отличаются, демонстрируя различный исторический путь восприятия мира и делая внеязыковую информацию социальной (и таким образом языковой, по крайней мере в отличие от речевой природы индивидуального, спонтанно творческого высказывания) посредством понимания и воспроизведения значений в различных контекстах.

Содержание внеязыковой, культурной информации, извлеченной из производных значений глаголов с корнем *-рв-*, обозначающих потенциальное и реальное использование оружия, заключается в следующих моментах. Во-первых, исходные значения глагола *взрывать* и соответствующего ему существительного *взрыв* содержат семантические особенности, которые конкретизируют обобщенное действие *рвать* и абстрагируются от предмета, вызывающего взрыв. Глагол *взрывать*, в частности, обозначает не объективное физическое явление, произошедшее само по себе, а физическое явление, имеющее субъективную природу, потому что взрыв вызван человеком. Вьетнамский эквивалент глагола *нô*, напротив, эксплицитно обозначает именно физическую сторону взрыва. В свою очередь, на языковом (и лингвистическом) уровне это специфическое мировоззрение носителей русского языка и культуры отражено в лексикографическом описании лексемы *взрывать*. Дальнейший семантический анализ вьетнамского эквивалентного глагола показывает контрастный фон, на котором глагол специально не используется для обозначения действия, вызывающего взрыв; это, в свою очередь, подчеркивает, что в русском языке есть глаголы и существительные для такой цели. Этот факт, а также семантические особенности, отмеченные выше, свидетельствуют о влиянии профессиональной речи в русском языке и культуре на восприятие взрыва (этого нет во вьетнамских эквивалентах). Кроме того, анализ производных значений глаголов в группе показал, что взрыв – это сильное физическое явление, которое нашло отражение в менталитете носителей обоих языков. Такие контекстуальные корреляции, как быстрота, сила, неожиданность, отражаются в лексикографическом описании производных значений глаголов. Кроме того, носители русского языка и культуры исторически видели и отмечали во взрыве **разделение и разрушение**, а носители вьетнамского языка и культуры обращали внимание на шум. Эти два аспекта совпадают с конкретизацией значения действия *взрывать* и общего действия *рвать*, а также с абстракцией результата действия от предмета, что, возможно, является ещё одним признаком русского менталитета в отношении этой темы. Как

минимум, эти аспекты согласуются с тем, как в русском языке формируются и описываются значения взрыва и человеческого действия, производящего его.

Две анализируемые группы русских глаголов с корнями *-стрел-* и *-рв-* характеризуются в современном контексте переносом на источники энергии, или исключительным использованием источников энергии, внешних по отношению к человеческому телу. Это означает значительное изменение в оружейных технологиях, и в целом предполагается, что это изменение отражается и на менталитете носителей русского языка и культуры. Однако при более детальном рассмотрении, как было показано ранее, изменение не отражается непосредственно, а сначала должно быть произведено определенными группами, профессионально связанными с оружием. Свидетельства их влияния на национальный язык (в случае русского языка) или его отсутствия (в случае вьетнамского языка) соотносятся с различными наборами внеязыковой информации, касающейся как материальной, так и духовной культуры. Это может быть более прояснено не только путём сравнительного анализа с вьетнамскими эквивалентами, но и путём дальнейшего анализа групп глаголов, обозначающих действия с видами оружия, при которых изменение источника энергии не происходит.

2.1.3. Производные значения глагола *колоть* и его префиксальных глагольных дериватов

Исходное значение, используемое для анализа группы «оружейных» глаголов с корнем *-кол-*, предполагает наличие острого оружия, используемого в прямолинейном колючем движении. Основным глаголом, представляющим интерес, является *колоть*. Однако обращение к толковым и этимологическим словарям показывает, что данный глагол серьезно отличается от глаголов *стрелять* и *взрываться*.

Во-первых, глагол *колоть* имеет два омонима, зафиксированных в словарях. По данным БТС, это I *колоть* («1. (сов.в. *уколоть*) что. Касаясь чем-л. острым, причинять боль, вызывать ощущение укола. *Хвоя колет босые ноги. Мелкий снег*

колет, как иголками.» и т. д.) и II *колоть* («Рассекать, расщеплять или раздроблять на части ударами чего-л. *К. дрова. К. орехи. К. сахар. К. лёд.*») [БТС, с. 442]. Хотя ясно, что интерес для анализа здесь представляет глагол I *колоть*, т. к. именно он потенциально и реально связан с оружием. Современному носителю языка трудно понять, почему такие разные действия получили одинаковое название.

Во-вторых, сам глагол I *колоть* (далее – *колоть*) в лексикографических источниках описывается как многозначное слово, каждое из значений которого имеет видовую пару совершенного вида, совпадающую с видовой парой второго омонима (см. Приложение 3). При этом между значениями многозначного слова *колоть* наблюдаются прочные семантические связи, которые трудно было найти у глагола *рвать*. Если прямое значение глагола *рвать* не содержит прямых указаний на потенциальную возможность использовать оружие, то прямое значение глагола *колоть* содержит оружейные семы. Поэтому глагол *рвать* в данной работе не рассматривался как базовый в группе однокоренных глаголов с корнем *-рв-* для анализа производных значений, связанных с оружием (в них нет информации о русском менталитете и отношении к оружию). Напротив, глагол *колоть* может играть эту роль для группы глаголов с корнем *-кол-*. Это также показывает, что появление новых значений у глаголов с корнем *кол-* (*колоть*) происходит постепенно, медленнее, чем у глагола *рвать* и его дериватов (*взрывать / взорвать*). Поэтому анализ контекстуальных корреляций и интерпретацию их культурного содержания у глаголов с корнем *-кол-* более интуитивный. *Колоть* – это преобразовывать человеческую энергию для получения физического эффекта в трудовых и в боевых целях. Этот тип действий требует, чтобы действующий человек – и даже человек, на которого воздействуют, – был полностью осведомлён во всех аспектах действий, инструментов и результатов. Это богатое многоаспектное восприятие реальности является источником культурной информации, которую мы ожидаем найти в группе глаголов с корнем *-кол-*, а также в группах *-руб-* и *-рез-*, которые будут проанализированы позже.

Мы проанализировали производные значения глагола *колоть* и других однокоренных глаголов (см. Приложение 3), чтобы выявить механизм ассоциации,

который делает производные значения понятными для носителей русского языка и культуры. В «Новом словообразовательном словаре русского языка» А. Н. Тихонова зафиксировано 14 однокоренных глаголов: *колоться, колнуть, вколоть* – Воткнуть, вонзить (об остроконечном), *выколоть* – Проткнуть чем-л. острым, удалить колющим орудием., *заколоть* – 1. Убить чем-то колющим или режущим, *исколоть* - Изранить во многих местах чем-л. колющим, острым., *наколоть* – 3. на что. Насадить, надеть на что-л. острое., *переколоть* – 3. Заколоть, убить чем-л. колющим или режущим всех, многих, *поколоть* – 1. Разг. Уколоть во многих местах или многое., *покалывать*, *приколоть* – 2. Разг. Убить чем-л. колющим, режущим, *проколоть* – 2. Ранить кого-л. колющим оружием, *сколоть* – . Соединить, скрепить вместе, прикалывая (булавкой, шпилькой и т. п.), *уколоть* – 1. Поранить, коля, вонзая что-л. острое. [Тихонов 2014, 243-244; <https://kartaslov.ru/значение-слова/>]. Большая часть из них имеет семы 'колоть', 'острый', 'резкий'. Основываясь на материалах словаря Тихонова и БТСРЯ, привлечем к анализу следующие глагольные лексемы, представляющие интерес по количеству продуктивных производных значений: *колоться* (1 - употребление в фразеологизме); *выколоть* (1 - употребление в фразеологизме); *наколоть* (1); *покалывать* (2); *приколоть* (1); *уколоть* (3). Контекстуальные корреляции между данными производными значениями и их соответствующими исходными представляются следующим образом:

- «КОЛОТЬСЯ И хочется и колется (и мама не велит). Разг. О желании, связанном с риском.» – **опасность, неприятность, отрицательность.**
- «ВЫКОЛОТЬ Хоть глаз выколи (разг.; совсем темно).» – **отрицательность.**
- «НАКОЛОТЬ кого. Жарг. Обмануть, ввести в заблуждение кого-л.» – **отрицательность.**

В эту группу входят значения с высокой степенью абстрагирования: они соотносятся друг с другом на основе рациональной оценки вне действия, а не прямого и чувственного впечатления при действии и составляющих его элементах. Трудно установить конкретный механизм семантической трансформации за пределами этих корреляций. Однако сам факт существования этих производных

значений в современном русском языке и их фиксация и характеристика в лексикографических изданиях раскрывает многие аспекты исходного значения, не включенные в ту же литературу. Такие семантические аспекты значимы при создании и понимании производных значений.

- «ПОКАЛЫВАТЬ *безл.* О чувстве колющей боли.» – **боль.**
- «ПРИКОЛОТЬ *Жарг.* Поддеть, уязвить; подшутить над кем-л.» – **боль, неприятность, отрицательность.**
- «УКОЛОТЬ кого-что и во что. Болезненно задеть кого-л., чьи-л. чувства колким ядовитым замечанием, насмешкой; уязвить.» – **боль, неприятность, отрицательность.**

В этой категории причиной боли не является укол острым предметом. Механизм семантической трансформации связан с абстрагированием следствия одной причины и повторным присоединением к потенциальной другой причине, что делает его похожим на механизм метафорической трансформации. Первое значение относится к телесной боли, которая, как известно, не является колотой раной, но схожа с ней. При этом видимая причина этой боли отсутствует. Для носителей русского языка «душевная боль» сравнима с телесной болью, потому что существуют отрицательные чувственные аспекты физического укола и словесного нападения. Однако основным связующим звеном здесь по-прежнему является **боль**, которая значительно более конкретна, чем в первой категории, и, таким образом, может быть дополнительно установлен механизм семантической трансформации.

- «УКОЛОТЬ кого. Быстро, пристально (обычно недоброжелательно) взглянуть на кого-л.» – **быстрота, отрицательность.**
- «УКОЛОТЬ кого-что. Внезапно, резко осознать, почувствовать что-л. (какие-л. мысли, чувства).» – **быстрота, неожиданность.**

Здесь содержится отсылка к характеру действия укола, а именно – скорость выполнения действия и осознание эффекта от него. Для первого значения характерны отрицательные чувства субъекта действия по отношению к другому человеку. Взгляд мыслится как физически воздействующий предмет, который

обладает той же скоростью (и, можно сказать, **однонаправленностью и силой**, но это не явно), что и укол. Интересно, что семантике отражается противоречивость оценок разных носителей языка в разных ситуациях, а не сглаженная оценка языкового коллектива.

Второе значение называет реакцию человека на полученный укол. Укол стимулирует быструю реакцию – в словах, в мыслях и т. д. С исходным значением это значение связано представлением о непредсказуемости и пассивности того, кто был уколот (он не ожидал этого укола, был не готов к нему, поэтому и получил укол). Основной корреляцией здесь является быстрота действия, скорость реакции человека, его организма, его сознания на любой укол. Основываясь на скорости, мы можем прояснить механизм семантической трансформации между исходными и производными значениями.

Приведенные примеры и проанализированные значения показали, что исходное действие, обозначаемое глаголом **колоть** (1) и его словообразовательными дериватами, признаётся физически интенсивным (у него есть скорость, **быстрота** и, неявно, **однонаправленность и сила**), объединяющим предметы с крайними характеристиками (**острота**), также вызывающим подобные интенсивные чувства (**боль**) и впечатление (**опасность, неприятность, отрицательность, неожиданность**). Эти характеристики задают рамку языковой и внеязыковой информации. Рамка формирует потенциал для семантической трансформации, результатами которой являются производные значения. Эти значения находят свое место в лексикографическом описании и фиксируются, например, в БТСРЯ как часть лексической системы современного русского языка. Словарное описание разграничивает лексико-семантические варианты употребления каждого слова (его значения) и дает сведения (частичную информацию) для понимания процесса семантической трансформации в формах контекстуальных корреляций и последующих комментариев, которые проясняют задействованные внеязыковые факторы. Наиболее продуктивными для этого подхода являются те производные значения, контекст которых только частично совпадает с контекстом исходного значения. Контекстуальное совпадение

помогает выделить основу, с помощью которой говорящие обозначают разные явления одной и той же словоформой. Контекстуальные различия подчеркивают внеязыковую информацию об исходном значении, которая отсутствует в производном значении. Интересно, что при речевом употреблении исходных значений даже эта информация выступает неявно и может быть описана только путём анализа, что свидетельствует о сложностях при описании культурной информации для современной лингвокультурологии.

Дополнительную информацию о русском глаголе *колоть* можно получить, если проанализировать его эквиваленты и аналоги во вьетнамском языке. Источником материала является двуязычный словарь. Переводные данные таких словарей, как правило, не дают совершенно аналогичных пар слов на двух языках. В этой работе используются данные из «Нового русско-вьетнамского словаря», где наиболее общий смысл глагола *колоть* (1) обозначается пятью вьетнамскими однозвучными глаголами: *châm*, *chích*, *đâm*, *thọc*, *chọc* (транскрипция будет представлена ниже) [Аликанов, Мальханова 2007, 340].

Характерной особенностью вьетнамских слов является то, что однозвучное слово может употребляться как самостоятельная единица языка и полностью реализовывать своё значение, а также сочетаться с другими словами, образуя более крупные слова, имеющие более сложное значение, не теряя при этом своих лексических и семантических характеристик. Поэтому мы учитываем в переводных статьях всех проанализированных выше русских глаголов как общее количество однозвучных слов, обозначающих общую идею глагола, в случае самостоятельного употребления, так и количество употреблений в составе сложных слов (сочетаний):

- *châm* (15): *châm* [тьам] (7), *châm chích* [тьам тыить] (3), *châm chọc* [тьам тьок] (3), *châm biém* [тьам бием] (1), *châm thủng* [тьам тхунг] (1).
- *chích* (12): *chích* [тыить] (9), *châm chích* [тьам тыить] (3).
- *đâm* (23): *đâm* [дам] (13), *đâm chét* [дам тьет] (5), *đâm nát* [дам нат] (1), *đâm lõ chõ* [дам ло тьо] (1), *đâm lòi* [дам лой] (2), *đâm thủng* [дам тхунг] (1).
- *thọc* (2): *thọc* [тхок] (2).

- *chọc* (10): *chọc* [тьок] (3), *châm chọc* [тьам тьок] (3), *chọc tiết* [тьок тиет] (3), *chọc lòi* [тьок лой] (1).

Можно видеть, что глагол *đâm* [дам] (13) имеет наиболее высокое количество как самостоятельных, так и сочетаемых употреблений при переводе. Для краткости здесь достаточно указать, что глагол *đâm* [дам] имеет наиболее общее значение и является наиболее репрезентативным для синонимического ряда (его доминантой), а глаголы *chích* [тыть] (9), *châm* [тьам] (7) специально обозначают небольшие уколы. Поэтому в рамках данной работы только будет проанализирована толковая статья глагола *đâm* [дам] и его контекстуальные корреляции. Толкование

ĐÂM

Исходное значение:

Быстро двигать острием с целью контакта, чтобы проколоть или ранить. ~ пикой. Иглой ~ на руку. ~ штыком.

Производные значение:

1. Толочь. *Резать овощи и ~ «bèo»* ([бео] - водные растения]. – Если нет острого предмета, которым можно измельчить овощи, нужно применить **силу** и действовать при этом **однонаправленно** (сместить укол и толчение).
2. Врезаться на скорости во что-л. *Машина ~ в дерево.* - Значение также связано с **силой** и **однонаправленностью**, в нем неявно проявляется связь с **быстрой**. Данное значение называет сравнительно новые (современные) явления, например, дорожно-транспортные происшествия. В других ситуациях используется глагол *húc*, который берет свое начало в сельскохозяйственной деятельности, в первую очередь, отражает взаимодействие человека с домашними животными. Приведем примеры-иллюстрации из периодической печати: *Kinh hoàng trâu húc văng cõ gái đi duòng xuóng bờ đê ở Hà Nội* – Страшный момент, когда быквол [боднул] девушки, падающую с дороги на дамбу [<https://tienphong.vn/kinh-hoang-trau-huc-vang-co-gai-di-duong-xuong-bo-de-o-ha-noi-post1508607.tpo>]; *Ô tô húc, cột đèn đổ, chấn ngang quốc lộ 1A* – Машина [врезалась], фонарный столб упал и

заблокировал национальное шоссе 1A [<https://hanoimoi.com.vn/tin-tuc/giao-thong/1055914/o-to-huc-cot-den-do-chan-ngang-quoc-lo-1a>]. По нашему мнению, данные примеры могут стать иллюстрацией к возникновению лексической омонимии: слово используется в разных контекстах, не связанных между собой даже ассоциативно. По этой причине значения потенциальных омонимов сравнительно независимые, их разграничение не вызывает трудностей ни в понимании, ни в воспроизведении..

3. Прерывать чей-л. разговор. *Иногда ~ одним предложением.* – Для значения важны корреляции **неприятность** и **отрицательность**, прослеживается неявная связь с корреляцией **однонаправленность** (как бы извне вклинился разговор других людей, уколоть их беседу, их диалог своими словами).
4. Стоять, выдвинувшись вперёд. *Подошла в многих местах ~ на море.* - Значение связано с **однонаправлением**.
5. Прорастать, выпускать ростки (о семени, зерне). ~ *росток.* ~ *корень.* - Значение связано с **однонаправленностью** (движение ростка изнутри наружу) и в меньшей мере с **разрушением** (внешнего слоя тела семени, зерна и т.д.).
6. разг. Резко измениться в своем состоянии, ухудшить своё поведение. ~ *сердитым.* ~ *дурным.* – Значение связано с **неожиданностью** и **отрицательностью**. Более детально механизм семантической трансформации трудно устанавливать.

Сравнение корреляций в значениях русского глагола *колоть* и его вьетнамских эквивалентов и аналогов, убеждает в том, что русские и вьетнамцы обращают внимание на следующие аспекты исходного действия: **отрицательность, неожиданность, неприятность, однонаправленность, сила, быстрота.** В этом ряду корреляции **отрицательность** и **неприятность** доминируют в русских значениях полисеманта, что, на наш взгляд, показывает их внимание не столько к самому действию, сколько к его результату и его последствиям. В то же время вьетнамцы проявляют больше интереса к **однонаправленности** и **силе**, т. е. для них важнее сам образ действия.

Неожиданность и быстрота обозначают объективный характер действия: чтобы достичь желаемого эффекта, оно должно произойти быстро. Поэтому такой характер и ясно выражен в семантических трансформациях обоих языков.

Что касается контекстуальных корреляций, уникальных для каждого языка, то для русского слова ими являются **острота, опасность и боль**, а для вьетнамского – **разрушение**. При этом нужно сказать, что все носители русского и вьетнамского языков могут сказать, например, что действие от укола опасно и болезненно. Различия заключаются только в аспектах, исторически отраженных в семантике слова каждого из языков и в речевой практике, в непрерывном процессе коммуникации.

2.2. Оружейная лексика в тексте

Анализ феномена *ОРУЖИЕ* в текстах является дальнейшим шагом по сравнению с анализом производного употребления языковых знаков, связанных с темой оружия. Тексты по своей сути являются творческими как в своем создании, так и в понимании, предоставляя много возможностей для интерпретации, в отличие от производных употреблений языковых знаков, которые со временем могут закрепиться в языковой системе и считаться . Тем не менее, при создании текстов феномен *ОРУЖИЕ* по-прежнему отражает культурно-языковую компетенцию авторов в отношении данной темы. Аналогичным образом, в процессе понимания и интерпретации художественных текстов потребителями феномен *ОРУЖИЕ* способствует формированию их культурно-языковой компетенции в отношении этой темы. Поэтому следует также изучить потенциал извлечения культурной информации путем анализа феномена *ОРУЖИЕ* в контексте художественных текстов.

В рамках данной работы для анализа были отобраны две группы текстов. Первая группа – это пословицы и поговорки, содержащие *ружьё* или/и *пуля* в качестве компонента (ов). Анализ этой группы русских паремиологических единиц был проведен в нашей статье, «*Феномены ружьё и пуля в русских пословицах и поговорках*» [Киеу, Фархутдинова 2021, 96-104]. Вторая группа текстовых

материалов – это цикл рассказов «Тёмные аллеи» И. А. Бунина. Изучение этой группы материалов было представлено в виде нашей статьи, «*Наименования оружия в цикле рассказов И. А. Бунина «Тёмные аллеи»*» [Киев, Фархутдинова 2024, с. 103-114]. Содержание этих исследований представлено в следующих двух параграфах как составные части практического изучения феномена *ОРУЖИЕ* в русской языковой картине мира в целом. В то время как анализ уникальных произведений русской литературы не может иметь подходящего вьетнамского фона для сравнения, изучение русских паремиологических единиц может быть сопоставлено с единицами, содержащими эквивалентные слова-компоненты во вьетнамском языке и культуре.

2.2.1. Феномены *ружьё* и *пуля* в русских пословицах и поговорках (на фоне вьетнамского языка)

В современной лингвистике существует много определений понятия *язык*, но в целом они сходятся в том, что это система знаковых единиц, возникающая в человеческом обществе для общения и выражения понятий и мыслей [Арутюнова 2017, с. 643]. Данное определение основано на синхронном подходе к языку, рассматривающем языковую систему в определённый период развития и исходящем из того, что система языка относительно статична для изучения её «в себе и для себя», т.к. происходящие языковые изменения не затрагивают основ системы, т. е. являются «поверхностными», а языковые законы и процессы логично объясняются изнутри системы. При диахроническом подходе язык рассматривается как постоянно меняющийся феномен, а процесс его развития не может быть изучен как единая система. Существует множество исследований, анализирующих отношение великих лингвистов прошлого – В. фон Гумбольдта, Г. Пауля, И. А. Бодуэна де Куртенэ, Ф. Ф. Фортунатова, Ф. де Соссюра, В. Матезиуса – к каждому из подходов к изучению языка [Даниленко 2011]. В то время как синхронический подход подчеркивает стабильность языковых единиц, строгие взаимосвязи между ними и систематичность языка, диахронический подход акцентирует внимание на постоянной изменчивости языка.

Язык же в своём бытии совмещает оба взаимоисключающих состояния – покоя, стабильности и движения, развития. А это значит, что достижения синхронического и диахронического подходов равно важны не только в системе лингвистических знаний, но и при его описании вне лингвоцентрической парадигмы, например, при антропоцентрическом подходе к анализу языковых фактов внутри той или иной системы, поскольку здесь язык изучается не как изолированная система, а в связи с человеком и другими аспектами человеческой жизни. Мы исходим из того, что язык как знаковая система не существует статично и независимо от человека, а реализуется в человеческом обществе посредством речевой деятельности. Языковая система, с одной стороны, проявляется частично в каждом индивидуальном речевом действии (акте), а с другой стороны, полностью проявляется в коллективных речевых действиях всех носителей языка. Языковые единицы и их речевые репрезентанты, согласно антропоцентрическому подходу, изменяются или остаются неизменными не сами по себе, а в конкретных жизненных ситуациях, осознаваемых носителями языка и принятых языковым коллективом в качестве определённых языковых норм. Относительно стабильные условия жизни приводят к воспроизведству относительно устойчивых языковых явлений (фактов речи); при этом социум соотносит используемые языковые единицы и структуры с инвариантами, которые осознаются как объективно существующие устойчивые явления языка. Проиллюстрируем сказанное, обратившись к сфере биологии. Ученые обнаружили и описали процессы, связанные с клеточными изменениями в организме человека: клетки постоянно воссоздаются и заменяются, но скорость этих изменений различна [Спoldинг 2005, с. 135]. Ясно, что, несмотря на постоянную замену реальных и вполне конкретных клеток, человеческое тело в определенный момент времени может быть рассмотрено как целостная, но не застывшая система. Если же провести анализ организма в нескольких временных срезах, то полученные результаты дадут общую картину жизни объекта и происходящих в нем изменений. Приведённый пример нельзя считать попыткой подменить исследование языка натуралистическим подходом: это лишь возможный пример аналогии между

разными системами – языком и не-языком (в данном случае – человеческим телом), т.е. сложными системами, находящимися в постоянном движении. Кроме того, приведённый пример доказывает, насколько сложны способы описания факторов, определяющих механизм языковых изменений и объясняющих его.

Для определения возможностей предлагаемого подхода были проанализированы русские пословицы и поговорки, включающие в свой состав компоненты *ружьё* и *пуля* (см. Приложение 4). Прокомментируем выбор материала исследования. Во-первых, слова *ружьё* и *пуля*, являясь компонентами пословиц и поговорок, показывают контекстуальные, отличные от лексикографических, оттенки значения, известные как *коннотации* – семы, имеющие эмоциональную, оценочную или стилистическую окраску [Телия 2010, с. 54]. Во-вторых, сами предметы *ружьё* и *пуля* – это оружие, на примере которого хорошо прослеживаются быстро меняющиеся технологии производства, что помогает подчеркнуть историчность контекстуальных значений ружья и пули как компонентов пословиц и поговорок. В-третьих, пословицы и поговорки – особые единицы в составе языка: с одной стороны, они характеризуются относительной устойчивостью значения, состава и структуры (поэтому их можно описывать как «статичные» единицы), а с другой стороны, они подвержены разного рода изменениям (они варьируются, обыгрываются, трансформируются и т. д., и значит, дают возможность описать их «в движении»). В-четвёртых, данная группа оборотов невелика по объему (количеству единиц), но достаточно репрезентативна, т.е. позволяет проверить наши предположения. К анализу было привлечено 33 оборота с компонентом *ружьё* и 21 – с компонентом *пуля*, извлеченных из «Толкового словаря живого великорусского языка Владимира Даля» [Даль 1955]. У данных оборотов прозрачная внутренняя форма, и смысл пословиц в большинстве своём понятен. Перечисленные факторы позволили выявить общие и специфические коннотации, присущие словам *ружьё* и *пуля*.

Анализ проводился поэтапно. Вначале осуществлялся семный анализ компонентов *ружьё* и *пуля* в тексте каждого оборота, далее анализировались коннотативные и потенциальные семы, затем определялись ситуации, породившие

возникновение оборота, и наконец, – характеризовались ценностные установки, выраженные через коннотации.

Итак, обратимся к компоненту *ружьё* в составе оборота *Ружьё не выстрелит – и птицы не убьешь*. Глагол *выстрелить* сам по себе нейтрален, он не делает акцента на цели выстрела – убить, но говорит о возможности добычи: *птицу убить*, т. е. приобрести что-то. В этом состоит положительный результат выстрела, обусловленный действием ружья. Поэтому в данном контексте компонент *ружьё* имеет семы 'оружие', 'способность стрелять' и 'результативность'. Таким образом, ружьё осознаётся орудием, соответствующим его лексикографическому определению («*Приспособление, инструмент, которым пользуются при какой-л. работе, каком-л. занятии*») [БТС, с. 726]. Сема 'способность стрелять' отмечается и в других оборотах: *Казак без коня, что солдат без ружья* и *Солдат без ружья – тот же баран*. *Ружьё* в этих оборотах имеет потенциальную сему (имплицитно не выраженную) 'сила', которая может рассматриваться как коннотативная сема, на что указывает контекст: человек без ружья не воин, он подобен безмозглому животному (барану). Но в тексте поговорки есть слово *солдат*, которое указывает на то, что создана была поговорка, когда в России появилась регулярная армия, в которой были профессиональные воины, владеющие огнестрельным оружием. Слова, называвшие виды оружия, содержат особые «оружейные» семы – 'опасность', 'угроза', 'смерть'. Они были обнаружены нами в тех оборотах, где ружьё оценивается как угроза жизни: *Был бы ловец, а ружьё будет. На ловца и зверь бежит*. В обороте *положить ружьё* – «не спорить, согласиться» – делается акцент на том, что отделить ружье от человека – значит устраниить угрозу его потенциального применения (она может существовать в потенциальной форме).

Что касается компонента *пуля*, то в текстах извлечённых оборотов не обнаружены никакие общие семы, указывающие на её роль как орудие убийства. Тем не менее, пуля четко воспринимается как атрибут оружия, нацеленный на то, чтобы отобрать чью-то жизнь: *Его ничто не берет (и пуля не берет)*. В данном тексте *пуля* – потенциальный носитель смерти. Её опасность в том, что она невидимо летает. Вспомним слова известной песни из кинофильма «Служили два

товарища»: *Вот пуля пролетела, и товарищ мой упал...; И тут я только понял, что товарищ мой убит...* Пуля одного (стрелявшего) привела к смерти другого (погибшего) и провела разделительную линию между жизнью и смертью.

Своеобразие слова *ружьё* заключается в том, что оно встречается в составе суеверий. Например, поговорка утверждает: *Если кровью ворона вымазать дуло ружья, не будет промаха*. Это *охотничье суеверие*, которое можно воспринимать как особый русский культурный феномен. Известно, что на ранних этапах своего развития человечество ещё не могло правильно объяснить явления естественного мира, отчего и «возникли суеверные представления о сверхъестественных силах» [Бугаев 1965, с. 3]. Охота требует постоянной борьбы с трудной и опасной природной средой, что порождает множество суеверий. Однако суеверие в данном обороте связано не с природной средой, а с антропогенным объектом – ружьём: проблема промаха во время выстрела была настолько значимой, что был использован соответствующий суеверный ритуал, который оформился в обозначенную языковую форму. Ружьё в данном контексте содержит потенциальную сему 'ненадежность', которая частично коррелирует с семами 'неточность' и 'сложность'. Данный семный состав отражает вековые представления о низком качестве старинного огнестрельного оружия. Интересно, что суеверные представления о крови ворона, используемой для улучшения меткости ружейной стрельбы, бытовали не только в народной, но и в элитарной культуре, о чём свидетельствуют материалы книги Е. В. Лаврентьевой «Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Приметы и суеверия» [Лаврентьева 2006].

Особый интерес для раскрытия темы представляет и известный афоризм А. В. Суворова «*Пуля дура, штык молодец*», ставший популярной пословицей [Суворов]. В Национальном корпусе русского языка отмечено 16 вхождений этого оборота, большая часть которых связана с жизнью армии, с подвигами бойцов, с выбором тактики ведения боя и даже с развитием армии. Позволим себе процитировать следующее пространное вхождение: «*Старая суворовская «Наука побеждать», для которой «человек» – все, а «материя» – почти ничто, авторитетным словом Драгомирова глубоко внедрялась в толицу русской армии и*

жила в ней до самого последнего времени как более простая и милая русскому сердцу, чем немецкая военная наука с её сложной техникой». И далее: «Суворовские афоризмы, казалось бы, вполне ясные и категоричные, толковались различно и послужили в свое время яблоком раздора между двумя партиями военных мыслителей: одни признавали «штык» знамением отваги, духа, храбрости и утверждали, что каковы бы ни были совершенства техники и силы огня, все же главное на войне будет «человек», что важно не огнестрельное оружие, а человек с его решительностью, и что так как представителем этого качества является штык, то суворовский афоризм «пуля – дура, штык – молодец» вечен; другие, увлеченные могуществом современного огня, признавали преобладающее значение техники, отрицали «штык», а с ним и суворовский афоризм. М. И. Драгомиров окрестил первых «штыколюбами», вторых «огнепоклонниками». Первые, возглавляемые самим Драгомировым, остались победителями, покровительствуемые верхами военной власти. В боевых уставах подчеркивалось преобладающее значение духа над материей; с давних времен в русской армии воспитывалось отчасти даже пренебрежительное отношение к технике, всемерно развивался и поддерживался так называемый «моральный элемент» [Барсуков 1938, с. 77-78]. В большинстве контекстов пуля предстаёт как ненадежный и даже неэффективный элемент стрелкового оружия, особенно по сравнению со штыком – старым и верным оружием, подчиняющимся человеческой руке.

Даже в настоящее время ружьё и пуля, качественно изменившиеся со времен А. В. Суворова, не смогли полностью вытеснить из вооружений штык и другое холодное оружие. Лексикографические же дефиниции лексем ружьё и пуля остались неизменными, в чем можно убедиться, обратившись к материалам сервиса Словари онлайн (<https://slovaronline.com/>) или Kartaslov (<https://kartaslov.ru/>). Точно также сохранились и многие коннотации данных слов в составе устойчивых оборотов. Например, в оборотах *Пулей за камнем не достанешь, а штыком из земли выковырнешь, Не всякая пуля в кость да в мясо, иная и в поле у слова пуля проявляются потенциальные семы 'бесполезная трата' и 'неэффективность'*.

Афоризм А. В. Суворова не только точно «схватывает» отношение к оружию в определенный исторический период, но и иллюстрирует важный механизм перехода индивидуального речевого произведения в повторяющееся, воспроизводимое, т. е. в устойчивое образование в рамках социального контекста: мнение полководца разделяется многими людьми («разговор с солдатами их языком»), потому что выраженная мысль проста и понятна массам, которые могут реализовать себя и показать своё потенциальное познание мира.

Ружьё и пуля объединяются в сознании человека и дополняют друг друга. В поговорке *Не пуля, а человек человека из ружья убивает* четко реализуется мысль, что ружьё управляемо и связано с действиями человека, в то время как пуля неуправляема и не связана с его волей: она как бы следствие его действий. С нашей точки зрения, здесь налицо корреляция: *ружьё* – 'управляемость' и 'причина', а *пуля* – 'неуправляемость' и 'следствие'. Главенствующая роль здесь принадлежит *ружью*, так как оно осознаётся как орудие, действующее *по воле человека*. *Пуля* же в большинстве оборотов представлена как неуправляемый элемент огнестрельного оружия: *Стреляй в куст, бог (или: пуля) виноватого сыщет; Дурак стреляет – бог пули носит; Пуля дура, а виноватого найдёт* и т. п. Но в этих поговорках *пуля* – активный элемент, который движется в поисках жертвы по своей или Божьей воле. Этую особенность восприятия действия пули можно объяснить рабочим механизмом ружья: в то время как ружьё всегда находится в руках человека и под его контролем, пуля летит от него с такой скоростью, что человеческие органы чувств не могут воспринимать её движение. Нередко пуля настолько свободна в своем полёте, что летит не в то место, которое изначально определялось стрелком. Конечно, свойства ружья и пули, отражённые в устойчивых оборотах, не являются объективными – они объясняются человеческим мировидением. Но и тот факт, что смерть от огнестрельного оружия (или, по крайней мере, опасность смерти от такого оружия) стала такой распространенной в обществе (социальном контексте), что именно данные виды оружия начали восприниматься как символы смерти и убийства. Это доказывается и известным афоризмом А. П. Чехова: «Если в первом акте пьесы на стене висит *ружьё*, то в последнем акте оно непременно *должно выстрелить*». Не

важен вид ружья оружия: людям понятен механизм его действия и роль пули, которая несёт ранение или смерть. За всем этим скрыт человеческий фактор, т. к. ружьё само не стреляет.

Проведенный анализ показал, что в составе русских пословиц и поговорок ружьё воспринимается как орудие (для охоты) и оружие (для войны и борьбы), тогда как пуля рассматривается в качестве «самостоятельного приложения» к огнестрельному оружию. Хотя лексикографические дефиниции лексем ружьё и пуля не меняются с течением времени, что определяется стабильным характером жизни человеческого общества и природой человека, а также естественной возможностью воспроизводить в речи устойчивые обороты, семный состав обеих лексем меняется. Это объясняется изменениями технических свойств вооружений и орудий труда, реализуемых в денотативных и коннотативных семах. В основе обновления семного состава лежит человеческий фактор, который проявляется и в характере употребления устаревших оборотов. Предложенное описание устойчивых оборотов в данной работе ориентировалось на антропоцентрический подход к языковым фактам и на учет системности языка и закономерности языковых изменений.

Краткий сравнительный анализ вьетнамских пословиц и поговорок с аналогичными компонентами *súng* [сунг] (ружьё) и *đạn* [дан] (пуля) (см. Приложение 4) ещё больше выветрит национальную специфику феноменов *ружьё* и *пуля* в русской культуре.

Феномен *súng* [сунг] во вьетнамских пословицах и поговорках особенно тесно связан со звуком, с акустическим эффектом от его выстрела. У пословицы *Đau lòng súng súng nổ, đau lòng gõ gõ kêu* [дау лонг сунг сунг но, дау лонг го го кэу] «Если ружьё сердится, оно стреляет, если дерево (неявный деревянный инструмент) сердится, оно щелкает» есть варианты *Lòng súng, súng nổ; lòng gõ, gõ kêu* [лонг сунг, сунг но; лонг го, го кэу] - «Если ружьё сердится, оно стреляет, если дерево (неявный деревянный инструмент) сердится, оно щелкает» и *Túc nòng súng, súng nổ* [тык нонг сунг, сунг но] - «Если ствол ружья сердится, он стреляет». Пословица имеет следующее толкование: «Если человек разгневан, он должен высказать это вслух».

Здесь звуковой эффект от выстрела ассоциируется с речью, которую должен произнести человек и сказать о своем недовольстве или гневе (не нужно скрывать свои эмоции). Это пример метафоры, когда ружьё и деревянный инструмент обозначают человека.

Другим примером, где ружьё коррелирует с акустическим эффектом, является следующая пословица *Điếc không sợ súng* [диек кхонг со сунг] - «Глухой и не боится ружья» и её вариант *Voi đíếc dạn súng* [вой диек зан сунг] - «Глухой слон смел, когда сталкивается с ружьём».

Здесь звук выстрела понимается как **угроза** или предупреждение, которое не оказывает никакого воздействия на того, кто этого не осознает. Это также показывает, что звуки выстрелов оказывают психологическое воздействие на обычных людей, что способствует созданию таких пословиц.

Ружьё как угроза далее рассматривается в поговорке *Hò voi bắn súng sây* [хо вой бан сунг сай] - «Прогнать слона с помощью примитивного ружья» и её варианте *Voi bắn súng sây* [вой бан сунг сай] - «(Против) слона с помощью примитивного ружья». Смысл этой пословицы может быть передан так: «Унижать тех, кто громко хвастается, чтобы преследовать их мелкими и бессмысленными действиями». В русском языке есть нечто похожее: *что слону дробина* 'о чём-либо незначительном, пренебрежительно малом в контексте ситуации' [<https://kartaslov.ru/значение-слова/что+слону+дробина>]. В вьетнамской пословице ружьё в данном контексте должно обозначать угрозу, но оно модифицировано на «примитивное» и противопоставлено большому объекту, для которого угроза будет незаметна и эффект от действия далек от заявленной цели.

Компонент *ружьё* встречается в другой поговорке, но можно сказать, что основное внимание в её содержании уделяется компоненту *пуля* [дан]: *Bắn súng không nén phai đòn đạn* [бан сунг кхонг нен фай ден дан] - «В случае, если выстрел из ружья не приведет к попаданию, стоимость пули должна быть возмещена». Смысл пословицы может быть передан так: «Когда работа оказывается неудачной, расходы на неё должны быть возмещены».

Данная ситуация показывает, что представление о пуле включает в себя знание о значительных **расходах**, которые должны быть возмещены, если она не попадет в цель. Это верно с исторической точки зрения. Когда-то пуля была настолько дорогой, что стала символом попытки выполнения какой-либо работы. Компонент *ружьё* в тексте здесь только расширяет контекст и представления о пуле как новом и дорогостоящем феномене.

Феномен *пуля* обозначает **расходы** и в другой пословице: *Đàn đâu mà gầy tai trâu, đạn đâu bắn sẻ, girom đâu chém ruồi* [дан дау ма гай тай чау, дан дау бан се, гыом дау тьем руой] - «Нет музыкального инструмента, на котором стоило бы играть буйволам; нет пуль, которыми стоило бы стрелять в маленьких птичек; нет меча, которым стоило бы рубить мух». Её варианты *Đạn đâu bắn sẻ, girom đâu chém ruồi* [дан дау бан се, гыом дау тьем руой] - «Нет пуль, которыми стоило бы стрелять в маленьких птичек; нет меча, которым стоило бы рубить мух»; *Hoài lời mà nói với trâu, đạn đâu bắn sẻ, girom đâu chém ruồi* [хоай лой ма ной вой чау, дан дау бан се, гыом дау тьем руой] - «Нет слов, которые стоило бы сказать буйволам; нет пуль, которыми стоило бы стрелять в маленьких птичек; нет меча, которым стоило бы рубить мух». Смысл пословицы и её вариантов можно передать следующим образом: «Человек не должен тратить свои усилия на бессмысленную работу». *Пуля* в данном контексте, даже если попадёт в цель, не оправдает затраченных средств. В русском языке аналогом данных выражений является фразеологизм *стрелять из пушки по воробьям* – «затрачивать слишком много сил и средств на то, что этого не заслуживает».

Последний пример – интересный случай, когда пословица демонстрирует наблюдения вьетнамского народа за физическими свойствами пули и выстрела из ружья: *Đạn ăn lén, tên ăn xuồng* [дан ан лен, тен ан суонг] – «Пули поднимаются, стрелы опускаются». Дополнительную информацию к этой пословице дает включенный в словарную статью оборот *Kinh nghiệm bắn súng, nỏ* – «Опыт стрельбы из ружья и арбалета». Он позволяет понять, что чаще всего пуля попадает выше того места, куда было нацелено ружьё, в то время как стрела попадает ниже выбранного места. В этом наблюдении можно видеть действие физических законов

(в случае со стрелой – это сила тяжести; в случае с пулей – это механическая отдача – «Резкое движение назад огнестрельного оружия, орудия при выстреле» [<https://kartaslov.ru/значение-слова/отдача>]. Однако в случае с пулей механическое воздействие метательного вещества на всё ружьё заставляет его изменять траекторию полета пули до того, как она вылетит из дула достигнет цели. Эту особенность использования химической энергии (пороха) вместо биологической энергии человека, примененную в оружии, вьетнамский народ выявил и выразил в пословицах по-своему.

По сравнению с вьетнамскими пословицами и поговорками с компонентами *súng* и *đạn*, русские пословицы и поговорки с компонентами *ружьё* и *пуля* демонстрируют гораздо более широкое разнообразие контекстуальных корреляций. Это показывает, что огнестрельное оружие является важной частью российской истории, культуры и русского менталитета. Кроме того, анализ материала на обоих языках показывает, что русский народ осознает объективность социального феномена оружия, особые физические свойства пули, а также сложное и суеверное представление о данном типе оружия.

2.2.2. Оружейная тема в цикле рассказов И. А. Бунина «Тёмные аллеи»

С точки зрения реализации культурно-языковой компетенции носителей русского языка, а также учения И. П. Павлова о сигнальной природе языка, интерес исследователей к языку произведений русской литературы имеет двоякий характер. Во-первых, русские писатели, вне всякого сомнения, являются высококомпетентными носителями своего языка и культуры. Они не только обладают способностью познавать и синтезировать в своём сознании сложные фрагменты объективной социально-исторической реальности, но и творчески воплощать культурную информацию в художественной форме. Используя определённые стилистические средства и приемы, они достигают желаемого художественного эффекта, то есть подтверждают культурную информацию о фрагменте реальности. Во-вторых, их произведения – это активная часть русской культуры, которая нередко становится частью русского языка. Немалое число

современных россиян читают классическую и современную литературу не как исследователи, а как читатели (в современной терминологии – потребители литературы). В процессе чтения они неизбежно впитывают выражения из менталитета другого (автора произведения), принимают их или вырабатывают свои собственные интерпретации и впечатления, исходя из современного каждому читателю культурно-исторического контекста. Эти сложные культурно-языковые взаимодействия, в свою очередь, являются потенциальной частью современной культурно-языковой компетенции.

Культурная информация, содержащаяся в литературных произведениях определённого автора, может быть извлечена с помощью лингвокультурологического анализа и лингвокультурологического комментария, которые иногда по-новому раскрывают художественный мир текста. Например, в драме А. Н. Островского «Бесприданница» есть упоминания о пушке, пистолете и кинжале. Как считают, Д. А. Филатова и С. А. Ларин оружейная тема очень важна для данного произведения и каждый ключевой персонаж, виновный в смерти Ларисы Огудаловой, связан с несколькими оружейными мотивами и с разными видами оружия. Сергей Сергеевич Паротов связан с пушкой и с пистолетом, Каандышев — с топором, кинжалом и пистолетом, Лариса — с пистолетом, который бросил Каандышев. Паротов использует оружие, чтобы держать в напряжении других героев пьесы; Каандышев — чтобы самоутвердиться в глазах окружающих, а потом — чтобы отомстить за разрушенное будущее; Лариса — чтобы закончить свои страдания и снять обвинения с Каандышева [Филатова, Ларин 2018]. Оружие в пьесе «Бесприданница» выполняет символическую функцию. С одной стороны, оно символ встречи или прощания («*Так на барже пушка есть. Когда Сергея Сергеича встречают или провожают, так всегда палят*», — говорит буфетчик Гаврило), с другой стороны, — символ унижения человека (коллекция Каандышева, которую Паротов называет *бутафорскими вещами*), с третьей стороны, — оно символ смерти, так как оно является орудием убийства и используется, чтобы устранить проблему. Хорошо видно, что в художественном произведении упоминание об оружии, как и сам «оружейный мотив» (или

«оружейная тема») возникают не случайно: во-первых, оружие может быть связано с развитием сюжета произведения, во-вторых, оно может быть использовано для характеристики героя (персонажа), хронотопа или, например, интерьера.

Авторы приходят к выводу о том, что интерпретация оружейных мотивов позволяет значительно расширить существующее представление о поэтике и характерологии одной из самых известных пьес Островского [там же].

Оружейная тема присутствует и в цикле рассказов И. А. Бунина «Темные аллеи». Создавался цикл почти десять лет – со второй половины 1930-х годов (первые 11 рассказов были опубликованы в 1937 году) до 1946-го года (опубликован последний рассказ). Эту книгу иногда называют энциклопедией русской жизни. Е. И. Пономарев полагает, что в основе энциклопедизма цикла лежит просветительская функция. Постаревший Бунин считал себя единственным оставшимся знатоком старой России. Именно поэтому он в мельчайших деталях описывал уже ушедший в прошлое русский быт досоветской России: названия ресторанов, их меню, женский гардероб (шляпки, перчатки, чулки, нижнее бельё), названия книг, которые читали герои и т. д. [Пономарев 2017]. Не оставил он без внимания и оружейную тему.

Обращение к этой теме позволяет по-новому увидеть содержание и смысл многих рассказов, понять их структуру и охарактеризовать их лингво- и социокультурную составляющую.

Оружейная тема реализуется путем включения в тексты рассказов слов *оружие, сабля, шашка, кинжал, ружьё, винтовка, револьвер, пистолет, браунинг*, названий отдельных деталей (*курок*) или атрибутов (*пуля*), а также глагольных лексем (*стрелять, палить* и др.).

Р. Н. Канафиев, изучая русское СП ОРУЖИЕ, доказал, что именем поля является слово *оружие*, к центру поля относятся слова *пистолет, ружьё, автомат, пушка*, ближайшую периферию СП составляют слова *винтовка, пулемет, штык, нож; ствол, прицел, дуло, приклад; патрон, пуля, снаряд, граната, мина, бомба, ракета; стрелять, бить, колоть, резать; выстрел, взрыв*, а на периферии СП оказываются остальные слова с оружейной семой – «менее частотные, более

специфические по семантике и стилистически маркированные единицы». Если сравнить перечень слов из цикла И. А. Бунина с кругом единиц, входящих в состав СП, выстроенного Р. Н. Канафиевым, то можно увидеть, что писатель использует лексику ядра, центра и ближайшей периферии. И это понятно: состав СП определяется «наивным» взглядом на мир (обиходно-бытовой картиной мира), а не научной таксономией (не военной терминосистемой), хотя и без неё писатель не обходится, обращаясь к реалиям времени, в котором находятся его герои.

Имя СП ОРУЖИЕ – гипероним *оружие* – И.А.Бунин включает в текст рассказа только однажды, рассказывая о богатом помещичьем доме, в котором проживают бывший генерал со своей женой – дядя рассказчика. Дом новый, богатый, в нем есть большой кабинет «*с огромным письменным столом, с огромной тахтой, покрытой туркестанскими тканями, с ковром на стене над ней, крест-накрест увешанным восточным оружием, с инкрустованными столиками для курения, а на камине с большим фотографическим портретом в палисандровой рамке под золотой коронкой, на котором был собственноручный вольный росчерк: Александр*». (Антигона). В описание интерьера включено много деталей: туркестанские ткани, ковер на стене, восточное оружие, столик для курения, фотография императора с его автографом. Все детали значимы. Одни напоминают о местах службы генерала и о военных походах, в которых он принимал участие; другие – о наградах за службу. А все вместе они демонстрируют богатство владельца усадьбы и его высокий социальный статус не только в прошлом, но и в настоящее время. Студент, описывая дом и имение, всегда делает акцент именно на дядюшкином богатстве. Поэтому и оружие, которое включено в описание генеральского кабинета, оценивается не как украшение, часть декора, а как один из показателей роскоши.

Рассказы И. А. Бунина о жизни в помещичьих усадьбах иногда содержат эпизоды, связанные с оружием. В этом можно видеть стремление писателя энциклопедически точно изобразить бытовую сторону усадебной жизни. Оружие использовалось помещиками для охоты, для участия в дуэлях или для погони за беглецами-крепостными. Можно предположить, что в усадьбах было разное

оружие: и холодное, и огнестрельное. Это согласуется с рассуждениями С. Охлябинина, автора книги «Повседневная жизнь русской усадьбы XIX века», который, говоря о помещичьих особняках как о «сельских эрмитажах», где можно было найти «несметные, составленные несколькими поколениями просвещенных людей собрания книг, рукописей, картин, мебели», фарфора, упоминает и о коллекциях оружия [Охлябинин 2006, с. 7]. Он включил собрание оружия в перечень того, что определяло богатство дворянской усадьбы.

О том, что в далеком прошлом богатые помещики имели много оружия, можно узнать из рассказа «Баллада». Этот рассказ, по мнению буниноведов, был написан главным образом «для изображения старинной русской речи во всём её многообразии, законсервированной в языке странницы Машеньки» [<https://polka.academy/articles/621>]. В её рассказе соединяются крестьянская речь, народный сказ, неточные цитаты из русской классики, библейская лексика и устаревшие книжные слова и выражения [<https://polka.academy/articles/621>]. Особенno интересно, как Машенька описывает эпизод погони старого князя за своим сыном и его молодой женой: «*Ночь, мороз несказанный, аж кольцо округа месяца лежит, снегов в степи выше роста человеческого, а ему (старому князю – Киеу Ань Ву) все нипочем: летит, весь увешанный саблями и пистолетами, верхом на коне, рядом со своим любимым доезжачим, и уж видит впереди тройку с сыном. Кричит, как орел: стой, стрелять буду! А там не слушают, гонят тройку во весь дух и пыл. Стал тогда старый князь стрелять в лошадей и убил на скаку сперва одну пристяжную, правую, потом другую, левую, и уж хотел коренника свалить, да глянул вбок и видит: несется на него по снегам, под месяцем, великий, небывалый волк, с глазами, как огонь, красными и с сиянием вокруг головы! Князь давай палить и в него, а он даже глазом не моргнул: вихрем нанесся на князя, прыгнул к нему на грудь – и в единий миг пересек ему кадык кликом*» («Баллада»). В этом монологе использованы слова-названия оружия (сабля, пистолет) и глаголы, называющие цель их применения (стрелять, убить, свалить, палить). Глаголы стрелять и палить имеют общие семы в значении. Не случайно они оцениваются как синонимы: стрелять 1. Вести огонь, бить; палить,

бухать, бахать, бабахать (разг.); пульять, садить, долбать, долбить (прост.) /из автоматич. оружия: строчить (разг.). [Александрова 1993, с. 487]. Объединяет эти глаголы-синонимы общее значение – 'производить выстрелы' (МАС <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/18/ma428613.htm?cmd=0&istext=1>, ТСУ – <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/18/us455509.htm?cmd=0&istext=1> <https://kartaslov.ru/значение-слова/стрелять>). Глагол *палить* содержит семы 'стрелять' (из пушек, ружей и т. п.); 'стрелять залпами' (МАС), 'стрелять часто' (ТСУ), а также стилевую сему *разг*. Кроме того, иногда это слово оценивается как устаревшее. Итак, *палить* – это производить частые выстрелы, в том числе выстрелы залпами. Как можно предположить, *стреляют* и *палят* с разными целями: чтобы убить, чтобы предупредить о чем-то или потребовать выполнить действие, как в «Сказке о царе Салтане» А. С. Пушкина (*Пушки с пристани палят – кораблю пристать велят*), чтобы показать другим радость, как в стихотворении А. Т. Твардовского (*В тот день, когда окончилась война, И все стволы паляли в честь салюта*). В том предании, которое рассказывает Машенька, старый князь стреляет в коней, запряженных тройкой. Он по очереди убивает двух из них, а третьего коня он хочет *свалить*. *Свалить* – «Заставить упасть, поразив выстрелом; убить!» [<https://kartaslov.ru/значение-слова/свалить>]. А вот в волка старый князь *палит* (стреляет часто), потому что понимает, что волк летит по снежному полю, чтобы убить самого князя. Пальба на волка не подействовала: он напал на князя и пересек, т. е. рассек надвое (МАС), ему кадык кликами. Оружие, которое называет Машенька, принадлежит князю. Сабли и пистолеты, которыми он обвешан, помогают рассказчице показать, что князь не только развратен и самолюбив, но и то, что он азартен и жесток даже по отношению к своим детям. Догоняя детей-беглецов, старый князь знает, что ему нужно наказать их: сначала остановить тройку, а потом расправиться с непослушным сыном и невесткой. Сабля и пистолет – это оружие ближнего боя, и они применяются на небольшом расстоянии. Это значит, что если бы не появился Господень волк, то старый князь зарубил бы своих близких. Кроме того, из рассказа Машеньки становится понятно, что старый князь был в хорошей физической форме: он на полном скаку застрелил

темной лунной ночью двух лошадей и готов был расправиться с третьей. Вероятно, и с беглецами мог расправиться с помощью сабли, но «божий зверь, господний волк» помешал ему. Свою роль в создании образа старого князя сыграли слова из СП ОРУЖИЕ.

Герой рассказа «Таня», наезжавший время от времени в поместье тетки, однажды перед возвращением в Москву отправился на охоту. Бунин пишет: *«В тот день, на прощанье с деревней, он с утра до вечера ездил верхом с ружьем за плечами и с гончей собакой по пустым полям и голым перелескам, ничего не нашел и вернулся в усадьбу усталый и голодный...»*. Это ружье, как и другое, из рассказа «Муза», предназначалось именно для охоты, а не для убийства другого человека. Муза Граф – любимая женщина героя и его гражданская жена – исчезла из поместья во время его поездки в город. Чем дольше нет Музы, тем больше героя охватывают волнение и растерянность. Он так описывает свое состояние: *«Часов в десять, не зная, что делать, я надел полушибок, взял **зачем-то** ружье и пошел по большой дороге к Завистовскому* (ближайшему соседу, жившему неподалеку), *думая: "Как нарочно, и он не пришел нынче, а у меня еще целая страшная ночь впереди! Неужели правда уехала, бросила? Да нет, не может быть!"*» Наречие *зачем-то* имеет значение «с какой-то целью, для чего-то» (МАС <http://feb-web.ru/feb/mas/abc/08/ma159414.htm?cmd=0&istext=1>). В толковании значения присутствуют неопределенные местоимения *какой-то, для чего-то*. Данные слова указывают на то, что герой многое делает машинально, вероятно, по привычке. Герой не может ни предположить, ни объяснить себе, где может находиться его Муза. Зимней январской ночью (дело было перед Рождеством) он в одиночестве отправляется в путь, идет по дороге в пустынных полях, где могут встретиться волки. Ружье нужно ему, чтобы отбиться от волков. С этим ружьем он проходит через соседскую усадьбу, заходит в темный дом своего соседа-помещика и именно там находит Музу Граф, которая, как выяснилось, оставила рассказчика ради одинокого, бедного помещика – «щуплого, рыженъкого, несмелого, недалекого», но «недурного музыканта». Ружье не испугало ни Завистовского – так звали соседа, ни саму Музу. Но женщина решила, что рассказчик пришел убить её нового

любовника. Однако ружье не выстрелило ни в Музу, ни в Завистовского. Законы драматургии не сработали в жанре рассказа. «Муз» и «Таня» – рассказы, в которых все герои остались живы, хотя Бунин включает в сюжетную линию ружейную тему.

В рассказе «Весной, в Иудее» выстрел из ружья стал средством наказания героя-рассказчика – европейца, приехавшего на раскопки библейских Содома и Гоморры. Аид – шейх племени бедуинов, с которым общался герой-рассказчик, был гостеприимным хозяином до тех пор, пока европеец не перешел границы дозволенного и не стал тайком встречаться с племянницей шейха. Как произошло наказание, можно понять из следующего монолога: *«Недели через две, когда я уезжал от Аида и отъехал уже довольно далеко, сзади меня хлопнул выстрел – и пуля с такой силой ударила в камень передо мной, что он задымился. Я поднял лошадь вскачь, пригнувшись к седлу, – хлопнул второй выстрел, и что-то крепко хлестнуло мне под колено левой ноги. Я скакал до самого Иерусалима, глядя вниз на свой сапог, по которому, пенясь, лилась кровь... Дивлюсь до сих пор, как мог Аид два раза промахнуться»*. Аид стрелял из винтовки, которую всегда держал при себе. Он был метким стрелком и пристрелил колено европейцу, оставив того на всю жизнь хромым. Бунин показал, что в пользовании оружием (в его выборе и в мотивации применения) есть национально-специфичное, о чем европеец должен помнить всегда, если оказывается на востоке.

Описывая историю любви на ближнем востоке, И. А. Бунин включает в текст рассказа слова *винтовка* и *пуля*, которые входят в ближайшую к центру часть семантического поля ОРУЖИЕ. Они понятны читателю и не требуют разъяснений и комментариев. Это же можно сказать и о метафорах *выстрел хлопнул*, *пуля ударила*, *что-то хлестнуло* под колено. Метафоры интересны в том плане, что описывают восприятие выстрела и его последствий со стороны жертвы: рассказчик услышал хлопки выстрелов, увидел дымок от удара пули о камень и почувствовал удар, словно бы его стегнули чем-либо гибким. Эти метафоры опираются на производные значения глаголов *хлопнуть* – произвести глухой, короткий звук; *раздастся* (о звуке выстрела), *хлестнуть* – ударить [<https://kartaslov.ru/значение->

слова/хлопнуть; <https://kartaslov.ru/значение-слова/хлестнуть>]. Данные глаголы находятся на периферии СП ОРУЖИЕ.

Оружейная тема показывает разное восприятие оружия и отношение к нему мужчин и женщин. Для рассказчика ружье – спутник и защитник, надежный друг в случае опасности, для Завистовского – просто часть внешнего облика человека, отправившегося ночью в путь, а для Музы – орудие убийства, мести за измену. Похожий женский взгляд на оружие Бунин показывает и в рассказе «Руся», где пистолет вплетается в сюжет произведения. С ним связана кульминация рассказа и событий далекого лета, о котором вспоминает господин из вагона первого класса. Мать Руси – «какая-то княжна с восточной кровью» – единственная женщина в рассказах цикла «Темные аллеи», которая взяла в руки оружие и даже выстрелила из него. Она ранила своего соперника не пулей, а рукояткой пистолета, когда «ударила его пистолетом в лоб, в кровь рассекла ему бровь, швырнула им в него». Пистолет выстрелил, и именно этот выстрел стал формальной причиной расставания Руси и репетитора.

Проанализированные эпизоды из рассказов «Антигона», «Баллада», «Таня», «Руся» и «Весной, в Иудее» показывают, что И. А. Бунин включает в тексты произведений чаще всего слова из центра семантического поля ОРУЖИЕ. И эти слова – существительные, называющие оружие. Глаголы, связанные с применением оружия, используются метафорически. Они располагаются на периферии СП. Слова оружейной тематики встречаются как в речи рассказчика, так и героев произведений.

Если писатель рассказывает о военных, то вводит в тексты названия видов огнестрельного оружия: *револьвер*, *браунинг*. Эти виды оружия их хозяева используют, чтобы защитить свою честь – «честь мужа и офицера» (рассказ «Кавказ», офицерскую честь («Пароход «Саратов»)). Р. Н. Канафьев считает, что данные слова уместнее рассматривать не в системе общенационального языка, а в составе терминосистемы [Канафьев 2005, с. 131, 140]. Но рассказы И. А. Бунина показывают другое. Писатель вводит в тексты данные лексические единицы без всякого комментария, то есть считает, что они понятны любому русскоязычному

читателю и не требуют пояснений. Например, в финале рассказа «Кавказ» читаем: «Он искал её в Геленджике, в Гаграх, в Сочи. На другой день по приезде в Сочи, он купался утром в море, потом брился, надел чистое белье, белоснежный китель, позавтракал в своей гостинице на террасе ресторана, выпил бутылку шампанского, пил кофе с шартрезом, не спеша выкурил сигару. Возвратясь в свой номер, он лег на диван и **выстрелил** себе в виски из двух **револьверов**». В рассказе «Пароход «Саратов» герой вынул «из заднего кармана брюк скользкий, маленький, увесистый *браунинг*» и выстрелил в любовницу, которая, решив расстаться с ним, упрекнула его в непорядочности. Читатель понимает, что *револьвер* и *браунинг* – это пистолет, т. е. «короткое ручное огнестрельное оружие для стрельбы на небольших расстояниях» [<https://kartaslov.ru/значение-слова/пистолет>]. Другие характеристики этих видов оружия не важны ни для сюжета рассказов, ни для характеристики героев.

В рассказе «Ночлег» действие происходит в Испании. Путник-марокканец договаривается со старухой – хозяйкой постоянного двора – прислать ему на ночь девочку-сироту, старухину племянницу. Обольщение деньгами, попытка взять девочку силой не удалось, как не помогло и наличие *револьвера* с длинным дулом: девочку спас верный пес, который перегрыз горло марокканцу. В данном случае представлен испанский вариант «Баллады»: животное сильнее огнестрельного оружия и вернее многих людей, близких по крови. Власть денег и оружия имеет свои границы, которые установлены любовью и заботой человека (девочки) и преданностью верного пса.

Изучая роль человеческого фактора в языке и его осмысление рядовым человеком, мы пришли к следующим наблюдениям. *Ружьё* (винтовка, револьвер, *браунинг* и др.) и *пуля* связаны в нашем сознании. Эта связь прослеживается в русском фольклоре. Так, поговорка *Не пуля, а человек человека из ружья убивает* четко реализует идею, что ружьё находится во власти человека и используется для того, чтобы убивать другого, тогда как пуля не подчиняется человеку и его воле: она летит так, как сама хочет. Её полёт – это как бы проявление её собственной «воли». Начало полёту пули даёт человек. Он нажимает на курок и приводит

механизм в действие. Но траектория полёта пули только частично определяется человеком, поэтому и конечный результат полёта пули трудно предсказать. Именно поэтому можно предположить, что в поговорке *Не пуля, а человек человека из ружья убивает* смысл складывается из сем 'управляемость' и 'причина', реализуемых в компоненте *ружьё*, и 'неуправляемость' и 'следствие', представленных в компоненте *пуля*. «В паре *ружьё – пуля* главенствующая роль принадлежит ружью, так как оно осознаётся как орудие, действующее по воле человека» [Киеу, Фархутдинова 2021, с. 102]. Пуля же в данном обороте, как и большинстве других, осмысляется как неуправляемый элемент огнестрельного оружия: *Стреляй в куст, бог (или: пуля) виноватого сыщет; Дурак стреляет – бог пули носит; Пуля дура, а виноватого найдёт; Пуля, выпущенная из ружья, обратно не вернется; Не всякая пуля в кость да в мясо, иная и в поле; Не всякая пуля по кости, иная и по кусту; Пуля дура: где ударит – ужалит; Куда пулю послал – туда и пошла; Пока пуля в ружьё – твоя рука владыка; Виноватого найдет меткая, а не шальная пуля* и т. п. Но в этих поговорках пуля – активный элемент, который движется в поисках жертвы по своей или Божьей воле. Эту особенность восприятия действия пули можно объяснить рабочим механизмом ружья: в то время как ружье всегда находится в руках человека и под его контролем, пуля летит от него с такой скоростью, что человеческие органы чувств не могут воспринимать её движение. Нередко пуля настолько свободна в своем полёте, что летит не в то место, которое изначально определялось стрелком. Здесь уместно вспомнить рассказ И. А. Бунина «Весной, в Иудее», где одна пуля попала в камень, а другая пробила колено, но ни одна пуля не убила героя-рассказчика. Конечно, свойства ружья и пули, отражённые в устойчивых оборотах, не являются объективными – они объясняются человеческим мировидением. Огнестрельное оружие воспринимается обществом как символ смерти и убийства. Не важен конкретный вид оружия (ружье, винтовка, пистолет и т. д.): людям понятен механизм его действия и роль пули, которая несёт ранение или смерть. За всем этим скрыт человеческий фактор, т. к. ружьё само по себе не стреляет [там же], и если человек задумал убить себя или другого, то исполняет это (рассказы «Кавказ» и «Пароход

«Саратов»). Но даже огнестрельное оружие не всесильно [Киев, Фархутдинова 2024, с. 112].

Каким же образом оружейная тема в цикле рассказов И. А. Бунина «Темные аллеи» помогает понять особенности русской культуры, лингвокультуры и русской ментальности?

И. А. Бунин показал в своем цикле, что русские, как и представители других культур, воспринимают красоту оружия и высоко ценят его эстетическую сторону, используя дорогое оружие для украшения интерьера (рассказ «Антигона»).

Но главное назначение оружия – защитить себя и других. Герои Бунина хранят дома холодное и огнестрельное оружие. Оно нужно им для защиты жилища, для охоты, для самосохранения (рассказы «Муза», «Таня», «Баллада»).

Оружие герои рассказов используют, чтобы устраниить соперника или хотя бы напугать его («Руся»), а также, чтобы наказать непослушных («Баллада») или не уважающих чужие законы и правила жизни («Весной, в Иудее»).

Пользуясь оружием, человек, с одной стороны, защищает свою честь и достоинство («Кавказ»), а с другой стороны, лишает себя всего, что у него было («Пароход «Саратов»). Правда, это бывает, когда любящий человек ощущает себя обманутым («Кавказ», «Пароход «Саратов»). Тогда оружие становится средством наказания за неверность и открывает путь на каторгу («Кавказ», «Пароход «Саратов»).

В соответствии с русскими культурными установками И. А. Бунин показывает, что оружие не всесильно: *пуля – дура*, и летит она по своему желанию, но Господь спасает жизнь невинного человека, потому что у владельца оружия дрогнула рука, отказал курок или потому что рядом оказалась внешняя сила (волк господень или верный пёс), уничтожившая убийцу.

В языковой картине мира, представленной в цикле И. А. Бунина, оружие связано с такими семантическими полями, как ДОМ/ ЖИЛИЩЕ, ЧЕЛОВЕК И ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ЛЮБОВЬ, СМЕРТЬ, ВОЙНА (в рассказе «Холодная осень» героиня говорит о том, что её жениха *убили* через два месяца после отправки на фронт). Писатель использует слова-существительные, называющие виды оружия,

и глаголы, характеризующие действия с оружием, то есть обращается к словам из центра СП *ОРУЖИЕ*, его приядерной зоны и из периферии [Киев, Фархутдинова 2024].

ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ II

Анализ групп глагольных единиц, тематически связанных с оружием, показывает заметную трансформацию менталитета, связанную с развитием оружия в русской материальной культуре.

Соответственно, ранние виды оружия используют для функционирования силу, создаваемую человеком (биологическое оружие); другими словами, оружие в данном случае является продолжением человеческого тела, которое сохраняет все ощущения от физических, пространственных, психологических и оценочных аспектов использования оружия. Что касается акта нанесения удара колющего оружия, то производные от глаголов с корнем *-кол-* демонстрируют широкий спектр контекстуальных корреляций с первоначальным контекстом использования оружия: **отрицательность, неожиданность, неприятность, односторонность, сила, быстрота.** Объективность этого познания подтверждается при анализе на фоне вьетнамских эквивалентных глагольных единиц. Кроме того, русская национальная специфика феномена *ОРУЖИЕ* проявляется в следующих контекстуальных корреляциях: **острота, опасность и боль.** Это свидетельствует об особом внимании общества носителей русского языка к этим аспектам феномена *ОРУЖИЕ* в более ранний период его развития.

Что касается последующего развития феномена *ОРУЖИЕ* в русской материальной культуре, в которой все большее значение приобретает внешний источник энергии (химическая энергия в порохе и взрывчатых материалах), то анализ показывает иную картину менталитета в отношении оружия. Показано, что огнестрельное оружие оставило глубокое и долговременное впечатление в российском менталитете. Именно это впечатление приводит к красочному творчеству в использовании языка, связанному с феноменом огнестрельного оружия, отражающему важную роль этого современного вида оружия в формировании как российской национальной истории, так и соответствующего пути познания мира русским народом. Очевидным является большое количество контекстуальных корреляций, содержащихся в производных употреблениях

русских глаголов с корнем *-стрел-*: **сила, быстрота, расстояние, шум, боль, неожиданность, отрицательность, передача, односторонность, опасность, смертельность, сильная эмоция, трудность.** Меньшее количество контекстуальных корреляций наблюдается с группой русских глаголов с корнем *-рв-*, что демонстрирует роль взрывчатых веществ более как основы другого культурного феномена (огнестрельного оружия), чем как самостоятельного явления: **разрушение, сила, неожиданность, быстрота, разделение.** Эта специфика еще больше подчеркивается в сравнении с культурно-национальной спецификой менталитета вьетнамского народа, история которого также сформировалась в результате многочисленных сражений, но не благодаря современному огнестрельному оружию. Оба случая показывают, что оружие – это проявление человеческой воли к борьбе и достижению победы. В российской культуре современные социально-исторические условия, в которых центральное государство играет представительную роль в технологическом развитии, позволяют этой воле проявляться в мощных видах оружия, которые оставляют сильные впечатления и чувства в сознании русского народа.

Точка зрения о распространенности огнестрельного оружия в современном российском обществе находит дальнейшее подтверждение в паремиологическом анализе пословиц и поговорок, содержащих компоненты *ружьё* и *пуля*. Анализ показывает взаимодействие поколений носителей русского языка и культуры с ранними ружейными технологиями: от предоставления пуле собственной воли до представления о том, что она уступает надежной штыковой атаке того времени, от суеверий охотников до социального значения ружья как опасности, угрозы, статуса в организации, и так далее. Эти моменты, как указано выше, также подчеркиваются при сравнении с аналогичными явлениями во вьетнамском языке и культуре.

Наконец, показано, что феномен оружия в литературном контексте выполняет различные функции в зависимости от культурно-языковой компетенции автора (И. А. Бунина), который является способствующим фактором в процессе формирования и закрепления соответствующего фрагмента в русской языковой картине мира. В число этих функций входят красота, орудие устранения соперника,

средство наказания непослушных, символ достоинства, средство для наказания за измену и путь на каторгу, орудие охотника, способ защиты от зверей, и даже беспомощность в разных ситуациях. Такое большое разнообразие функций как отражает статус оружия в социально-исторической реальности, так и способствует формированию у читателей литературных произведений представления о феномене *ОРУЖИЕ*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данная работа призвана показать значимость антропоцентрической парадигмы в современной российской лингвистике в целом и её потенциал в изучении русского языка и культуры, в частности. Категоризация лингвоцентрической и антропоцентрической парадигм, наряду с другими аналогичными категоризациями в российской лингвистике, рассматривается с точки зрения выражения цели исследования, демонстрируя не только непрерывный процесс эволюции лингвистических идей от классики к современности, но и наследование достижений прежней парадигмы в последующем развитии. В работе также подчеркивается внимание российских лингвистов к человеческому фактору, особенно к фактору интуиции как в использовании языка, так и в процессе его изучения. В результате работа определяет свою позицию как антропоцентрическую, но в таких рамках лингвоцентрические знания и материалы служат важными инструментами исследовательского процесса.

Основываясь на испытанном применении системно-структурных лингвистических знаний в антропоцентрических исследованиях и рассмотрев ключевые понятия современной российской антропоцентрической лингвистики, такие как *культурная информация* и *культурный смысл*, работа показала наличие интереса к связи между русским языком и всеми аспектами исторической жизни русского народа.

В работе последовательно решались поставленные задачи. Для всех современных теорий языка фундаментальными являются семиотические предпосылки. Не менее значимым является внимание к коннотативной части содержания языкового знака. Хотя *коннотация* в целом не находится в центре внимания традиционной системно-структурной лингвистики, *культурная коннотация* представляет большой интерес для антропоцентрических лингвистических исследований. Культурная коннотация изучается в качестве механизма реализации (в реальности практической жизни) и интерпретации (в реальности лингвистического исследования) культурной информации/культурного смысла. Кроме того, учение о сигнальной природе использования языка позволило

объяснить механизм использования языка в целом и лингвистического/лингвокультурологического анализа в частности. Это интуитивное и творческое использование огромного объёма культурной информации, накопленной за всю жизнь при погружении в собственную национальную культуру: *культурно-языковую компетенцию* сначала носителя языка, а затем лингвиста.

Таким образом, в работе признается неизбежное наличие русской культурно-языковой компетенции при исследовании русского языка, а также неизбежные сложности иностранного исследователя в этой сфере деятельности, так как он обладает отличной культурно-языковой компетенцией. Эта необычная ситуация, тем не менее, открывает путь к изучению русского языка и культуры, к извлечению культурной информации на основе объективно воспринимаемой контекстуальной информации: социально-исторических предпосылок, а также объективных ощущений той части реальности, которая соответствует анализируемым языковым явлениям. Это приводит к рассмотрению контекстуальных корреляций как части коннотативной стороны содержания языкового знака, которые особенно заметны не при прямом, а при производном употреблении языкового знака. Сосредоточившись на языковых явлениях с такими признаками, которые в то же время тематически организованы вокруг определенного культурного феномена, мы выявили культурную информацию, скрытую в контекстуальных корреляциях, необходимых для возникновения и нормализации (стабилизации) таких языковых явлений в русском языке. Очевидно, что эти экстраконцептуальные корреляции между явлениями, стоящими за содержанием языковых знаков, являются частью культурной коннотации знаков, а также исторической частью культурно-языковой компетенции носителей русского языка.

В связи с вышеизложенным, необходимые для анализа языковые материалы были определены на основе антропоцентрического понимания использования языка. Хотя точное использование языка в соответствии с установленными нормами является ключевым фактором взаимопонимания, носители языка в целом и русского языка в частности продемонстрировали свою способность создавать

новые и творческие способы использования языка. Более этого, ими были продемонстрированы также способность понимать и регулярно воспроизводить новые значения, выходящие за рамки денотативной функции слова/языкового знака. Таким образом, носители языка постоянно устанавливают новые языковые нормы и вносят свой вклад в обогащение национального языка и культуры как важных составных частей русской картины мира. В данной работе этот вклад описан через исследование переносных значений многозначных глагольных лексем (разные денотаты), через анализ паремических единиц (разные сигнификаты) и через анализ художественных текстов (воображаемые автором миры). Сами исследуемые материалы тематически организованы на основе принципов, согласующихся с методом семантического поля, которое представляет собой лингвоцентрическую (системно-структурную) сущность, широко применяемую для изучения русской языковой картины мира. Именно этим объясняется привлечение к анализу группы глаголов с корнями *-стрел-*, *-рв-*, *-кол-*; пословиц и поговорок, содержащих слова *ружьё* и/или *пуля* в качестве компонента; также литературных произведений (цикл рассказов «*Тёмные аллеи*» И. А. Бунина), содержащих слова-названия видов оружия (*браунинг*, *пугач*, *ружье*), их частей (*курок*), атрибутов (*пуля*) и действий, производимых ими (*выстрелил*).

Анализ производных употреблений языковых знаков, связанных с оружием, показал, что данный метод позволяет извлечь большой объём культурной информации для содержательной лингвокультурологической интерпретации феномена *ОРУЖИЕ* в русской языковой картине мира. В целом, анализ выявил культурно-национальную специфику феномена *ОРУЖИЕ*, на которую огромное влияние оказало огнестрельное оружие, в то же время демонстрируя большое разнообразие культурной информации, связанной с оружием более раннего этапа технологического развития. Что касается человеческой стороны этого явления, то мы видим поколения творческих индивидуумов-носителей русского языка, которые обогащают национальный язык, актуализируя хранилище культурной информации. Так, в повседневной жизни они выносят культурную информацию об оружии за пределы этой сферы, придавая знакам «оружейного» языка новую

жизнь, сохраняя при этом глубоко укоренившееся впечатление от взаимодействия с оружием, например:

- **сила, быстрота, расстояние, шум, боль, неожиданность, отрицательность, передача, однонаправленность, опасность, смертельность, сильная эмоция, трудность для глаголов с корнем -стрел-;**
- **разрушение, сила, неожиданность, быстрота, разделение** для глаголов с корнем *-рв-*;
- **скорость, быстрота, однонаправленность, сила, острота, боль, опасность, неприятность, отрицательность, неожиданность** для глаголов с корнем *-кол-*.

Анализ паремических единиц, содержащих в качестве компонента слова *ружьё* и/или *пуля*, дополнительно показывает творческую тенденцию носителей русского языка, обладающих разным объёмом культурной информации о русской жизни:

- **результативность, способность стрелять, угроза, опасность, смерть, охотничьи суеверия** при наличии компонента *ружьё*;
- **смерть, неэффективность, непредсказуемость, неуправляемость** при наличии компонента *пуля*;
- и, особенно, **управляемость ружья и неуправляемость пули** при наличии обоих компонентов.

Наконец, феномен *ОРУЖИЕ* анализируется через его появление в литературных произведениях, показывая, как он художественно «нарисован» через индивидуальное, авторское отражение русской национальной картины мира. В цикле рассказов «Тёмные аллеи» И. А. Бунина представлены следующие аспекты оружия: **красота** («Антигона»), **защита жилища, охота и самосохранение** (рассказы «Муза», «Таня», «Баллада»), **устранение или запугивание соперника** («Руся»), **наказание непослушных** («Баллада») или **не уважающих чужие законы и правила жизни** («Весной, в Иудее»), **защита своей чести и достоинства** («Кавказ»), **лишение свободы за преступление** («Пароход

«Саратов»), средство наказания за неверность, и путь на каторгу («Кавказ», «Пароход «Саратов»).

При выполнении этих задач активно привлекались фоновые знания вьетнамского языка и культуры не только для освещения особенностей специфики русской ЯКМ, но и для других важных исследовательских целей.

Во-первых, вьетнамская культурно-языковая компетенция, хотя и не полностью совпадает с её русским эквивалентом, содержит множество объективных факторов, касающихся общей материальной реальности (например, физический процесс обращения с различными видами оружия, связанные с этим чувственные впечатления человека и их словесное описание). Эти объективные факторы не только способствуют достаточному пониманию русскоязычного материала, относящегося к эквивалентным физическим и культурным феноменам, но, что более важно, обеспечивают механизм их исследования и интерпретации с точки зрения иностранного исследователя.

Во-вторых, достаточно последовательно фоновые культурно-языковые знания вьетнамцев подтверждают статус феномена *ОРУЖИЕ* как важного и универсального явления языка и культуры благодаря эквивалентным группам языкового материала. Для русских глаголов *стрелять*, *взрывать*, *колоть* и связанных с ними групп однокоренных глагольных дериватов были найдены вьетнамские эквиваленты *bắn*, *nổ*, *dập*. Для слов-компонентов *ружьё* и *пуля* в русских пословицах и поговорках были определены вьетнамские эквиваленты *súng* и *đạn* (а что касается самобытного, авторского мировоззрения русского писателя И. А. Бунина, то здесь не требуется эквивалентности).

В-третьих, лингвокультурологический анализ собранного языкового материала действительно выявляет заметные особенности феномена *ОРУЖИЕ* в русской ЯКМ:

- опыт стрельбы, в первую очередь, из огнестрельного оружия, богато представлен в русском языке (синонимический ряд *стрелять* очень большой). Очевидно, это связано с активным развитием оружейного дела и

использованием огнестрельного оружия в боевых действиях. Этого не было во вьетнамской истории и нет богатой синонимии во вьетнамском языке,.

Анализе пословиц и поговорок, содержащих в качестве компонентов слова *ружьё* и/или *пуля*, подтвердил наши наблюдения. В своих паремиях русский народ демонстрирует уникальное отношение и особое внимание к физическим свойствам пули, а также сложное и суеверное представление о пользовании огнестрельным оружием. В материальной культуре Вьетнама огнестрельное оружие было популяризировано позже и существовало с более древним стрелковым оружием, что и отразили проанализированные пословицы и поговорки, продемонстрировав именно этот опыт.

- Что касается использования взрывчатых веществ, то русские глаголы свидетельствуют о более высокой профессиональной культуре речи и абстрактном мышлении русского народа. Русскоязычный материал показывает, что русский народ имеет больший контроль над процессом взрыва, в отличие от вьетнамского материала, который показывает более объективные, физические стороны взрыва с точки зрения наивных наблюдателей.
- Что касается акта применения колющего оружия, относящегося к видам оружия с несколько схожими уровнями развития и использования, и, следовательно, их отражения в двух языках и культурах, то русский и вьетнамский языковые материалы также отражают почти одинаковые аспекты, с небольшими отклонениями, демонстрирующими уникальный исторический процесс познания мира двумя народами.

Наконец, объективность мировоззрения двух народов в целом и их культурно-языковая компетенция в частности также была продемонстрирована через общепринятые объективные характеристики видов оружия и их использования. Феномен *ОРУЖИЕ* в целом в обеих ЯКМ характеризуется как отрицательный, опасный и обладающий сильными физическими характеристиками. Что касается конкретных видов оружия, то оба народа отмечают через языковые единицы

(глаголы) различные аспекты этого явления, например, шум (для взрывчатых веществ) и односторонность (для колющего оружия).

Проведённый лингвокультурологический анализ феномена *ОРУЖИЕ* показал, что носители языка по своей природе креативны и готовы понимать новые языковые употребления благодаря своей культурно-языковой компетенции, включающей как языковые, так и внеязыковые знания. Изучение культурно-языковой компетенции и механизма использования языка его носителями также помогает наметить новые исследовательские пути в изучении русского языка.

Потенциал данного метода извлечения культурной информации ещё предстоит изучить в полной мере, поскольку это невозможно осуществить в рамках представляемого исследования:

- Во-первых, существует множество других групп глагольных единиц с собственным содержанием, связанным с феноменом *ОРУЖИЕ*. Анализ всех производных употреблений этих слов, которые, безусловно, описаны в лексикографических данных, может дать более детальное представление о менталитете общества носителей русского языка, о том, как они производят, понимают и воспроизводят эти производные значения в коммуникативной практике.
- Во-вторых, в работе не могло быть учтено большое количество русских пословиц и поговорок, содержащих в качестве компонента другие виды оружия. Содержание (значение) этих фразеологизмов, безусловно, недостаточно представлено в лексикографических данных, возможно, из-за их сложности, гибкости и слишком разговорного характера. Следовательно, несмотря на значительный объём, эти фразеологизмы недоступны исследователю, не владеющему русской культурно-языковой компетенцией, и не могли быть выбраны в качестве материала для данного исследования. Тем не менее, развитие фразеологической лексикографии может сделать возможной такую перспективу не только для зарубежных исследователей, но и для будущих российских исследователей, которые вырастут в практической реальности, еще более далекой от российского прошлого -

социально-исторического контекста монументальных лексикографических трудов В. И. Даля.

- В-третьих, в гораздо большем количестве произведений русской литературы феномен *ОРУЖИЕ* также присутствует, иногда неуловимо, а иногда и явно. Это направление исследований требует знакомства с произведениями и их авторами, которые могут стать множеством независимых тем для исследования, учитывая богатство русской литературы и соответствующего социально-исторического фона произведений (о Великой Отечественной войне, Афганской войне, первой и второй Чеченской войнах, об СВО).
- В-четвертых, в работе опущен большой раздел производных языковых единиц, относящихся к явлению *ОРУЖИЕ*, а именно сленги/арго/жаргонизмы (либо названия оружия, обозначающие не-оружие, либо наоборот). При нынешней культурно-языковой компетенции исследователя материала недостаточно для того, чтобы его анализ соответствовал требованиям, предъявляемым к параграфу. Тем не менее, эта тема представляет собой очень интересный и, безусловно, сложный выбор для другой работы, посвященной более глубокому изучению социальных групп и их практик.
- И, наконец, можно также предпринять попытку сравнительного анализа эквивалентных языковых явлений в других языках, чтобы еще больше подчеркнуть как культурно-национальную специфику, так и объективность явления *ОРУЖИЕ* в русском языке и культуре. Это не только облегчает участие и сотрудничество зарубежных исследователей в изучении русского языка, где межкультурная и межъязыковая компетентность может быть полезна для российской науки, но и мотивирует лингвистов выходить за рамки своей области исследований, чтобы использовать экстравалингвистические знания в изучении русского языка. Это еще раз доказывает глубокое и далеко идущее влияние антропоцентрической парадигмы не только на лингвистику, но и на все человеческие дела.

Учитывая полную реализацию таких возможностей, направление исследований в этой работе может иметь следующие практические применения:

- Совершенствование искусственного интеллекта в обработке языковых данных. Тегирование частей речи широко распространено, например, в национальном корпусе русского языка. Однако семантическое тегирование до сих пор было ограничено (одним из параметров поиска было ОРУЖИЕ). Контекстуализация языковых единиц в достаточном количестве может сформироватьrudиментарную имитацию культурно-языковой компетенции человека, где не только значение в контексте многозначной единицы может быть определено более корректно, используя различные контекстуальные корреляции в качестве параметров, но и новые производные "употребления" могут быть сгенерированы машиной, а также для консультирования человека, помогая в творческих процессах, таких как написание романов или рекламного текста.
- Модульность и специализация лингвокультурологического анализа. Объективные, контекстуальные факторы могут быть проанализированы в массовом порядке до начала процесса интерпретации и также служить исходными данными для лингвокультурологической интерпретации. Эти данные низкого уровня могут быть проанализированы неспециалистами, возможно, с помощью краудсорсинга, а лингвисты будут управлять, проверять и использовать полученные результаты.

Таким образом, антропоцентрическая парадигма в современной российской лингвистике является очень перспективным и продуктивным подходом к изучению русского языка и культуры, также может способствовать международной, межъязыковой и межкультурной научной деятельности и стать моделью для изучения языка и культуры других народов. Аспектов изучения языка может быть столько же, сколько отраженных в нём аспектов человеческой жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Словари, справочники, энциклопедии и их использованных сокращения

1. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. 7-е изд. – Москва, 1993.
2. Аликанов К. М., Мальханова И. А. Новый русско-вьетнамский словарь: более 50 тыс. слов / К. М. Аликанов, И. А. Мальханова. — М.: АСТ: Восток - Запад, 2007.– **НРВС**
3. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998.
4. Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2000.– **БТС**
5. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. д-р филол. наук В.Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006.– **БФСРЯ**
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. / В. И. Даль. — М.: ГИИиНС, 1955.
7. Даль В. И. Пословицы русского народа: В 3 тт. М., 1993.
8. Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок [около 1200 пословиц и поговорок]. 14-е изд., стер. М. : Дрофа : Русский язык — Медиа, 2010. 650 с.
9. Зимин В. И. Пословицы и поговорки русского народа. Большой толковый словарь / В. И. Зимин, А. С. Спирина Изд. 2-е, стереотипное Ростов н/Д: Феникс, Москва: (Словари) Цитадель-трейд, 2005. 544 с.
10. КартаСлов.Ру — Карта слов и выражений русского языка. – URL: <https://kartaslov.ru> (дата обращения: 18.04.2023).
11. Крылов Г. А. Этимологический онлайн-словарь русского языка. – URL: <https://lexicography.online/etymology/krylov> (дата обращения: 18.04.2023).

12. *Маковский М. М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. – М.: Гуманит. изд. центр «ВЛАДОС», 1996. – 416 с.
13. *Матвеева Т. В.* Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. - Ростов н/Д : Феникс, 2010. - 562, [1] с.
14. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] URL: <https://rus.corpora.ru/> - **КОРПУС**
15. *Никитина Т. Г.* Большой словарь примет / сост. Т.Г. Никитина, Е.И. Рогалева, Н.Н. Иванова. – М.: АСТ: Астрель, 2009. – 687 с.
16. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова ; [В. Ю. Апресян и др.] ; Под общ. руководством Ю. Д. Апресяна. - 2-е изд., испр. и доп. - Москва : Языки славян. культуры, 2004. - 1417 с. – **НОСС**
17. *Прохоров А. М.* (гл. ред.) Большой энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1993. — 1632 с. – **БЭС**
18. Словари и энциклопедии на Академике – URL: <https://dic.academic.ru/>
19. Словари онлайн – URL: <https://slovaronline.com/>
20. Словарь лингвокультурологических терминов / авт.-сост. М. Л. Ковшова, Д. Б. Гудков / отв. ред. М.Л. Ковшова. – М.: Гнозис, 2018. – 192 с.
21. Словарь русского языка: в 4 т. Изд. 2-е, испр. и доп. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М., 1981—1984. – URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/01/ma103312.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 09.03.2023). – **МАС**
22. *Снегирев И. М.* Словарь русских пословиц и поговорок. Русские в своих пословицах. – Н. Новгород: Русский купец, Братья славяне, 1996. 624 с.
23. *Тихонов А. Н.* Новый словообразовательный словарь русского языка для всех, кто хочет быть грамотным / А. Н. Тихонов. – Москва: АСТ, 2014. – 639, [1] с. – **НСОС**
24. *Тихонов А. Н.* Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. М., 1985; 2-е изд., стер. М., 1990.

25. Толковый словарь русского языка: в 4-х тт. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940. URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/01/us102818.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 18.04.2023). – **TCУ**
26. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка в 4-х томах. Издание первое. Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. Под ред. и с предисловием проф. Б.А.Ларина. М., Прогресс. 1964-1973.
27. Шанский Н. М. Этимологический онлайн-словарь русского языка. – URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky/> (дата обращения: 07.02.2023)
28. Kho tàng tục ngữ người Việt: hai tập. – Hà Nội: Nhà xuất bản Văn hóa Thông tin, 2002. – **КПВН**
- а. (Клад пословиц вьетнамского народа: в 2 т. – Ханой: Издательство Культуры и Информации, 2002.)
29. Tra từ - Từ điển Hán Nôm. – URL: <https://hvdic.thivien.net/>
- а. (Поиск слова – Словарь Хан Ном. – URL: <https://hvdic.thivien.net/>)
30. Từ điển bách khoa Việt Nam : trọn bộ 4 tập. Tập 1 (A-Đ). – Hà Nội: Trung tâm biên soạn từ điển bách khoa Việt Nam, 1995. – 964 trang.
- а. (Вьетнамский энциклопедический словарь: в 4 т. Т. 1 (A-Đ). – Ханой: Центр составления вьетнамского энциклопедического словаря, 1995. – 964 с.)
31. Từ điển tiếng Việt. Chủ biên Hoàng Phê. Tái bản lần thứ 9. – Đà Nẵng: «Nhà xuất bản Đà Nẵng», 2003. – 1221 trang. – **СВЯ**
- а. (Словарь вьетнамского языка / гл. ред. Хоанг Фэ. 9-е издание. – Дананг, 2003. – 1221 с.)

2. Научная литература

32. Алефиренко Н. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. М.: Akademia, 2002.
33. Алпатов В. М. Два подхода к изучению языка / В. М. Алпатов // История и современность. – 2016. – № 1(23). – С. 198-220.

- 34.Алпатов В. М. О двух подходах к выделению основных единиц языка // Вопросы языкознания. 1982. № 6. С. 66—74.
- 35.Алпатов В. М. О разных подходах к выделению частей речи // Вопросы языкознания. 1986. №4. С.37—46.
- 36.Алпатов В. М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку // Вопросы языкознания. 1993. № 3. С. 15—26.
- 37.Алпатов В. М. Парадигмы лингвистики XIX-XXI вв. / В.М. Алпатов // Образы языка и зигзаги дискурса: сборник научных статей к 70-летию В.З. Демьянкова / отв. ред. В.В. Фещенко; ред. колл.: И.В. Зыкова, О.В. Соколова, М.А. Тарасова. - М.: Культурная революция, 2018. - С.14-34.
- 38.Алпатов В. М. Революции и эволюции в истории науки (на материале лингвистики) / В. М. Алпатов // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, обществе : труды II Всероссийской научной конференции, Нижний Новгород, 29 ноября – 01 декабря 2019 года. – Нижний Новгород: Общество с ограниченной ответственностью "Красная ласточка", 2019. С. 13-16.
- 39.Арутюнова Н. Д. Язык // Большая российская энциклопедия. Т. 35. М.: Большая Российская энциклопедия, 2017. С. 643-647.
- 40.Афонин С. Н. А годы летят. М., 2007.
- 41.Баранов А. Н. Коммуникация // Большая российская энциклопедия. Том 14. Москва, 2009. – с. 660.
- 42.Барсуков Е. З. Артиллерия русской армии (1900–1917 гг.): В 4-х томах. Том 4. — М.: Воениздат МВС СССР, 1949.
- 43.Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. – 513 с.
- 44.Безуглая Л. Р. Функционализм в лингвистике / Л. Р. Безуглая // Actual Problems of Stylistics. – 2015. – № 1. – С. 79-87.
- 45.Беляева И. Ф. Историческое, социальное и структурное в лингвистике XX века: к вопросу о парадигматическом подходе к истории языкознания / И. Ф.

- Беляева, Г. Т. Хухуни // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2020. – № 3. – С. 6-14.
- 46.Блумфилд Л. Язык. 2-е изд-е, стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2002.– 608 с.
- 47.Богачева Г. Ф. Лексическое значение как объект словарного толкования : монография / Г.Ф. Богачева. — 2--е изд., стер. — М. : ФЛИНТА, 2013. — 208 с.
- 48.Бодуэн де Куртенэ И. А. Некоторые из общих положений (из «Словаря» С. А. Вонгерова) // Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. М. АН СССР, 1963а. – с. 348-350.
- 49.Бодуэн де Куртенэ И. А.. О задачах языкознания// И. А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. – М. АН СССР, 1963б. – с. 203-221.
- 50.Бодуэн де Куртенэ И. А. Об общих причинах языковых изменений. // И. А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. – М. АН СССР, 1963с. – с. 222-254.
- 51.Бодуэн де Куртенэ И. А. Язык и языки // И. А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 2. М. АН СССР, 1963д. – с. 67-95.
- 52.Бодуэн де Куртенэ И. А. Языкоzнание, или лингвистика, XIX века. // И. А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 2. – М. АН СССР, 1963е. – с. 3-18.
- 53.Богачева Г. Ф. Лексическое значение как объект словарного толкования : монография / Г.Ф. Богачева. – 2--е изд., стер. – М. : ФЛИНТА, 2013. – 208 с.
- 54.Бондалетов В. Д. Русский именник, его состав, статистическая структура и особенности изменения // Ономастика и норма. М., 1976. С. 12–46.
- 55.Бугаев В. А., Кац А. Л. Явления природы и суеверия. – М.: Знание, 1965. – 64 с.
- 56.Булыгина Т. В., Крылов С. А. Денотат // Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю. Н. Караполов. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая российская энциклопедия; Дрофа, 1997. – с. 109-110.

- 57.Буряк Н. Ю. Этноязыковое пространство культуры // Научный альманах. 2017. № 4-2(30). С. 323-326.
- 58.Буслаев Ф. И. Преподавание отечественного языка: учеб. пособие для студентов пед. институтов. – М.: Просвещение, 1992. – 512 с.
- 59.Васильев И.Г. Культурные смыслы переоценки дополнительного образования // Образование через всю жизнь: непрерывное образование в интересах устойчивого развития: материалы 14-й междунар. конф. 2016. – С. 385—390.
- 60.Вендина Т. И. Введение в языкознание: Учеб. пособие для педагогических вузов. – М., Высш. шк., 2001. – 288 с.
- 61.Ветюков В. А. Вьетнамское оружие XVII века из собрания Государственного музея Нидерландов //Вьетнамские исследования. 2022. Т. 6. № 1. С. 52–62.
- 62.Виноградов А. В. Аналитический обзор биогеографии континентальных водоёмов северной и Южной Азии // Научное обозрение. Биологические науки. 2017. № 1. С. 42-64.
- 63.Виноградов В. В. История слов. – М.: Ин-т русского языка, 1999. – 1138 с.
- 64.Виноградов В. С. Перевод : общие и лексические вопросы : учеб. пособие. 2-е изд., перераб. М. : КДУ, 2004. 240 с.
- 65.Воробьев В. В. Лингвокультурология. М.: РУДН, 2006. – 336 с.
- 66.Гвоздарев Ю. А. Пусть связь речений далека... – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовск. ун-та, 1982. – 206 с.
- 67.Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // В. фон Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию: Пер. с нем. / Общ. ред. Г.В. Рамишвили; Послесл. А.В. Гулыги и В.А. Звегинцева. — М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. – С. 35-298.
- 68.Даль В. И. Напутное // Даль В.И. Пословицы русского народа: в 3 т. – М.: Русская книга, 1993. Т. I. – С. 5—52.
- 69.Денисенко В. Н. Семантическое поле "изменение" в языковой картине мира / В. Н. Денисенко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2004. – № 6. – С. 122-129.

70. *Джцененко О. В., Куликова Е. Ю., Тинакина В. О.* Картина мира – языковая картина мира – этническая картина мира//Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 1-1. С. 285-288.
71. *Драчева С. И., Волкова Н. А.* Картина мира диалектоносителя как компонент региональной языковой картины мира//В сборнике: актуальные проблемы современной науки. Сборник статей Международной научно-практической конференции. 2014. С. 94-95.
72. *Ельмслев Л.* Пролегомены к теории языка: Пер. с англ. / Сост. В. Д. Мазо. — М.:КомКнига, 2006. — 248 с.
73. *Журавлева Е. В.* Испанский газетный текст как источник национально-культурной информации (на материале пиренейского и колумбийского национальных вариантов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2006. – 22 с.
74. *Захарьян Н. А., Мбуала Беа Р. Моксиан.* Уют русского и конголезского жилища сквозь призму «вещности» // Научно-исследовательская деятельность в классическом университете: традиции и инновации : материалы Международного научно-практического фестиваля, Иваново, 19–29 апреля 2021 г. – Иваново : Иван. гос. ун-т, 2021. – с. 429-433.
75. *Камедина Л. В.* Культурные смыслы православия в университетской среде (на примере Забайкальского государственного университета) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2021. Т. 39. – С. 109—117.
76. *Канафьев Р. Н.* Структурно-семантический и лингвокультурологический анализ полевой организации лексики : На материале семантического поля *ОРУЖИЕ* в русском языке : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01. - Иваново, 2005. - 214 с.
77. *Карасик В. И.* Языковая кристаллизация смысла. – М.: Гнозис, 2010. – 351 с.
78. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 264 с.

79. *Киев А. В.* Лингвокультурологический анализ семантического поля ОРУЖИЕ в русском, английском и вьетнамском языках : выпускная квалификационная работа (магистерская диссертация) : 45.04.01. - Иваново, 2018. - 199 с.
80. *Киев А. В.* О проявлениях культурной информации в слове и фразеологизме // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 3. С. 41-47.
81. *Киев А. В., Фархутдинова Ф. Ф.* Культурная информация и культурные смыслы в семантике слова и фразеологизма // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2023. Специальный выпуск. С. 83-94.
82. *Киев А. В., Фархутдинова Ф. Ф.* Наименования оружия в цикле рассказов И. А. Бунина «Тёмные аллеи»: состав, семантика, функции / Ф. Ф. Фархутдинова, А. В. Киев // Верхневолжский филологический вестник. – 2024. – № 2(37). – С. 103-114.
83. *Киев А. В., Фархутдинова Ф. Ф.* Феномены *ружьё* и *пуля* в русских пословицах и поговорках // Русский язык и культура в международном образовательном пространстве : сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Иваново : Иван. гос. ун-т, 2021. С. 96-104.
84. *Князева М. В.* Деструктивная картина мира, конструктивная картина мира и их место в современных исследованиях картины мира // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 8-2. С. 70-73.
85. *Ковшова М. Л.* Культурно-национальная специфика фразеологизмов и вопросы экспликации их культурных смыслов // Вопросы психолингвистики. 2016. № 4. С. 90-99.
86. *Ковшова М. Л.* Семантика и pragmatika фразеологизмов (лингвокультурологический аспект) : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.19 / Ковшова М. Л. - М., 2009. - 654 с.

87. *Козлов М. Н.* Эволюция языческих представлений восточных славян о загробном мире // Гуманитарно-педагогическое образование. 2017. Т.3. № 4. С. 95–104.
88. *Кокорина Н. А., Михайлова О. А.* Акустическая картина мира поколения Z как фрагмент языковой картины мира// В сборнике: Русский язык в глобальном научном и образовательном пространстве. Сборник материалов Международного научного конгресса. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации; Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина. Москва, 2021. С. 340-343.
89. *Колистратова А. В., Колистратова А. В.* О соотношении понятий "картина мира", "языковая картина мира", "фольклорная языковая картина мира" //Научный Альманах ассоциации France-Kazakhstan. 2023. № 2. С. 61-65.
90. *Кун Т.* Структура научных революций. — М.: Прогресс, 1977.—300 с.
91. *Кун Т.* Логика открытия или психология исследования? / Т. Кун, О. А. Балл // Философия науки. – 1997. – Т. 3, № 1. – С. 20-48.
92. *Купина Н. А.* Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. – Екатеринбург; Пермь: УрГУ, 1995. – 144 с.
93. *Куприянов П. С.* Два Зарядья: визуальные образы и культурные смыслы городского пространства // Культурная и гуманитарная география. 2013. Т. 2. № 1. – С. 65—100.
94. *Лаврентьева Е. В.* Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Приметы и суеверия. – М.: Молодая гвардия, 2006.—515 с.
95. *Лю Ю, Ян Х.* Культурные коннотации желтого цвета в китайской культуре// Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 6-1 (45). С. 38-41.
96. *Манакин В. Н.* Сопоставительная лексикология. – Киев: Знання, 2004. – 326 с.
97. *Денн М.* К антропологической семиотике? Актуальность наследия Густава Шпета // Философская антропология. 2016. Т. 2, № 2. – С. 26-44.

98. *Мартыненко Е. А.* «Шотландский вопрос» и его новые культурные смыслы в “Culture capitalism” Аласдера Грея // Научный диалог. 2021. №9. С. 165–180.
99. *Маслова В. А.* Когнитивная лингвистика : учеб. пособие / В. А. Маслова. - 3-е изд., перераб. и доп. – Минск : ТетраСистемс, 2008. – 272 с.
100. *Маслова В. А.* Лингвокультурология. Введение : учебное пособие для вузов / В. А. Маслова; ответственный редактор У. М. Бахтиреева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 208 с.
101. *Маслова В. А.* Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб, заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208с.
102. *Маслова В. А., Бахтиреева У. М.* Лингвокультурологический анализ : учебник для вузов. – Москва : Издательство Юрайт, 2024. – 245 с.
103. *Маслова В. А.* Основы современной лингвистики : курс лекций / В.А. Маслова. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2018. – 222 с.
104. *Межиев В. М., Константинов А. В.* Культура // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал – URL: <https://bigenc.ru/c/kultura-26efdd/?v=5871783>. – Дата публикации: 16.01.2023
105. *Меркулов И. П.* Древняя «магия слова» и эволюция искусства аргументации // Философия науки. Вып. 9. Эволюция творческого мышления. – М., 2003. – С. 43—88.
106. *Микаилова И. Г.* Культурные смыслы и культурные идеалы в воспроизведстве системной целостности субъектов сознания // Мир психологии. 2020. № 4 (104). – С. 146—160.
107. *Микова С. С.* Языковые средства передачи культурной информации в тексте русской басни (диахронический аспект исследования): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2011. – 18 с.
108. *Моця А. П.* Погребальные памятники южнорусских земель IX-XIII веков. Киев: Наукова думка, 1990. с. 33-38
109. *Моченов В. П.* Социальные факторы и культурные смыслы современного спорта // Национальные программы формирования здорового

образа жизни. Международный научно-практич. конгресс. 2014. – С. 514—521.

110. *Нгуен Тхи Бить Иен.* Лингвокультурологический анализ семантического поля *ЕДА* (на материале русского и вьетнамского языков): выпускная квалификационная работа (магистерская диссертация) : 45.04.01. - Иваново, 2021. - 220 с.
111. *Никитина Т. Г.* Молодежный сленг: толковый словарь: около 20 000 слов и фразеологизмов. 2-е изд., испр. и доп. М.: АСТ: Астрель, 2009.—1102 с.
112. *Норман Б.* Основы языкознания. Функции языка // Русский язык. 2001. № 45. URL: <https://rus.1sept.ru/article.php?ID=200104508> (дата обращения: 09.03.2023).
113. *Охлябинин С. Д.* Повседневная жизнь русской усадьбы XIX века /Автор предисл. А. И. Фролов. — М.: Молодая гвардия, 2006. — 347 с.
114. *Павлов И. П.* Условный рефлекс // И. П. Павлов. Полное собрание сочинений. Т. 3. Кн. 2 / И. П. Павлов. – 2-е изд., доп. – М. : АН СССР, 1951а. – с. 320-343.
115. *Павлов И. П.* Физиология высшей нервной деятельности // И. П. Павлов. Полное собрание сочинений. Т. 3. Кн. 2. – 2-е изд., доп. – М. : АН СССР, 1951б. – с. 219-234.
116. *Пампура Ж. В.* Культурные смыслы как результат диалога в современной теории коммуникации // Вестник КрасГЛУ 2010. № 7. – С. 185-188.
117. *Пермиловская А. Б.* Культурные смыслы народной архитектуры Русского Севера // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 2. Т. 1. – С. 291—297.
118. *Петров В. Е.* Между пороком и практикой : культурные смыслы категории праздности в современном академическом дискурсе // Вестник развития науки и образования. 2013. № 6. – С. 160-165.

119. *Пименова М. В.* Языковая картина мира: учебное пособие. – Кемерово, 2011. – 114 с. (Серия «Славянский мир». Вып. 7).
120. *Плотникова А. М.* Широкозначные глаголы в современном русском языке / А. М. Плотникова // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2009. – Т. 63. – № 1-2. – С. 24-31.
121. *Пономарев Е. Р.* Постмодернистские тенденции в творчестве позднего И.А. Бунина (на материале уникальной записной книжки) // НЛО. 2017. № 4 (146). С. 213—226.
122. *Пономарева Т. А.* "Лингвоцентризм" поэтики Иосифа Бродского / Т. А. Пономарева // Вестник Луганского национального университета имени Тараса Шевченко. – 2019. – № 1(30). – С. 71-75.
123. Проблема 2004: Социально-культурные смыслы архивов и архивных документов в современной России. Доклады и сообщения на круглом столе 19 мая 2004 г. – М., Макс-Пресс, 2005.– 94 с.
124. *Пружинин Б. И., Щедрина Т. Г.* Культурные смыслы образования и медиамир // Вопросы философии. 2020. № 5. – С. 98—102.
125. *Радищевский Э. Ф.* Квантово-релятивистская картина мира как основа научной картины мира обучающихся // В сборнике: Исследовательский потенциал молодых ученых: взгляд в будущее. Сборник материалов XX Региональной научно-практической конференции магистрантов, аспирантов и молодых ученых. Тула, 2024. С. 150-151.
126. *Родина Н. А.* Лексико-семантическая характеристика ассоциативных хрематонимов в Российской армии (на материале названий военной техники) //Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования. 2019. №7. С. 64-72.
127. *Савенкова Л. Б.* Пословица, поговорка и паремия как термины филологии [Электронный ресурс]. – URL: <https://web.archive.org/web/20100128063418/http://www.nicomant.fils.us.edu.pl/mnt/1999-1/paremija.html> (дата обращения: 25.04.2024).

128. *Садовский В. Н.* Система // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал – URL: <https://bigenc.ru/c/sistema-4284c7/?v=9351238>. – Дата публикации: 13.07.2023. – Дата обновления: 20.12.2023.
129. *Самотик Л. Г.* Лексика современного русского языка [Электронный ресурс]. : учеб. пособие / Л.Г. Самотик. – 2-е изд., стер. – М.: Флинта, 2012. – 510 с.
130. *Самсонова Е. А.* Новые медиа – новая картина мира (к постановке вопроса о социально-сетевой картине мира) //Меди@льманах. 2020. №4 (99). С.18-24.
131. *Сахарный Л. В.* Введение в психолингвистику: Курс лекций. – Л.: Издво Ленингр. ун-та. 1989. – 184 с.
132. *Семёнов А. В.* Этимологический словарь русского языка. – М.: Юнвес, 2003. – 704 с. – URL: <https://lexicography.online/etymology/semyonov/> (дата обращения: 18.04.2023).
133. *Семенова М.* Быт и верования древних славян. СПб., 2001.
134. *Серебренников Б. А. (ред.)* Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова и др. – М.: Наука, 1988. – 216 с.
135. Сказки и предания Вьетнама [Текст] / сост. Ю.Д. Минина ; пер. с вьетн. Ю.Д. Мининой, Е.В. Лютик, А.М. Харитоновой ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. — 295 с.
136. *Снегирев И. М.* Русские в своих пословицах. Рассуждения и исследования об отечественных пословицах и поговорках : в 4 кн. / И.М. Снегирев / [Соч.] И. Снегирева. Кн. 1—4. – М.: Университетская типография, 1831—1834. Т. 4.
137. *Солнцев В. М.* Уровни языка // Большая российская энциклопедия. Том 33. Москва, 2017, стр. 85-86

138. *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики. - М. : Гос. социально-экономическое изд-во, 1933. – 432 с.
139. *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики. // В: Соссюр, Ф. де., Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. – С. 31-285.
140. *Срезневский И. И.* Русское слово: Избр. труды: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов / сост. Н.А. Кондрашов. – М.: Просвещение, 1986. – 176 с.
141. *Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования./ Ю.С. Степанов – М., 1997. – С. 35-87
142. *Степин В. С.* НАУКА // Большая российская энциклопедия. Том 22. Москва, 2013, стр. 142-144
143. *Стернин И. А.* Лексическое значение слова в речи. — Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1985. — 138 с.
144. *Суворов А. В.* Наука побеждать. Разговор с солдатами их языком. URL: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000224/st061.shtml> (дата обращения: 15.05.2021).
145. *Тариве Л. У.* Антропоцентрический аспект категоризации лица Говорящего в эргативных языках // Рефлексия. – 2018. – № 2. – С. 51-56.
146. *Таюрова О. И.* Совокупность современных подходов к исследованию дискурса. Вестник Башкирского университета. – 2016. – Т. 21, № 3. – С. 669-673.
147. *Телия В. Н.* Коннотация // Большая Российская энциклопедия. Т. 15. М.: Большая Российская энциклопедия, 2010.
148. *Телия В. Н.* Коннотация // Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю. Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. – С. 193-194.
149. *Телия В. Н.* Коннотация // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. - 2-е (репринтное) изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – с. 236.

150. *Телия В. Н.* Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в системе культуры // Фразеология в контексте культуры: сб. науч. тр. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – С. 13—24.
151. *Телия В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
152. *Телия В. Н.* Что такое фразеология? – М.: Наука, 1966. – 86 с.
153. *Токарев Г. В.* Лингвокультурология: учеб. пособие. – Тула: изд-во ТГПУ, 2009. – 135 с.
154. *Тонкова Е. Е.* Народная примета с позиции лингвокогнитивистики и лингвокультурологии: автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Белгород, 2007. – 18 с.
155. *Третьякова И. Ю.* Культурные смыслы фразеологических компонентов-зооморфизмов медведь и волк (к вопросу о национально-культурных особенностях русских фразеологизмов) // Вестник Костром. гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. 2014. Т. 20, № 6. – С. 192-197.
156. *Филатова Д. А., Ларин С. А.* Пушка, пистолет и кинжалы в драме А. Н. Островского «Бесприданница» // Научный диалог. — 2018. — № 7. — С. 213—222.
157. *Фрумкина Р. М.* «Теории среднего уровня» в современной лингвистике // Вопросы языкознания. 1996. №2.
158. *Хайдеггер М.* Время картины мира // Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. — 447 с.
159. *Хомутова Т. Н.* Научные парадигмы в лингвистике // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 35(172). – С. 142-151.
160. *Ху Я.* Культурные коннотации именований травянистых и кустарниковых растений в русском языке // Извести Волгоградского государственного педагогического университета. 2022. № 7 (170). С. 72—78.

161. Чанышева З. З. Культурная коннотация в метаязыке лингвокультурологии / З. З. Чанышева // Вестник Башкирского университета. – 2019. – Т. 24, № 1. – С. 247-251.
162. Чернова О. Е. Культурная информация в толковых словарях // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. Вып. 3 (33). – С. 547-550.
163. Шакlein B. M. Лингвокультурология: традиции и инновации [Электронный ресурс]. : монография. – М. : Флинта, 2012. – 301 с.
164. Шапинская Е. Н. Спортивная символика: культурные смыслы и новые технологии // Фундаментальные и прикладные исследования физической культуры, спорта, олимпизма: традиции и инновации: материалы I Всеросс. науч.-практич. конф. – М., 2017. – С. 176—180.
165. Шарифи А., Бешарати З., Абдоллахи М. Культурно-религиозные смыслы числа «тысяча» в Коране // Исламоведение. 2021. Т. 12. № 4 (50). – С. 102—115.
166. Шмелёв Д. Н. Полисемия // Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю. Н. Караполов. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. – с. 382.
167. Cao Xuân Hạo. Âm vị học & tuyển tính: Suy nghĩ về các định đê của âm vị học đương đại. Tái bản lần 3 có sửa chữa bổ sung. – Hà Nội, Nhà xuất bản khoa học xã hội, 2007. – 412 trang.
- а. (Као Суан Хао. Фонология и линейность: критические размышления о постуатах современной фонологии. 3-изд. с испр. и добавл. – Ханой, Издательство социальных наук, 2007. – 412с.)
168. Cogan Suzanne. An Unforgettable Encounter in the Central Highlands: A USO Girl Remembers // Veteran. Fall 2018. Volume 48, Number 2. P. 16. // <http://www.vvaw.org/pdf/v48n2.pdf>
- а. (Коган Сюзанна. Незабываемая встреча в Центральном нагорье: девушка из племени УСО вспоминает // Ветеран. Осень 2018. Том 48, № 2. С. 16 // <http://www.vvaw.org/pdf/v48n2.pdf>])

169. *Spalding K. L. et al. Retrospective Birth Dating of Cells in Humans // Cell.* 2005. Vol. 122. P. 133–143.
а. (Спaldинг К. Л. и др. Ретроспективная датировка рождения клеток у человека // Cell. 2005. Том 122. С. 133-143.)

3. Другие использованные интернет-ресурсы

170. URL: <https://anchay.vn/mon-an-chay/no-dia-chi-cac-quan-chay-sai-gon-ngoan-va-moi-la.html> – Дата обращения: 05.04.2023.
171. URL: <https://chinese.com.vn/thuong-lo-binh-an-tieng-trung.html> – Дата обращения: 10.03.2023.
172. URL: <https://diletant.media/articles/45264818/> – Дата обращения: 19.05.2024.
173. URL: <https://dothogiadinh.vn/an-gian-huong-an-nhung-dieu-can-biet.html> – Дата обращения: 25.10.2022.
174. URL: <https://dothogiadinh.vn/ban-tho-o-xa.html> – Дата обращения: 25.10.2022.
175. URL: <https://dothogiadinh.vn/lich-su-hinh-thanh-ngai-tho.html> – Дата обращения: 25.10.2022.
176. URL: <https://dothogiadinh.vn/nhung-mau-kham-tho-dep-danh-cho-tu-gia.html> – Дата обращения: 25.10.2022.
177. URL: <https://dothogiadinh.vn/sap-tho.html> – Дата обращения: 25.10.2022.
178. URL: <https://dothogiadinh.vn/tu-tho-go-nhung-chu-y-khi-lua-chon-vi.html> – Дата обращения: 25.10.2022.
179. URL: <https://fb.ru/post/history/2019/7/17/118768> – Дата обращения: 17.04.2023.
180. URL: <https://hanoimoi.com.vn/tin-tuc/giao-thong/1055914/o-to-huc-cot-den-do-chan-ngang-quoc-lo-1a> – Дата обращения: 01.03.2023.
181. URL: <https://ideanomics.ru/articles/4559> – Дата обращения: 16.10.2023.

182. URL: https://medieval_weapons.academic.ru/16/Меч – Дата обращения: 16.10.2023.
183. URL: <https://olegshnyrev.livejournal.com/296093.html> – Дата обращения: 27.05.2022.
184. URL: <https://otvet.mail.ru/question/35206503> – Дата обращения: 27.05.2022.
185. URL: https://phraseology.academic.ru/816/Чтоб_пусто_было – Дата обращения: 17.04.2023.
186. URL: <https://pulse.mail.ru/article/kak-uspeh-zavisit-ot-imeni-13-vazhnyh-nauchnyh-faktov-2760086433974811284-8246728124074599845/> – Дата обращения: 16.10.2023.
187. URL: <https://stihi.ru/2017/09/29/9090> – Дата обращения: 29.11.2022.
188. URL: <https://tass.ru/politika/13829919> – Дата обращения: 29.11.2022.
189. URL: <https://thuthuat.taimienphi.vn/cach-ban-hinh-anh-tu-dien-thoai-sang-may-tinh-bang-bluetooth-9239n.aspx> – Дата обращения: 03.04.2023.
190. URL: <https://tienphong.vn/kinh-hoang-trau-huc-vang-co-gai-di-duong-xuong-bo-de-o-ha-noi-post1508607.tpo> – Дата обращения: 01.03.2023.
191. URL: <https://travellan.ru/articles/ozero-vozvrashchennogo-mecha/> – Дата обращения: .
192. URL: <https://tuoitre.vn/xac-dinh-duoc-tai-xe-phong-mo-to-toc-do-ban-tho-299-km-h-tren-dai-lo-thang-long-20210311112235767.htm> – Дата обращения: 25.10.2022.
193. URL: <https://vfo.vn/r/huong-dan-cach-ban-bluetooth-tu-may-tinh-sang-dien-thoai.112814/> – Дата обращения: 03.04.2023.
194. URL: <https://vietnamnet.vn/man-ban-rap-nhanh-nhat-viet-nam-170-tu-trong-20-giay-V77734.html> – Дата обращения: 03.04.2023.
195. URL: https://vk.com/wall-44693766_131360 – Дата обращения: 12.03.2024.
196. URL: https://vk.com/wall-89454302_31331 – Дата обращения: 12.03.2024.

197. URL: <https://vnexpress.net/be-mat-khi-chong-hay-no-2430799.html> – Дата обращения: 05.04.2023.
198. URL: <https://vnexpress.net/chuc-con-hay-an-chong-lon-2948885.html> – Дата обращения: 10.03.2023.
199. URL: <https://voz.vn/t/may-thang-hay-noi-cau-no-dia-chi-gap-tao-tren-mang-la-co-ban-linh-hay-thich-the-hien.264461> – Дата обращения: 05.04.2023.
200. URL: <https://www.baoquangninh.com.vn/con-ga-trong-am-thuc-viet-2330973.html> – Дата обращения: 25.10.2022.
201. URL: <https://www.elibrary.ru/defaultx.asp> – Дата обращения: 16.10.2023.
202. URL: <https://www.kakprosto.ru/kak-826319-otkuda-poshla-tradiciya-vstrechat-hlebom-s-solyu> – Дата обращения: 12.03.2024.
203. URL: <https://www.otofun.net/threads/hai-chu-suyt-nua-thi-an-chuoi-canai.487353> – Дата обращения: 25.10.2022.
204. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=PjLjmB-ivg4> – Дата обращения: 25.10.2022.
205. URL: <https://znanija.com/task/13893943> – Дата обращения: 12.03.2024.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.

Глаголы с корнем *-стрел-* (лексикографические материалы)

[НСОС, БТС, НРВС, СВЯ]

СТРЕЛЯТЬ

1. (чем, из чего, в кого-что, по кому-чему). Производить выстрелы (пулями, камнями и т.п.). *С. из пистолета, из автомата, из пулемёта, из пушки. С. из лука, из рогатки. С. дробью, порохом. Не стрелять!* (приказ о прекращении и откладывании стрельбы). *С. из пушки по воробьям* (затрачивать неоправданно много сил, средств на что-л.).
2. Уметь пользоваться огнестрельным оружием. *Хорошо с. Я не умею с. из пистолета.*
3. Действовать (об огнестрельном оружии). *Пистолет не стрелял. Автомат стреляет очередью.*
- 4. С силой отделяться, быстро, стремительно лететь в какую-л. сторону (о кусочках веществ, предметов).** *Угли стреляют. Стреляет поспевшая акация. С.искрами, дымом.*
5. Убивать из огнестрельного оружия. *С. зайцев, куропаток, лис. С. людей, народ (расстреливать).*
- 6. Издавать резкие, отрывистые звуки, похожие на выстрелы.** *Мотор стреляет. Дрова стреляют. С. кнутом. □ безл. В стенах от мороза стреляет. □ в зн. прил. Стреляющий звук.*
7. *безл. Разг. Колоть (о коротком, остром болевом ощущении). В ушах стреляет. В пояснице стреляет. □ в зн. прил. Стреляющая боль.*
- 8. Разг. Просить дать что-л.; выспрашивать.** *С. сигареты. С. пятёрку до получки.*
◊ **Стрелять глазами.** 1. Бросать короткие, быстрые взгляды. 2. Бросать кокетливые взгляды.

Глагольные дериваты с корнем *-стрел-*

[НСОС]

(выбранные дериваты выделены **жирным шрифтом** - *Киев Ань Ву*)

стрелять, стреляться, стрельнуть, выстрелять, выстрелить, выстреливать, дострелять, застрелить, застрелиться, исстрелять, настрелять, настреляться, обстрелять, обстреливать, обстреляться, обстреливаться, отстрелять, отстреливать, отстреляться, отстреливаться, перестрелять, перестреливать, перестреляться, перестреливаться, пострелять, подстрелить, подстреливать, пристрелять, пристреливать, пристрелить, пристреляться, прострелить, простреливать, расстрелять, расстреливать, расстреливаться.

Выборка глагольных дериватов с корнем *-стрел-*

[БТС]

(выбранные значения выделены **жирным шрифтом** - *Киев Ань Ву*)

СТРЕЛЯТЬСЯ 1. *Разг.* Стрелять в себя с целью самоубийства. *Попытка с. С. от безысходности, от отчаяния. С. от позора. С. из пистолета, из ружья. Он дважды стрелялся. Стоит ли из-за этого с.?* 2. **(с кем).** *Устар.* Драться на дуэли (на пистолетах). *С. могли только дворяне.*

СТРЕЛЬНУТЬ 1. к Стрелять. 2. *Разг.* Быстро, стремительно убежать, упорхнуть и т.п. *С. в кусты. Белка стрельнула на дерево.*

ВЫСТРЕЛИТЬ 1. Произвести выстрел. *В. из пушки, винтовки, пистолета. В. из лука, из рогатки (выпустить стрелу, камень). В. в пленного. В. в воздух. В. по самолёту.* 2. *Разг.* Издать резкий, отрывистый звук, похожий на выстрел; высочить, вылететь откуда-л. с таким звуком. *Выстрелила лопнувшая шина. Пробка выстрелила.*

ЗАСТРЕЛИТЬСЯ Убить себя из огнестрельного оружия. *Банкрот застрелился. З. в период отчаяния, от безысходности. З. из пистолета, из револьвера.* ◇ *Застрелиться!* в зн. межд. *Разг.-сниж.* О чём-л.,зывающем

восхищение, восторг. *Какой красивый вид с вертолёта, з.! Хоть застрелись, в зн. межд. Употр. для выражения крайнего отчаяния, полной невозможности что-л. предпринять. Ну нет билетов на самолёт, хоть застрелись!*

ИССТРЕЛЯТЬ 1. Израсходовать на стрельбу. *И. все патроны. И. ящик патронов.* 2. **Разг. Покрыть следами от выстрелов.** *И. мишень. Исстрелянные стены домов.*

НАСТРЕЛЯТЬ 1. что и кого. Застрелить, убить в каком-л. количестве. *Н. уток, зайцев. Н. полный ягдташи дичи.* 2. что и чего. **Разг. Выпрашивая, получить в каком-л. количестве.** *Н. сотню. Н. денег, папирос.*

НАСТРЕЛЯТЬСЯ *Разг.* 1. Вдоволь, достаточно пострелять. 2. **Шутл.** **Напиться пьяным.** *С утра уже настрелялся.*

ОБСТРЕЛЯТЬ 1. Подвергнуть обстрелу (1 зн.). *О. позиции противника. О. город с воздуха. О. крепость из дальнобойных орудий. О. ворота (спорт.; забить мяч, шайбу в ворота противника).* // Приучить к боевой обстановке, к стрельбе. *Это старые солдаты, во многих боях обстреляны. Армия ещё не обстреляна, действует не слишком уверенно.* // **Разг. Приучить к трудностям, дать возможность приобрести опыт, привыкнуть ко всему.** *Спортсмены наши обстреляны на международных соревнованиях.* 2. Пробной неоднократной стрельбой проверить надёжность действия. *О. ружьё, орудие.* 3. **Разг.** Превзойти кого-л. в стрельбе. *Молодец, всех обстрелял! Тебе меня не о.!*

ОТСТРЕЛЯТЬСЯ 1. от кого (чего). Отбиться, обороняясь стрельбой. *О. от неприятеля. О. не удалось.* 2. **Разг.** Закончить стрельбу, стрельбы. *Батарея отстрелялась. Взвод отстрелялся.* 3. **Шутл.** **Закончить какие-л. дела (обычно трудные, неприятные).** *Ну как, сдал зачёт? — Всё, отстрелялся! Все сроки сдачи объекта уже вышли! — Ничего, через неделю отстреляемся!*

ПОСТРЕЛЯТЬ 1. Стрелять некоторое время. *П. из ружья. П. в цель. П. холостыми патронами. П. с часок.* 2. (кого-чего). **Разг.** Стреляя, охотясь, добыть некоторое количество дичи. *П. уток.* 3. кого. **Разг.** Застрелить всех, многих; перестрелять. *П. немало народу. П. как собак (застрелить не задумываясь).* 4. **Разг.-**

сниж. Выпросить, раздобыть что-л. *П. у прохожих сигаретку. П. лиший билетик у театра.*

ПРОСТРЕЛИТЬ 1. что. Стреляя, пробить насеквоздь. *П. руку. П. стену дома. П. мишень. Грудь прострелена навылет. Кепка прострелена дробью.* 2. кого-что. **безл.** *Разг. Об острой боли (обычно в результате простуды, заболевания мышц и т.п.). Поясницу прострелило.*

Переводные статьи русских глаголов с корнем *-стрел-*

[HPBC] (наиболее часто используемый глагол выделен **жирным курсивом** - Киеу Ань Ву)

стрелять 1. **bắn**, nã, **bắn** súng, nô súng, xã súng, xã kích, tác xã 2. **bắn**, **bắn** chết, **bắn** được

стреляться 1. tự **bắn**, tự tử bằng súng 2. **bắn** nhau, đấu súng, đọ súng

выстрелить **bắn**, **bắn** súng, nô súng

застрелить **bắn** chết

застрелиться tự **bắn** chết

обстреливать **bắn**, **bắn** phá, xã kích, nã súng

отстреливаться **bắn** trả, **bắn** lại

перестрелять **bắn** hết, **bắn** nhiều; **bắn** [чết] hết

перестреливаться **bắn** nhau

пострелять **bắn** (một lát)

подстреливать **bắn**... bị thương

пристрелять 1. **bắn** chết 2. **bắn** chỉnh, **bắn** thử, **bắn** lấy đường ngầm

пристреливать 1. **bắn** chết 2. **bắn** chỉnh, **bắn** thử, **bắn** lấy đường ngầm

пристрелить 1. **bắn** chết 2. **bắn** chỉnh, **bắn** thử, **bắn** lấy đường ngầm

простреливать 1. **bắn** thủng, **bắn** xuyên 2. **bắn** ché áp

расстрелять 1. **bắn** thủng, **bắn** xuyên 2. **bắn** ché áp

расстреливать 1. xử **bắn** 2. **bắn** giết, quét sạch, diệt sạch

Словарные статьи глагола *bắn* и его дериватов

[СВЯ]

(перевод на русский язык наш - *Kuey Aнь By*)

BẮN [бан]

1. Phóng tên, đạn, v.v. bằng tác dụng của lực đẩy. *Bắn tên. Bắn súng. Đại bác bắn đòn dập.* - «Выпускать стрелу, пулью и т. д. под действием отталкивания. ~ из лука. ~ ружьём. Пуска ~ градом.»
2. Làm chuyên dời vật nặng bằng cách bẩy mạnh lên. *Dùng đòn xeo bắn cột nhà. Bắn hòn đá tung.* - «Двигать тяжёлую вещь, подняв сильно. ~ колонну рычагом. ~ скалу.»
3. Văng mạnh hoặc bật mạnh. *Thóc ở cõi xay bắn ra. Bùn bắn lên quần. Giật bắn người. Ngã bắn ra.* - «Сильно и внезапно двигаться. Рис из крупорушики ~. Гразь ~ на штанах. ~ своё тело (содрогаться). Падать ~ (падать быстро и далеко от оригинального места).»
4. Chuyển món nợ, khoản tiền, v.v. sang phần của người khác, nơi khác. *Bắn nợ. Bắn khoản áy sang dự chi tháng sau.* - «Перечислять долг, сумму денег и т. д. на счёт другого человека или организации. ~ долг. ~ такую сумму на план расходов следующего месяца.»
5. Kín đáo đưa tin cho một đối tượng nào đó. *Bắn tin cho nhau.* - «Секретно сообщать кого-л. ~ новости друг друга.»

bắn bỗng [бан бонг] *Bắn chỉ thiên.* - «Стрелять в воздух (с целью предупреждения).»
bắn chác [бан тъак] *Bắn (nói khái quát; hàm ý khinh).* *Súng ống như vậy thì bắn chác gì.* - «Стрелять (в общем; с коннотацией презрения). *Как такими ружьями ~ (стрелять)?*».

bắn mìn [бан мин - буквально «стрелять мину»] *Nổ mìn.* - «взрывать мину»

bắn tẩy [бан тай - буквально «стрелять, чтобы стирать»] *Nổ mìn phá những tầng khoáng sǎn nhô ra, làm cho tầng lò có kích thước đúng yêu cầu.* - «взрывать мину, чтобы разрушать руду-препятствие в шахте и сделать шахту подходящего размера по мере необходимости».

bắn tiếng [бан тиенг - буквально «стрелять голос»] Ngỏ ý qua người trung gian. *Bắn tiếng miông gắp.* - «выражать желание через посредника. ~, что хочет встретиться (желать встречаться через посредника)».

Примеры альтернативного употребления глагола *bắn* в онлайн-общении

Hướng dẫn cách **bắn** Bluetooth từ máy tính sang điện thoại - «Как ~(стрелять) (через) Bluetooth с компьютера в телефон» [<https://vfo.vn/r/huong-dan-cach-ban-bluetooth-tu-may-tinh-sang-dien-thoai.112814>]

Cách **bắn** hình ảnh từ điện thoại sang máy tính bằng Bluetooth - «Как ~(стрелять) фото с телефона в компьютер через Bluetooth» [<https://thuthuat.taimienphi.vn/cach-ban-hinh-anh-tu-dien-thoai-sang-may-tinh-bang-bluetooth-9239n.aspx>]

Màn **bắn** rap nhanh nhất Việt Nam, 170 từ trong 20 giây - «Самое быстрое ~ (исполнение) рэпа во Вьетнаме: 170 слов за 20 секунд». [<https://vietnamnet.vn/man-ban-rap-nhanh-nhat-viet-nam-170-tu-trong-20-giay-V77734.html>]

Проанализированный фрагмент из статьи в журнале "Ветеран"

(перевод на русский язык наш;
историческая информация выделена жирным шрифтом - *Kiều Anh Vy*)

"I lived with a tribe of Montagnards for several months. That's what the French called the non-Vietnamese. That crossbow was given to me by their chief."	"Я прожил с племенем монтаньяров несколько месяцев. Это то, что французы называли невьетнамцами. Этот арбалет дал мне их вождь."
He removed the crossbow and quiver from the wall.	Он [американский солдат] снял со стены арбалет и колчан.

"Would you believe this very crossbow shot down a Huey?"	"Ты бы поверила, что этот самый арбалет подстрелил Хьюи [прозвище для американского военного вертолёта Белл UH-1]?"
"They shot down a helicopter with that?"	"Они сбили этим вертолёт?"
"You bet. It takes two men; one to hold it while the other shoots. They have bigger ones for four men that shoot down full-size choppers. They make everything by hand—bow, quiver, and arrows." He pulled out a single arrow.	"Ещё бы. Для этого нужны двое мужчин; один должен держать его, пока другой стреляет. У них есть машины побольше для четырех человек, которые сбивают полноразмерные вертолёты. Они все делают вручную — лук, колчан и стрелы." Он вытащил единственную стрелу.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.

Глаголы с корнем *-рв-* (лексикографические материалы)

[НСОС, БТС, НРВС, СВЯ]

(выбранные значения выделены **жирным шрифтом** - *Kiey Aнь By*)

РВАТЬ

1. (св. разорвать). кого-что. Резким движением разделять на части. *P. простынию на тряпки. P. зубами кусок мяса. P. куру на части. P. письма на мелкие кусочки. P. одежду в клочья. Не рви книгу! P. на себе рубашку* (о состоянии раздражения, озлобления или клятвенном подтверждении чего-л.). *P. воздух* (громко раздаваться; о звуках). *P. тишину* (нарушать; о звуках). *P. уши, барабанные перепонки* (неприятно действовать на слух, раздражать; о звуках). *P. душу, сердце* (мучить, терзать). // (св. разорвать и порвать). Делать дырявым, рваным. *P. ботинки. P. сумкой колготки. Сапоги рвут пятки носков.*
2. (св. разорвать). Взрывом разносить на части. *P. скалы динамитом. P. лёд на реке.*
3. кого-что. Сильно, резкими движениями дёргать, трепать. *P. одеяло на себя. P. на себе бинты. Пёс рвал полы пальто. Ветер рвёт флаги. P. кого-л. за волосы, за уши; p. уши кому-л.* (обычно в драке, в наказание и т.п.). *P. на себе волосы* (о состоянии крайнего отчаяния, досады и т. п.). / что. *безл. Разг. О жгучей, дёргающей боли. Палец рвёт (нарывает).* // (св. вырвать). Вырывать, выхватывать. *P. из рук стакан с чаем. Ветер так и рвёт у меня газету. P. зуб, зубы* (удалять хирургическим путём). *С руками p. что-л.* (раскупать нарасхват, охотно покупать).
4. (св. сорвать). что с кого-чего или с себя. Срывать. *P. огурцы с грядки. P. на верхушке яблоки. P. ягоды в лесу. P. цветы. P. с руки повязку. Ураган рвёт крыши домов.*
5. (св. урвать). (что). Получать, приобретать незаконным или недобросовестным путём. *P. куш. P. каждый себе.* 6. (св. разорвать и порвать). что и с кем-чем. *P.*

дипломатические отношения. Р. дружбу. Р. все свои связи. Р. с прежними друзьями. Р. со своим прошлым.

* Рвать на части кого. Не давать покоя, отдыха кому-л., обращаясь непрерывно с вопросами, делами, поручениями. Рвать и метать. Находиться в сильном раздражении, озлоблении. Рвать когти. *Разг.-сниж.* Убегать, поспешно удаляться.

ВЗРЫВАТЬ

1. ВЗРЫВАТЬ см. Взорвать.
2. ВЗРЫВАТЬ см. Взрыть.

ВЗОРВАТЬ

1. что (чем). Произвести взрыв (2 зн.); разрушить взрывом. *В. мину, снаряд. В. мост, здание. В. горную породу. В. динамитом.*
2. что. *Разг. Уничтожить, полностью разрушить (обычно разом). В. существующую систему. В. сложившуюся ситуацию.*
3. кого. *Разг. Возмутить, рассердить. Его грубость меня взорвала.* * безл. *От такого тона любого взорвёт.*

ВЗРЫВ

1. **Освобождение большого количества энергии в ограниченном объёме за короткий промежуток времени, вызванное воспламенением взрывчатого вещества, ядерной реакцией и другими причинами.** *Атомный, тепловой в. В. метана в шахте. В. снаряда, мины. В. вулкана, парового котла.*
2. **Разрушения, производимые взрывом (1 зн.).** *В. моста, судна, самолета.* *Произвести в. Погибнуть при взрыве.*
3. чего. Внезапное бурное проявление чего-л. *В. аплодисментов. В. хохота. В. народного гнева, негодования. Социальный в. Демографический в.*
4. **Лингв.** В фонетике: мгновенный выход струи воздуха при размыкании органов речи в момент произнесения звука.

ВЗРЫТЬ Разрыть, взрыхлить. *Земля взрыта снарядами. Лужайка взрыта кротами.*

Глагольные дериваты с корнем **-рв-**

[НСОС, с.]

(выбранные дериваты выделены **жирным шрифтом** - *Киев Ань Ву*)

рвать, рваться, рвануть, рвануться, взорвать, взорваться, взрывать, взрываться, вырвать, вырваться, вырывать, вырываться, дорвать, дорывать, изорвать, изорваться, поизорваться, нарвать, нарывать, надорвать, надрывать, оборвать, оборваться, обрываться, оторвать, оторваться, отрывать, отрываться, перервать, перерывать, порвать, порваться, порывать, порываться, подорвать, подорваться, подрывать, подрываться, прервать, прерывать, прерваться, прорвать, прорваться, прорывать, прорываться, разорвать, разорваться, разрывать, разрываться, сорвать, сорваться, срывать, срываться, урвать, урваться, урывать, урываться

Выборка глагольных дериватов с корнем **-рв-**

[БТС]

(выбранные значения выделены **жирным шрифтом** - *Киев Ань Ву*)

ВЗОРВАТЬСЯ 1. Разрушиться от взрыва, при взрыве. *Бомба, граната взорвалась. Взорвался атомный реактор. Машина взорвалась. Взорвались цистерны с горючим.* 2. **чем.** (в сочет. с отвлеч. сущ.). Внезапно и бурно начать действие, указанное существительным. *Зал взорвался хохотом. Публика взорвалась аплодисментами.* 3. **Прийти в негодование, возмутиться.** *В. от явной несправедливости. Взорвался из-за пустяка.*

(ВЗРЫВАТЬСЯ см. Взорвать и Взорваться.)

ПОДОРВАТЬ 1. кого-что. Уничтожить, разрушить взрывом. *П. мост. П. подлодку. П. себя гранатой.* 2. что. **Причиняя вред, нанося ущерб чему-л., расшатать, ослабить что-л.** *П. экономику страны. П. основы, устои. П. здоровье. Болезнь подорвала силы. Потеря работы подорвала финансовое положение семьи. П. чьи-л. надежды, уверенность, веру. П. чей-л. авторитет, влияние. Скора подорвала силы старика.* // **Разг. Нанести ущерб чьему-л. здоровью, душевному состоянию.** Кончина сестры подорвала здоровье матери. 3. **Разг. Уйти, убежать, удалиться откуда-л.** Трусы подорвали с парохода первыми.

ПОДОРВАТЬСЯ 1. Погибнуть, разрушиться от взрыва. *Подорвались и свои и чужие. Лодка подорвалась на мине.* // Взорваться (о снарядах, взрывчатых веществах). *Мина подорвалась.* 2. **Повредиться, расшататься, ослабиться.** Здоровье подорвалось. Хозяйство подорвалось. // **Потерять прежнее значение; поколебаться.** Авторитет подорвался. Власть подорвалась.

(ПОДРЫВАТЬ см. Подорвать.)

(ПОДРЫВАТЬСЯ см. Подорвать и Подорваться.)

Переводные статьи русских глаголов с корнем *-рв-*

[HPBC]

(наиболее часто используемый, но не аналогичный глагол подчеркнут, и часто используемый глагол выделен **жирным курсивом** - *Киеу Ань Ву*)

взрывать 1. взорвать (В) làm *nổ, nổ*; (разрушать) *phá nổ, phá* hoại, *phá* huỷ, *phá*; ~ *mýnu nổ mìn*; ~ *most nổ mìn phá cát*

взрываться, взорваться *nổ, bùng nổ, nổ tung*

взорвать сов. 1. см. взрывать I; 2. *перен. разг.* (возмутить) làm... nỗi giận (nỗi con thịnh nộ, nỗi trận lôi đình); *его слова -ли меня những lời nói của nó làm tôi nỗi giận (nỗi con thịnh nộ, nỗi trận lôi đình); меня -ло tôi nỗi giận (nỗi con thịnh nộ)*

взорваться сов. 1. см. взрываться; 2. *перен. разг.* (возмутиться) nỗi giận, tức giận, phẫn nộ, nỗi con thịnh nộ, nỗi trận lôi đình, nỗi tam bành; (*выйти из себя*) *mất bình tĩnh, mất tự chủ*

подрывать II, подорвать (B) 1. làm *nô*, phá sập, phá hoại, phá; (*горную породу*) *bán* (*nô*) *mìn*; ~ *mост* *phá* sập (*phá* hoại, *phá*) *cầu*; 2. *перен.* phá hoại, làm hại, làm tổn hại, làm mất; *подорвáть своё здорóвье* làm hại (*làm tổn hại*) *sức khoé* *của* *mình*; *подорвáть чéй-л. авторитéт* *hạ* (*làm mất*, *phá* hoại) *uy tín* *của* *ai*; ~ *довéreue* làm mất *tín* *nhiêm*

подрываться, подорваться 1. bị làm *nô* (phá sập, phá hoại, phá); 2. *перен.* bị phá hoại (*làm hại*, *tổn hại*)

(подорвать сов. см. подрывать II)

(подорваться сов. см. подрываться)

Словарная статья глагола *phá*

[СВЯ]

(перевод на русский язык наш - *Kuey Anh By*)

PHÁ [фа]

1. Làm cho tan vỡ, hư hỏng, cho không còn nữa. *Phá bùc tường, xây lại. Sâu phá lúa. Phá vỡ kẽ hạch.* - «Делать разбитым, сломанным, больше не существующим. ~ (разрушить) стену и отстроить. Черви ~ (уничтожают) растения риса. ~ (разрушить) плану.»
2. (kết hợp hạn chế). Làm cho cái cũ không còn giá trị bằng cách tạo ra cái mới, giá trị cao hơn. *Phá chỉ tiêu cũ. Phá kỉ lục thế giới.* - «(используется в ограниченных сочетаниях). Делать больше недействительным путём создания новых вещей, более высокой ценности. ~ (нарушить) старую квоту. ~ (побить) мировой рекорд.»
3. (Vết thương) lở bung ra. *Vết thương phá miệng. Phá lở.* - «(о ране) сильно открываться. Рана ~ (открывает) своё отверстие. ~ (открыть) рану.»
4. (kết hợp hạn chế). Phát ra, bật ra một cách mạnh mẽ, khó ngăn giữ được. *Phá lên cười, Phá chạy (vứt bỏ chạy). Vui như phá (kng.; hé súc ôn ào).* - «(используется в ограниченных сочетаниях). Появляться, ускоряться в сильном, трудно останавливаемом виде. ~ (разразиться) смехом. ~ (ускорить) бег (внезапно

бегать). ~ (веселиться) так, как ~ (будто ломать все вокруг) (разг. Очень шумно.).»

5. (kết hợp hạn chế). Làm sơ qua lần đầu, phác qua, để còn làm tiếp các bước sau. *Tiến phá. Câu phá* (câu mở đầu bài thơ theo luật thơ Đường: câu phá đê). - «(используется в ограниченных сочетаниях). Делать первичным, примерным, чтобы перейти к следующим шагам. *Делать обработку резанием* ~ (за первичную форму).

Стихотворная строка ~ (открывающая тему).»

Словарные статьи глагола *nô* и его дериватов

[СВЯ]

(перевод на русский язык наш - *Kieu Anh By*)

NÔ [но]

1. Bật vỡ ra đột ngột và mạnh, nghe thành tiếng động lớn và ngắn, thường bắn tung ra các mảnh. *Pháo nô giòn. Lốp xe bị nô. Súng nô*. - «Ломаться внезапно и сильно, издавая большой и короткий шум, часто выстреливая осколками. *Фейерверк громко взрывается* (или *Артиллерия громко стреляет*). *Шина* ~ (лопнет). *Ружьё* ~ (стреляет).»

2. Làm cho nô ra hoặc cho phát ra tiếng nô. *Nhảm mục tiêu nô luôn máy phát. Nô mìn. Xe nô máy (để bắt đầu chạy)*. - «Производить взрыв или издавать звук взрыва. В цель ~ (сделать) несколько выстрелов. ~ (взорвать) мину. Транспортное средство ~ (заводит) двигатель (чтобы начать работу).»

3. Phát sinh đột ngột với mức độ mạnh. *Nô ra cuộc tranh luận. (Chiến tranh) bùng nô*. - «Появляться внезапно с высокой степенью силы. ~ (разгорается) дискуссия. *Война* ~ (началась).»

bùng nô [бунг но - буквально «разжигать и взрывать»] Phát sinh đột ngột, như bùng lên, nô ra mạnh mẽ. *Chiến tranh bùng nô*. - «Появляться внезапно, как разжигать, взрывать сильно. *Война* ~ (началась).»

nô cuór [но кыоп - буквально «взрываться как грабить»] Nô sóm khi chưa định nô.

Quá mìn nô cuór. - «Взрываться ранее, чем планируется. Мина ~.»

nô mìn [но мин - буквально «взрывать мину»]. Làm nô khói thuôc được nạp vào những khoảng trống. Nô mìn phá đá. - «Взорвать блок пороха, вставленный в пробелы. ~, чтобы разрушать камень.»

nô súng [но сунг - буквально «взрывать ружьё»] Bắn (thường nói về sự bắt đầu, mở đầu một cách bắt ngờ). Được lệnh nô súng. Đến gần mới nô súng. - «Стрелять (обычно о неожиданном начале, открытия). Получить указ, чтобы ~ (открыть огонь).

Приближать и ~.»

Проанализированный фрагмент новости

с разговорным употреблением глагола *nô*

[<https://vnexpress.net/be-mat-khi-chong-hay-no-2430799.html>]

(перевод на русский язык наш - *Kieu Anh Vy*)

Bẽ mặt khi chòng hay ' <u>nô</u> '	Быть стыдна за мужа, который всегда «взрывается» (хвастается)
[...] Nhà tâm lý Văn Thanh Sỹ, đường dây tư vấn tâm lý 1088 TP HCM cho biết, <u>khoác lác chỉ tính cách của người hay nói quá sự thật</u> , và đây là một đặc tính hay gặp ở nam giới. [...]	[...] Психолог Ван Тхань Си, работающий на прямой линии 1088 ТР НСМ для психологической консультации, сказал, что <u>хвастовство</u> характерно для тех, кто <u>часто говорит больше, чем правду</u> , и такой характер обычно бывает у мужчин. [...]
[...] Đa phần những nam giới hay " <u>nô</u> " là những người không chín chắn. Họ là những người đàn ông nông cạn, không nghĩ tới hậu quả lời nói của mình. Những người hay khoác lác thường làm	[...] Большинство тех мужчин, кто всегда «взрывается» (хвастается) – нерассудительный человек, не продумывающий последствия своих слов. Хвастливые люди всегда возмущают своих

người nghe khó chịu. Họ gieo niềm tin cho những người mới quen mà chưa rõ về họ. Còn khi va chạm cuộc sống, mọi người chắc chắn sẽ nhận ra và dần mất niềm tin.

слушателей. Они входят в доверие к тем, кто с ними недавно знаком и о них мало знает. В течении реальной жизни люди неизбежно все понимают и постепенно теряют к ним доверие.

Примеры альтернативного употребления глагола *nô* в онлайн-общении

(перевод на русский язык наш - *Kuey Anh By*)

Mấy thằng hay nói câu "nô đia chỉ gặp tao" trên mạng là có bản lĩnh hay thích thể hiện - «Те, кто говорит "нô («взорви / покажи) адрес для встречи со мной» в Интернете, смелы или выпендриваются?» [<https://voz.vn/t/may-thang-hay-noi-cau-no-dia-chi-gap-tao-tren-mang-la-co-ban-linh-hay-thich-the-hien.264461>]

Nô Địa Chỉ Các Quán Chay Sài Gòn Và Mới Lạ - «нô (Взрываем / Перечисляем) адреса новых веганских ресторанов с вкусной едой в Сайгоне» [<https://anchay.vn/mon-an-chay/no-dia-chi-cac-quan-chay-sai-gon-ngon-va-moi-la.html>]

ПРИЛОЖЕНИЕ 3.

Глаголы с корнем **-кол-** (лексикографические материалы) [НСОС, БТС, НРВС, СВЯ]

1. КОЛОТЬ

1. (св. уколоть). что. **Касаясь чем-л. острым, причинять боль, вызывать ощущение укола.** *Хвоя колет босые ноги. Мелкий снег колет, как иголками.*
2. (св. заколоть). что, в чём. безл. **Об ощущении колющей боли, колотья.** *Колет в боку. Кололо поясницу. Сердце иголками колет.*
3. (св. уколоть). кому, кого (что). *Разг. Делать укол, инъекцию.* **К. витамины, алоэ. К. себе инсулин. К. большие не будем: принимайте таблетки.**
4. (св. заколоть). кого (чем). **Вонзать, всаживать в чьё-л. тело острёё оружия.** **К. противника штыком.** * *Швед, русский — колет, рубит, режет (Пушкин). Рука бойцов колоть устала (Лермонтов).*
5. (св. заколоть). кого. **Убивать ударами ножа, резать (животных).** **К. свиней.**
6. (св. уколоть). кого. *Разг. Задевать колкими, неприятными замечаниями, язвительно упрекать; подкалывать.* **К. насмешками, намёками, замечаниями.** // Вызывать в ком-л. чувство досады, раздражения. *Колет сомнение. Его колола мысль, что он остался в стороне от общего веселья.* * *Правда глаза колет (Посл.: неприятно слышать правду).*

* **Колоть глаза кому-л.** 1. чем. **Попрекать, стыдить кого-л.** -2. **Вызывать досаду, раздражение.**

* **(Темно), хоть глаз коли.** **Очень темно.**

2. КОЛОТЬ. что. Рассекать, расщеплять или раздроблять на части ударами чего-л. **К. дрова. К. орехи. К. сахар. К. лёд.**

Глагольные дериваты с корнем **-кол-**

[НСОС]

(выбранные дериваты выделены **жирным шрифтом** - *Киев Ань Ву*)

колоться, кольнуть, вколоть, вкалывать, вкалываться, выколоть, выкалывать, выкалываться, заколоть, закалывать, закалываться, исколоть, искалывать, искалываться, наколоть, наколоться, переколоть, перекалывать, поколоть, покалывать, приколоть (+приколоться), прикалывать, проколоть, прокалывать, прокалываться (+проколоться), сколоть, скальвать, скальваться, уколоть, укалывать, укальваться

Выборка глагольных дериватов с корнем **-кол-**

[БТС]

(выбранные значения выделены **жирным шрифтом** - *Киев Ань Ву*)

КОЛОТЬСЯ 1. Обладать способностью колоть (1.К.; 1 зн.), вызывать при прикосновении ощущение укола. *Свитер связан из грубой шерсти — колется. Сено кололось сквозь простыню. Ёж кололся своими длинными иголками. Шипы колются.* 2. Драться, сражаться холодным (колющим) оружием, колоть друг друга. Воины бросались друг на друга, кололись и резались. 3. Разг. Получать укол (уколы), подвергать себя уколу (уколам). К. у одной и той же медсестры. К. инсулином. 4. Разг. Вводить себе наркотики; быть наркоманом. Он уже давно колется. Больше не колюсь: завязал. * **И хочется и колется (и мама не велит).**

Разг. О желании, связанном с риском.

ВЫКОЛОТЬ 1. Проткнуть острием. В. глаз. 2. Прокалывая чем-л. острым, нанести какой-л. узор, рисунок и т.п. В. татуировку. 3. Вырубить из массы чего-л. В. глыбу льда. * **Хоть глаз выколи (разг.; совсем темно).**

НАКОЛОТЬ 1. что (чем). Повредить, поранить, прикоснувшись к чему-л. оструму, наткнувшись на что-л. острое. Н. иголкой палец. Н. шипами руку. 2. что (на что). Прикрепить чем-л. острым. Н. на шляпу цветы. Н. на доску флаги. 3. что (на что). Насадить, надеть на что-л. острое. Н. на булавку бабочку. Н. лист бумаги на гвоздь. 4. что. Сделав ряд проколов на поверхности чего-л., получить узор, рисунок и т.п. Н. контуры карты. Н. на груди якорь. // Проколоть поверхность чего-

л. в нескольких местах. Н. вишню, крыжовник. 5. что и кого. Закалывая, убить в каком-л. количестве (животных, птиц и т.п.). Н. гусей. Н. корзину кроликов. **6. кого.** **Жарг.** **Обмануть, ввести в заблуждение кого-л.** *Меня накололи на сто рублей.*

ПОКАЛЫВАТЬ *Разг.* **Изредка и слегка колоть, причиняя боль, пощипывая.** *В пятке покалывала заноза. Снежинки покалывают кожу. Ледяной воздух покалывал горло.* * **безд.** **О чувстве колючей боли.** *Покалывает в боку.*

ПРИКОЛОТЬ 1. что. Прикрепить что-л. (булавку, шпильку и т.п.), проколов то, к чему прикрепляют. П. кнопку. П. булавку к юбке. П. брошь, значок. 2. кого-что. Жарг. Прикрепить к чему-л. булавкой, шпилькой и т.п. П. кнопками объявление. П. лист бумаги. П. иголкой бабочку. П. бант, цветок к платью. П. косу шпилькой. 3. кого. Разг. Убить чем-л. колющим, режущим; заколоть (1.3.; 1 зн.). П. свинью. П. штыком, копьём, ножом. Безжалостно п. человека. **4. кого.** **Жарг.** **Поддеть, уязвить; подшутить над кем-л.**

УКОЛОТЬ 1. кого-что. Вонзиться, причинив кому-л. боль (о чём-л. остром). Игла уколола палец. Ветка уколола глаз. Травинка уколола ребёнка. // Причинить боль кому-л. или себе, вонзив что-л. острое, коснувшись чем-л. острым. Ёж уколол руку. У. себе палец. Собака уколола ногу. У. иголкой, булавкой, стеклом. // Нанести рану колющим оружием. У. штыком, шпагой, рапирой. 2. кого. Сделать укол (2 зн.). У. больного в ягодицу. **3. кого.** **Быстро, пристально (обычно недоброжелательно) взглянуть на кого-л.** У. глазами. У. взглядом. **4. кого-что.** **Внезапно, резко осознать, почувствовать что-л. (какие-л. мысли, чувства).** *Подозрение укололо сердце. Кого-л. укололо сомнение в правоте дела. Зависть уколола сердце.* **5. кого-что и во что.** **Болезненно задеть кого-л., чьи-л. чувства колким ядовитым замечанием, насмешкой; уязвить.** У. кого-л. *свои ответом. Шутка уколола кого-л.* У. *самолюбие, гордость. У. в самое сердце.*

Переводные статьи русских глаголов с корнем **-кол-**

[HPBC]

колоть I, кольнуть (B) 1. (*остриём*) châm, chích, **đâm**, thọc, chọc; 2. тк. несов. (*пронзать оружием*) **đâm**; 3. *перен.* (*задевать язвительными замечаниями*) châm chọc, châm chích, châm biém, nói xóc óc, nói móć, nói xõ; đót (*разг.*); 4. тк. несов. (*убивать скот*) chọc tiết, giết; 5. *безл.* у меня кólet в боку́ tôi bị đau nhói ở hông; ♦ прávda глазá кólet *посл.* = thuốc đắng đã tát, nói thật mắt lòng; lời ngay trái tai; trung ngôn nghịch nhĩ; ~ глазáкому́-л. чéм-л. làm ai xáu hổ (khó chịu) vì cái gì

колоться I несов. (*вызывать ощущение укола*) **đâm**, châm, chích, làm đau; кáктус кóлется cây xương rồng **đâm** đau

кольнуть сов. см. колоть I 1. 3, 5

вколоть сов. tiêm, chích, găm

выколоть сов. см. выкальывать

выкальывать, выколоть (B) 1. **đâm** lòi, chọc lòi, **đâm** thủng; *выколоть глаз* **đâm** lòi mắt; 2. (*наносить узор*) châm, châm thủng; ♦ (*темнó*) хоть глаз выколи tôi như bung, tôi như hũ nút, tôi như mực, tôi om

заколоть I сов. см. закалывать

закалывать, заколоть (B) 1. (*убивать*) **đâm** chết; (*животных тж.*) chọc tiết; заколоть свинью chọc tiết lợn; 2. (*закреплять*) găm, ghim, cài, gài; ~ волосы găm tóc

Словарная статья глагола **đâm**

[СВЯ]

(перевод на русский язык наш - *Kuey Anь By*)

ĐÂM [дам]

- Đưa nhanh một mũi nhọn châm vào nhầm làm thủng, làm tổn thương. *Dùng giáo đâm.* *Bị kim đâm vào tay. Đâm lê.* - «Быстро двигать острье в контакт, чтобы прокалывать или ранить. ~ никой. Иглой ~ на руку. ~ штыком.»
- Giã. *Thái rau đâm bèo.* - «Толочь. Резать овощи и ~ «бèо» (водные растения).»
- Di chuyễn thẳng đén làm cho châm mạnh vào. *Ôtô đâm vào gốc cây.* - «Двигаться прямо в (что-л.) с сильным контактом. Машина ~ в дерево.»

4. Nói xen vào, cắt ngang lời người khác. *Thỉnh thoảng lại đâm vào một câu.* - «Прерывать разговор кого-л. *Иногда ~ предложением.*»
5. Nằm nhô ra trên bè mặt. *Chân núi nhiều chỗ đâm ra biển.* - «Стоять, выступая вперёд. *Подошва в многих местах ~ на море.*»
6. Nảy ra từ cơ thể thực vật. *Đâm chồi. Đâm rễ.* - «Вырастать из растительного тела. ~ росток. ~ корень.»
7. (khn.) Sinh ra, chuyển sang trạng thái khác, thường là xấu đi. *Đâm cáu. Đâm hư.* - «разг. Становиться, переходить в другое состояние, обычно более отрицательное. ~ сердитым. ~ дурным.»

ПРИЛОЖЕНИЕ 4.

Пословицы и поговорки с компонентом/компонентами *ружьё* и/или *пуля*

Русские пословицы и поговорки с компонентом/компонентами

ружьё и/или *пуля*

Ружьё не выстрелит – и птицы не убьешь

Казак без коня, что солдат без **ружья**

Солдат без **ружья** – тот же баран

Был бы ловец, а **ружьё** будет. На ловца и зверь бежит; Положить **ружьё**

Его ничто не берет (и **пуля** не берет)

Вот **пуля** пролетела, и товарищ мой упал...; И тут я только понял, что товарищ мой убит...

Если кровью ворона вымазать дуло **ружья**, не будет промаха

Пуля дура, штык молодец

Пулей за камнем не достанешь, а штыком из земли выковырнешь

Не всякая **пуля** в кость да в мясо, иная и в поле

Не **пуля**, а человек человека из **ружья** убивает

Стреляй в куст, бог (или: **пуля**) виноватого сыщет; Дурак стреляет – бог **пули** носит; **Пуля** дура, а виноватого найдёт

Вьетнамские пословицы и поговорки с компонентом/компонентами

súng [сунг] (**ружьё**) или/и *đạn* [дан] (**пуля**)

(КПВН)

(перевод на русский язык наш - *Kieu Anh Vy*)

Đau lòng **súng** **súng** nô, đau lòng gõ gõ kêu [дау лонг **сунг** **сунг** но, дау лонг го го кэу]
- «Если ружьё сердится, оно стреляет, если дерево (деревянный предмет) сердится, оно щелкает»

- Lòng súng, súng nổ; lòng gỗ, gỗ kêu [лонг сунг, сунг но; лонг го, го кэу] - «Если ружьё сердится, оно стреляет, если дерево (деревянный предмет) сердится, оно щелкает»
- Tức nòng súng, súng nổ [тык нонг сунг, сунг но] - «Если ствол ружья сердится, он стреляет»

Словарное замечание: Bực mình thì phải kêu, phải nói - «Если человек разгневан, он должен высказать это вслух»)

Điếc không sợ súng [диек кхонг со сунг] - «Глухой и не боится ружья»

- Voi điếc dạn súng [вой диек зан сунг] - «Глухой слон смел, когда сталкивается с ружьём»

Hò voi bắn súng sậy [хо вой бан сунг сай] - «Прогнать слона с помощью примитивного ружья»

- Voi bắn súng sậy [вой бан сунг сай] - «(Против) слона с помощью примитивного ружья»

Словарное замечание: Chê những kẻ huênh hoang um sùm mà chỉ để làm một việc nhỏ bé, không có nghĩa lí gì - «Унижать тех, кто громко хвастается, чтобы последовать за ними мелкими и бессмысленными действиями»

Bắn súng không nên phải đền đạn [бан сунг кхонг нен фай ден дан] - «В случае, если выстрел из ружья не приведет к попаданию, стоимость пули должна быть возмещена»

Словарное замечание: Làm việc không thành phải bồi thường - «Когда работа оказывается неудачной, расходы на неё должны быть возмещены»

Đàn đâu mà gầy tai trâu, đạn đâu bắn sẻ, gươm đâu chém ruồi [дан дау ма гай тай чау, дан дау бан се, гыом дау тьем руой] - «Нет музыкального инструмента, на котором стоило бы играть буйволам; нет пуль, которыми стоило бы стрелять в маленьких птичек; нет меча, которым стоило бы рубить мух»

- **Đạn** đâu bǎn sě, guồm đâu chém ruồi [дан дау бан се, гыом дау тьем руой] - «Нет пуль, которыми стоило бы стрелять в маленьких птичек; нет меча, которым стоило бы рубить мух»
- Hoài lời mà nói với trâu, **đạn** đâu bǎn sě, guồm đâu chém ruồi [хоай лой ма ной вой чау, дан дау бан се, гыом дау тьем руой] - «Нет слов, которые стоило бы сказать буйволам; нет пуль, которыми стоило бы стрелять в маленьких птичек; нет меча, которым стоило бы рубить мух»

Словарное замечание: Không nên bỏ công sức làm những việc vô ích - «Человек не должен тратить свои усилия на бессмысленную работу»

Đạn ăn lén, tên ăn xuồng [дан ан лен, тен ан суонг] - «Пули поднимаются, стрелы опускаются»

Словарное замечание: Kinh nghiệm bắn súng, nỏ - «Опыт стрельбы из ружья и арбалета»